

Александр Кокин

БОЛОТО И ЛОТОС

***Москва
2019***

УДК 821.161.1(081)
ББК 84(2Рос-Рус)

Кокин А.В.
К59 Болото и лотос.-М.:2019. - 312 с.

В новую книгу вошли опубликованные ранее и новые рассказы, новые и ранее опубликованные стихи, в которых автор верен своей манере повествовать о Природе и человеке, о взаимоотношениях мужчины и женщины, о любви и гражданской позиции автора.

УДК 82-14+82-32
ББК 84-5

УДК 82-14+82-32
ББК 84-5

ISBN -978-5-4465-2196-8

© Кокин А.В., 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее издание вошли два новых рассказа «Болото и лотос», «Ничья. Мистика. Любовь...» и четыре ранее опубликованных рассказа. Всех их объединяет желание автора разобраться в сущности современного человека, попадающего в разные жизненные ситуации, в которых проявляется его отношение к самому себе, окружающим его людям и природе. Автору хотелось показать, что в разных жизненных условиях человек остаётся верен своим главным принципам добра, совести и любви, которые даются нелегко, чтобы оставаться человеком, а не животным, сущность которая заложена в человеке и которая будет ещё очень долго его сопровождать. Борьба разумной и животной сущности в человеке и есть те необходимые противоречия заложенные самой Природой, которые делают возможным дальнейшее развитие социума и разума.

Эти же темы звучат в новых и ранее изданных стихах автора, в которых ему хотелось показать всю обострённость отношений между людьми, властью и обществом, между мужчиной и женщиной, между собой и природой. И автору хотелось показать, что в минуты раздумья человек неизбежно может погружаться в состояние одиночества творческой личности, из которой ему видятся горизонты общечеловеческого единения в необходимости беречь разумное и вечное, понимать место человека в Природе.

Cmixu

**Часть1. Природа рискнула создать человека.
Человек рискнул овладеть ею.
Что получится из этого —
мы только догадываемся...**

Поэт и редактор

Младенца своего зарифмовав,
я чудом любовался сотворенным.
Редактор, фабулу стихов моих сломав,
мне показался умиротворенным.

Создание мое одел в образчик,
который был похож, увы, на всех.
На пьльцах, как платок, душеприказчик
распял творенье под ехидный смех.

Его увещевать мне не пристало,
не стал глядеть в ехидные глаза,
забрал стихи, побрел к себе устало,
так ничего в ответ и не сказав.

А дома на меня с листа стишонок
глазенками мои глаза сверлил,
тарачился на мир родной бесенок,
мычал, зевал, ничто не говорил.

И так прекрасен, он мне показался,
что не был он обрублен и казнен,
что я теперь от счастья засмеялся
во славу всех редакторских имен!

Во славу тех, кто правит, понимая,
что он с произведением творит,
чему творцу так искренне внимая,
так искренне к нему благоволит.

Человек...

Как низок ты
и как велик,
но твой вселенский
одинокий крик
никто в эфире
не расслышит,
и над тобой
с вселенской крыши
твоя история
лишь миг.

Ты разумом своим
в материю проник,
но голос одинок твой
во вселенной.
Насколько низок ты,
настолько и велик
на, божьей милостью,
Земле благословенной...

Что ждет тебя
в безмерной пустоте,
скиталец душ
и музы просвещения?
И на какой безвременной
черте, последние исчезнут
поколения?

Время и пространство
растворились...
Вокруг меня природа
отдыхает.
Такие откровения
не снились —
здесь кажется душа
благоухает:
поет скворец,
цветут сады и нивы,
пчела танцует,
радуясь цветку,
и нежится под солнцем
кот счастливый,
и я вот стих
замысловатый тку.
Как просто всё
природе так внимать
и замечать,
как жизнь течет рекою.
И как сейчас
мне важно понимать,
что рядом, что вдали,
и что я стою...

Ценнее человека
есть природа.
Но только без него
она безлика.
Как человек
без племени
и рода,
как проповедь
без слов
и базилика.

Природу сущностью
мы наделяем
и красотой,
и чувством,
и теплом.
И в музыку
природу
одеваем,
и наделяем
высшим божеством.

И, может быть,
она без нас
не может,
а потому
пока всех нас хранит,
из заблуждений
выбраться
поможет,
за прегрешения людей
простит.

Все
понимают то,
что бессловесно:
и музыку,
и живопись
и танец.
Наверно с этим спорить бесполезно
они как Божий Глас и Божий Агнец.

И
стало быть
не слово
у Начала,
а музыка
гармонией своей
в пещерных сводах каменных звучала
и подчинялась ей.

Углем ли,
охрой,
камень пробуждая,
живописали
первозданный
мир,
но в уголках сознания блуждая,
слова искали для грядущих лир.

В словах и музыке той
песня зазвучала,
но,
сотворенный разумом
своим,
ты, Человек,
осознанно Начало
доверил божествам своим.

И молишься,
и просишь,
и страдаешь
к своим взывая
трепетно
богам,
и сам того давно не замечаешь,
что припадаешь к собственным ногам.

Предел разума

Создатель разума, сдаётся,
ошибочно в веках считал,
что он всегда всего добьётся,
хотя того не понимал.

Что из животного начала
животный тот водораздел
его вернёт опять к причалу,
с какого выбраться хотел.

Свобода, равенство и братство
утонут в желчной жажде благ,
и в этом вся беда коварства,
какого добивался враг.

Враг дум и душ, и смертной плоти —
всепожирающий конец.
Убийство разума на взлёте —
терновый разума венец.

И во Вселенной одиноко
всебезысходностью томим
наш разум плачется иноком,
Природа плачет вместе с ним.

Но я пытаюсь докричаться
до тех, кто может быть ещё
вдруг над собою мог подняться,
другим поставил бы плечо.

Преодолеть животный зов,
и вместе вырвавшись из плена,
из потребительских оков,
мы растворимся во Вселенной.

И воплотит великий дух
неисчезающего Мира,
в противоборстве долгих мук,

не создадим мы вновь Кумира.

Чтоб не молиться, не стенать,
к *Нему* взывая о прощении
и безнадежно ожидать
Его в великом воскресении.

Я мыслю мир,
таким,
каким он есть,
я мыслю мир,
прекрасным,
не превратным.
Я мыслю мир,
в котором долг
и честь,
переплелись
с предательством
отвратным.
Где нелюбовь,
скрывается в любви,
а где любовь
нам мнится
нелюбовью...
Где невиновный
поперхнётся
кровью,
а алчущий
станцует на крови...

Г. Перельману

Зачем заслуженные звания,
а в них усталость торжества?...
Он смысл и вечность мироздания
не подсмотрел у божества.

И счастлив был бы бесконечно,
что заглянув за край миров,
он смыслу внял, что всё конечно
и в представлении богов.

И только разумом к Началу
всё продолжает вопрошать:
к какому обществу финалу
способно будет так бежать?

Когда вокруг одни пороки,
творцов всё жалуют кнутом.
А те, скитаясь как иноки,
в себе и мыслях одиноки,
не возвращаются потом...

В конечной сущности той зримо
не может воплотиться Бог.
Всё бродит где-то пилигримом,
скитаясь в вечности у ног.

Бог думает о нас,
но не нашим умом.
Заботится о нас,
но не нашим способом.
Говорит с нами,
но не на нашем языке.
Мы постигнем Бога,
когда сольёмся с ним.

О Пьер!¹
Тогда ты точно прав.
Не сотворив себе Ковчега,
былые истины поправ,
свою ты в точке той Омега
открыл для нас лишь для того,
чтоб не молились, не стенали,
а разум свой воспринимали
и верили как в Никого.

¹ Пьер Тейяр де Шарден. Французский теолог и философ, один из создателей теории ноосферы

Мне хочется пройтись по небу,
со звёздами проникнув вглубь.
И в Млечный Путь, войти, как в реку,
в эфире парус развернуть.

И понестись по мирозданию
вдали от суетности мира,
чтобы не следовать сознанию
в непостижимости эфира.

Если Бог не смог,
как сможет жалкий человек
любовью мир измерить?
Как может он
в себя поверить,
когда не доверяет Бог?

Всё в прах уйдёт.
Исчезнут города,
и реки обмелеют,
и высохнут озера...
Придут другие
времена.
И золотом в цене
окажется вода,
пустыня лишь
откроется пред взором.

2. Женщины как переменные звёзды. Они меняют свой блеск в зависимости от возраста, окружающей среды и партнёра...

Ты не пришла.
И день постылый.
И ночь мне некому отдать.
И утро за окном простыло.
И Солнце перестало ждать.

Живём, как в параллельном мире...
И осенью, когда зима в квартире,
разнесены во времени пути,
но перекрёсток хочется найти.

А помнишь?... Ты конечно помнишь,
и чувственность души нам не отнять.
Хотя, быть может, даже не припомнишь,
как мы смогли друг друга потерять.

Обида? Нет. А может быть другое,
что так разносит нас в своих мирах.
Мы оба для друг друга как изгой
в тревожных бесконечных снах.

Причин на встречу мы найти не сможем,
как параллельные прямые никогда
не могут, знаешь, пересечься тоже,
как вверх сама не потечёт вода.

Стихи –
от слова стихия,
внезапно пришедшие
к нам...
И вот на салфетке
стихи я
пишу, как прелюдию,
Вам.
Хоть Вы далеко
и не знаю,
что помните,
может, и нет...
Листочки-снежинки
листаю,
читаю я строки
на свет.
Где порваны буквы,
где четко
видны обрамления
их.
Волнуясь, ласкаю
как четки,
салфеточный милый мой
стих.
И кофе в стакане
простыло,
в трактире уж моют
полы.
Буфетчица смотрит
уныло
и вытирает столы.
Мне уходить бы,
да мысли
ложались в салфетную
стопь...
Слова то рождались,
то висли,
стекая в бумажную

топь...
Захлопнулись двери
трактира.
Златой головою
собор,
вставал, воздымался
над миром,
бомжей, положив
под забор...
...Все также!
Все кажется вечным,
как в бездну
бросающий глас
поэта, чьи рифмы
не вечны,
но так вдруг касаются нас.
...Все также!
Все, кажется
вечным
и также страдают
в стихах...
И странником бродит
беспечным
поэт
в недосмотренных снах...

И в сорок пять любовь достанет,
и вскружит голову она.
Одних убьёт, других обманет,
лишит кого-то даже сна.

Любовь, любовь! Ты в центре круга
того, что в жизни ещё есть,
ты как коварная подруга,
и как тот друг, забыв про честь.

Но посетит любви мгновение
когда-нибудь на склоне лет,
и от её прикосновения
вновь вскружит голову сюжет.

От нежности оттают души,
мир вновь покажется другим,
и как внутри, так и снаружи
опять нам станет дорогим.

Отрады в жизни не бывает,
когда утонем мы в быту,
посыл душевный не летает,
всё погружаясь в пустоту.

А ты никогда не любила,
отдушину только нашла.
А время со мной проводила,
как будто бы мимо прошла.

А я, принимая за чувство,
тянулся всё время к тебе.
Таким вот владеешь искусством
брести на твоём поводке.

Ах, милая, годы проходят.
И мимо тебя пролетят.
Что в жизни иные находят,
другие, бывает, проспят.

Милая,
а что написано там,
между строк?

.....

Хотя, никто из дам
не понимают,
что между строк
находится порог,
который иногда
переступают...

Ах ты, куколка моя,
да не приветливая,
тебе хочется играть,
привередливая.
Только игры мне твои
не заманчивые,
а желания твои,
ох, обманчивые.
В них безделица одна,
да с потребностью,
мне ж нужна жена
своей верностью.
Для неё стихов,—
как себе напишу.
Постелю постель,
целину вспашу...
И по жизни с ней
мы покатаемся,
и любовью своей
не растратимся.
Ах ты, куколка моя —
ночь последняя,
не нужна ты мне,
привередливая.

Когда-то муж
сказал своей жене:

- Ты не по мне!

- Ну что ж, -

она ему сказала.

- Я это до замужества

узнала,

поскольку не нужна была

тебе...

- А что же до сих пор молчала?

Другого что ли привечала?

- Нет-нет!

Просто хотела,

чтоб ты сказал об этом,

а не я.

Он был моим

лишь до тебя,

не после...

Сегодня я

с тобою возле,

а завтра

ты не нужен мне!

.....

Мы все надеемся,

что мы мудрее,

а на поверку —

мы глупее,

а потому закроем рот,

чтоб в жизни у неё

опять не оказался тот...

Что хочет женщина?
Никто о том не знает,
даже сама,
когда узнать желает,
поскольку выбирает
всё не то,
коль даже не советовал никто.
А если б посоветовал однажды,
она бы не задумывалась дважды:
за дорого купила;
за дешево бы новость продала;
за просто так любила,
как не любил никто,
ни до неё, ни после,
никогда!
Запомните!
Что женщина всегда
всего добьётся,
если та захочет.
А мужикам напомним,
между прочим:
«Не суетитесь вы,
коль женщина не хочет!»

Ты в меру цинична,
эгоцентрична,
ты даже себе
не нужна.
Какого рожна
я к тебе потянулся
в тебя окунулся,
как ты окунулась
в меня?

Так часто бывает
что вдруг наступает
желание жить
вопреки...
Как мы далеки
и две рядом руки,
соприкасаясь
и,
насмехаясь,
плывут по течению
реки.

Но только мы знаем
и
понимаем
за поворотом —
обрыв.

Этот порыв
всё же мы
принимаем,
судьбу примеряем
у дна,
.....
где нас примеряет
она.

Мужчина коварной женщине

Душа моя! Пожарь картошки снова,
а утром на работу не ходи.
И своему значению ты слова
эпитетов, прошу, не находи.

Что стервы женщины порою знаем точно.
Но в том-то и беда всех мужиков.
Хотят они внимания бессрочно,
досрочно уходить без всяких слов.

За нами дверь закроете обычно,
прислушавшись на лестнице к шагам.
И станет ночь не то что не привычна,
а горькой станет от коварства вам.

О вы, надеждой побеждённые,
желанья затаив на встречу,
на эшафоты обречённые,
шагнув в неведомую сечу.

Никто не вскрикнет ни от боли,
не от восторга и конца,
ни от постигнутой их доли,
не от тернового венца.

Любовь даётся безутешным
и тем кто был обласкан ею.
Она пронзает сердце грешным,
и тех, кто был в обнимку с нею.

Душа надеждой постижима
и обмануть её нельзя.
Сорвётся в бездну ли прижима,
иль будет мучиться скользя.

Любите как последний раз,
и как впервые полюбите.
Любовь казнит, бросает нас,
но мимо вы не проходите.

Меня не трогает взаимность.
Я безразличен к ней, пойми...
Но тень свечи твоей интимность
и не виновность, и невинность
нас сделали опять детьми...

Восторг и плачь, порыв желаний
и страстный шепот, нервный стон,
сорвали с губ поток признаний...
За ними — горечь расставаний
недолюбивших примадонн.

Меня преследует видение,
как руки тянутся к тебе,
и это позднее прозрение —
вины своей преодоление
к неприкоснувшейся руке.

Порхает осень. В желтых кронах
сгорают лето перемен
и на пустующих перронах
огни в пустующих вагонах,
как пустота после измен.

Как пустота во всей Вселенной,
и как блуждающей в ней блеск
звезды далёкой переменной,
среди постоянных и надменных,
мерцающий манящий всплеск...

Коварству женщин не завидуй,
а своему не дай дорогу.
Ты в кулаке свою обиду,
и не показывая виду,
сожми. А женщину не трогай.

Коварству их ведь есть предтеча,
причина чаще только в нас.
Коварству женщин, не переча,
но с ожиданием на встречу
не проклинаяйте первый раз.

А если любите — неспешно
в сторонку молча отойдите.
И если женщина в том грешна,
и расставанье неизбежно,
не проклиная, уходите.

Спасибо за звонок!
Не мог ответить.
Девятый день,
как я уже в пути.
Дорогу к Богу
я не мог найти,
поскольку ты
старался не заметить.

Всё выбирал
нехоженные тропы
зверьём пробитых
где-то в стороне,
избил до крови
собственные стопы,
но ты не попадалась мне.

Мёртвому живому
не ответить,
и в ответ ему
не прокричать.
Ну как к тебе
тропу не мог заметить,
ну как не мог
другую жизнь начать...

Спасибо за звонок!
Не мог ответить.
Девятый день,
как я уже в пути.
Дорогу к Богу
я не мог найти,
поскольку ты
старался не заметить.

Тревожить вас звонками
я не стану.
Мне ваш покой дороже,
чем Вам мой.
Но думать я о Вас
не перестану,
переступив свой собственный
покой.

Заспанные глаза.

Я тебе сказал:

«Уходи!»

Ты ответила:

«Погоди...

Не надышалась,

не нарыдалась.

Прости!»

Я тебе поклонюсь,
за тебя помолюсь,
чтобы ты по планете ходила,
чтобы ты бы жила,
чтобы ты бы была
не меня, так кого-то любила.

Снова вечер.
Кому-то он нужен.
Хоть дождливый,
хоть в изморось стылый.
Потому что кому-то он служит,
для кого-то, наверно, любимый.

Я тебе поклонюсь,
за тебя помолюсь,
чтобы ты по планете ходила,
чтобы ты бы жила,
чтобы ты бы была
не меня, так кого-то любила.

Я не знаю ты есть
или снишься,
или кажется мне наяву,
что однажды пройдя,
удивишься,
что окликну тебя, позову.

Я тебе поклонюсь,
за тебя помолюсь,
что ты мимо меня проходила,
чтобы дальше жила,
чтобы дольше была,
не со мной,
но кого-то любила.

Я не хотел бы
вспоминать,
но я тебя не мог
не вспомнить.
Не случай мне
помог напомнить,
а что тебя
смог потерять....

Как нележки
наши потери,
каких могли бы
избежать...
Чтобы друг другу
доверять,
хотя бы чувствам
надо верить.

Я не оставляю
ничего,
что обо мне Вам вдруг
напомнит,
а если кто-нибудь
и вспомнит,
Вы не вините
никого.

И не меня
и не себя,
признаний не было
обоих,
и Вас пускай
не беспокоит,
что умер я
недолюбя.

Я так любил,
как не любили
во все века
минувших лет.
Теперь меджнунов
больше нет,
какие по стопам
ходили,
Лейли пытались
отыскать,
какие их
не находили...

Покинул я не ласковую гавань,
где запах пережаренной еды,
почти как в ресторане «Намань»,
куда когда-то пригласила ты.

В гостинице дешевых номеров
кровать как полигон военный.
Ты помнишь вечер необыкновенный,
когда с тобой остаться был готов?

Мне ты ладошкой рот тогда прикрыла
и, чуть взволновано прижавшись, солгала...

... Я снова здесь. Хозяйка стол накрыла
вина того же молча подала.

Мы не претендуем
на взаимность,
мы как будто
в кругосветном плавании,
оказавшись наконец-то
в гавани,
близость отбываем,
как повинность.

Говорить о чём-то,
не касаясь,
чувств, какие
тлели ещё в нас.
Вздрагивать,
друг друга прикасаясь,
уходить,
прощаясь всякий раз.

А при встрече
случаем негаданным
взглядом обжигаться
и гореть.
Сколько чувств
таится не разгаданных,
что пылать способны
а не тлеть.

Мы не претендуем
на взаимность,
мы как будто
в кругосветном плавании,
оказавшись наконец-то
в гавани,
близость отбываем,
как повинность.

И я сказал: «Люблю тебя!».
А ты ответила: «Спасибо!»
И стало мне невыносимо,
жить только с благодарностью, любя.

Как будто вещь я подарил,
а ты ответила: «Спасибо!»
Конечно ты ушла красиво,
а я отчаянно любил.

Во сне мне чудится порою,
что за любовь благодаришь,
как вещь любимую хранишь,
но ты не ищешь встреч со мною.

За благодарность мне твою
не хочется кричать «Спасибо!».
Ты ненавидишь меня, либо,
сказать боишься не люблю.

В любви не следуют приличиям.
В любовной страсти закричат,
а может тихо промолчат,
коль чувство есть ещё в наличии.

А здесь такая канитель...
Недавно был ещё апрель,
а вот и май зело ярилом,
но я не ухом и не рылом
сижу за праздничным столом.
На вилку наколол залом
и выпить бы, да нет желанья,
хотя бы мог в такую рань я
с друзьями водки опрокинуть
и одиночество раздвинуть
до широты такого круга,
когда бы мог обнять подругу...
Да где же взять её теперь?
Когда не скрипнет даже дверь
в моей пещере одинокой,
где я сижу в обнимку с водкой,
да вот не пьётся почему-то:
в душе опять печаль и смута.

А что тебе до моих нужд?
Тебе всего-то нужен муж,
а мне лишь женщина нужна,
чтобы со мной была нежна
и не болтлива, не тихоня,
и не на долго, - на сегодня!

Или на пару-тройку дней,
поскольку дольше скучно с ней...

Мужчины по поводу женщин

Жить с ними трудно.
Острословить опасно.
Хоть мы и занудны,
порою ужасно,
зато многословность
и их осторожность
нас ставит в тупик.

Где грань,
за которую женщина
может ступить?
Где грань,
за которой
не может любить,
а любит ведь,
да как ещё любит!?

Только мы понимаем
это тогда,
когда
не прощает она
никогда,
измену
или подмену
чувства
зависимостью
врать
самому себе,
что любит.

Мужик приголубит,
а сам в воображении,
как зеркальном отражении
видит другую...
Чувствует её,
а не ту,
какой говорит,

что любит...

Женщина
как камертон.
Настроена
только любить
и жить
с любовью
наперевес обстоятельствам.

Становясь выше них
и нас,
заносчивых и
требующих больше
чувств,
которых мы сами,
не готовы
изливать водопадом
на них...

Женщины!
Вы либо выдуманы нами же,
чтобы мы
на роковой меже
оглянулись
и рухнули в изнеможении,
не долюбив
в постижении истины,
её глубины
из тины
событий.
Какие
измалывают наши чувства,
а они, женщины,
из этой муки
нам же
выпекут пироги...

Господи,
что же нам надо
ещё мужикам?
Тепло женских рук
и прижавшегося тела?
Или что-то ещё,
что она выразить нам

не сумела?

Прислушаемся к себе
и ночью к тому,
как она спит...
...на нашем плече,...
зашифровав все звуки
в свече,
какую зажгла нам,
чтобы мы смотрели
на неё
и свечу.
Сравнивали кротость
и свечи
и неги её!

Не тронут
запоздалый ужин.
Никто мне в дверь мою
не позвонил.
Я вновь один,
я никому не нужен
и женщине,
которую любил.

А там,
где пустота,
в какую окунусь
холодным одиночеством
простужен,
назад я никогда
не оглянусь,
я знаю, —
никому не нужен.

Вселенную
в ночи я обниму,
которой хаос
панихиду служит,
и буду я
подобен лишь ему,
поскольку хаос
никому не нужен.

Но где-то
в глубине его
забродит новое
Начало.
Я буду знать,
что там есть часть меня —
или душа,
которая кричала.

...Звала кого-то,
обращаясь в бездну,

но даже эхом мне
не отвечала.

Не тронут
запоздалый ужин.
Никто мне в дверь мою
не позвонил.
Я вновь один,
я никому не нужен
и женщине,
которую любил.

Ты уходил...

Ты уходил
тебе смотрела
вслед,
сгорая от желания
окликнуть,
что не смогу я от тебя
отвыкнуть,
но ты был слеп.

Молчанием тебя молила
в крик,
не в силах звать,
не в силах вслед
рвануться,
чтоб до тебя
ещё раз дотянуться,
вернуть тот миг.

Как навсегда уходят
ты уходил.
В бессилии вернуть,
я онемела.
Прости меня,
что так вернуть
хотела,
да просто не хватило сил.

Переживу быть может
и забуду,
как польхал над городом
закат,
но будет мне казаться,
что назад
тебя всю жизнь
я дожидаться буду.

Даже когда

нет никакой надежды,
даже когда
уже устану ждать,
чтобы случайно, проходя,
ты мог узнать,
на мне тебе знакомые
одежды.

Ты по ошибке позвонила...
За голос твой
взорвавший тишину,
спасибо!
За то,
что случаем
напомнив о себе,
перевернула ты опять
незримо
всё то,
что устоялось в конуре:
окно и сад;
отцветшая сирень;
и навзничь
опрокинутое небо;
и отступившая куда-то вдруг
мигрень;
пчела в окно
стучавшаяся слепо.
Словно искала путь,
который бы её
отбросил бы назад,
но так не находила.
(И ты здесь вдруг
случайно позвонила
уединение
обрушила моё).
Так может быть
навстречу побежим,
как в призрачно
вернувшееся время,
в пространство то,
где не был мир чужим,
где той была
и где с тобой был тем я.

Не исчезай,
прошу тебя,
не исчезай!
И знай,
что есть еще на свете тот,
не из Ламанчи Донкихот,
какой, сражаясь с мразью,
готов всегда
взойти на эшафот,
чтоб только ты
мелькнула перед казнью...

О,
это чудо!
Что ты была моей причудой
графическим портретом появляться
и исчезать...
Исчезнув, —
вновь являться.
И я,
копаясь в памяти уже,
придумывал клише,
в котором ты в той линии чела
жила...
И оттиски того клише
с безумством размножая, верил,
что наконец откроешь двери
в неумирающей душе...

Переболело на душе,
переболело.

Любовь костром
перегорела.

Я так любить тебя
хотела,

но всё куда-то
улетело,

догнать вот только
не могла.

Переболело на душе,
переболело.

Не суечусь,
не мучаюсь уже,

не опоздав ещё,
я не успела,

осталась рана
на душе.

Что не смогла —
то не достанешь,
а что смогла бы —
не вернёшь.

Себя, я знаю,
не обманешь,
другую жизнь
не проживёшь.

Увы!
Как странно мы
с тобой живём...
Как-будто гонимся
всё за своею тенью,
надеемся на что-то
или ждём,
плывая
по безвременью.
И вдруг однажды
сознаём,
что лучшее уже
ушло,
и нам оставило вдвоём,
что мимо нас прошло.

О, женщины!
Источник благ и бед,
для Вас каприз —
наигранная шалость,
вершина
не достигнутых побед,
и то что нам
от тех побед досталось...
А страсть,
подняв нас в небеса,
заставит целовать
и ваши ноги.
И уж тогда
помогут нам и боги
не покидать
вас больше никогда!

Горькая полынь

Горькая полынь,
как горечь расставания,
как горькая судьба
недолюбивших нас.
И позднее приходит
осознание,
что упустили свой
счастливей шанс

А было так легко
и чувство нас несло
в объятиях невысказанного
счастья.
Видение ушло,
как быстро всё прошло
в случайной
мимолётной страсти.

И как легко порой
относимся к судьбе,
дарующей
обоим откровение.
И каждый,
не поверивший себе,
не осознал великое
мгновение.

А было так легко
и чувство нас несло
в объятиях невысказанного
счастья.
Видение ушло,
как быстро всё прошло
в случайной мимолётной
страсти.

Упадут как в пропасть
времена,
уйдёт соблазн
неискренного счастья.
Допьем вино мы
горькое до дна
с тем запахом полыни
бывшей страсти.

А было так легко
и чувство нас несло
в объятиях невысказанного
счастья.
Видение ушло,
как быстро всё прошло
в случайной мимолётной
страсти.

Простое проще
нам всегда понять,
а сложное не выразить
словами
чего могли
мы точно потерять,
но горькая полынь
осталась с нами.

3. ... и каждый раз друг друга вспоминаем...

Не забудьте поздравить близких,
не забудьте долги отдать,
пожалейте детей капризных,
обнимите родную мать.

За порогом оставьте беды,
не держите вы зла в крови,
не ищите на всё ответы,
постарайтесь найти свои.

Нелюбимых остерегайтесь,
а любимым простите грех,
на дешёвое не бросайтесь,
сторонитесь любых утех.

Всё своё отдавайте людям,
всё, что сможете им отдать.
Не ищите вы правосудия,
защитит и простит вас мать.

Торопитесь жить — это важно,
чем тягучая в ней суета.
Только избранным и отважным
открывается красота:

у порога родного дома,
за порогом своей души —
недоказанная аксиома —
и доказывать ту не спеши.

В блокнот другу

Знать, мир наш не безлик и справедлив,
коль странники еще такие есть,
кто знает, что такое честь,
и кто в суждениях своих не суетлив,
и не злопамятен, не скуп на всепрощенье,
а для людей смирением и тщеньем,
добро, перемножая на добро,
в миру приуменьшает зло.

Новогоднее

Улыбок, встреч,
свиданий и бесед,
и всяческих благих вам
пожеланий,
чтоб выше этажом
вас не залил сосед,
чтоб избежать
ненужных расставаний.
Чтоб одиноким
было с кем общаться,
чтоб виноватым
всё могло прощаться.
Всего вам всем,
что не должно случится,
а что могло —
подарком было вам,
а кто вам в сердце
тихо постучится,
его откройте
всем семи ветрам.
Пусть выдует из вас
предубеждения,
что счастья нет,
и что замкнулся круг.
И на вершине страсти
пробуждения
вы обретёте сладость
томных мук.

Улыбок, встреч,
свиданий и бесед,
приятных новогодних
откровений.
Пусть в гости к вам
заглянет ваш сосед,
ножи наточит
и подарит веник.

И вместо душевой
помоетесь вы в бане,
кино посмотрите,
ну то, что «С лёгким паром»,
и жизнь покажется
священным божьим даром,
а не как «Ёжик
в призрачном тумане»...

В День Святого Валентина

Хотя по вере не католик,
но праздник этот по душе.
Я подарю тебе сердолик, —
от сердца оторвал уже.
Потри его на небо глядя,
и пожелай скорей меня,
я, юноша ещё, не дядя,
сегодня так хочу тебя.

Иду к тебе я, Ювиналий,
меня сегодня не боись.
А в этот праздник Луперкалий,
ко мне пониже наклонись.
И отстегаю я ремнями,
чтобы счастливою была,
и битая потом камнями
врагу кентавра родила.

В день Прощённого Воскресенья

В Прощённый день
Святого Воскресенья
всегда просить
прощения легко,
когда в другое время бы
никто
не попросил наверно бы
прощения.

Прости!
Но кажется,
я умер для тебя,
уйдя, закрыв неплотно
двери...
И кто-то, не заметив
той потери,
прощенья просит у себя.

Прости за грех,
не совершенный мной,
прости за всё,
но незачем прощение
в Прощёное просить
мне Воскресение,
и быть мне виноватым
пред тобой.

За боль не принесённую,
прости!
И за твоё молчанье
в крик надежды.
Я не срывал с тебя
твои одежды,
чтобы тебя лишь
от самой спасти.

Не отмолить,
и не раскаяться, увы!
Ведь в том виновны

только наши страсти,
и мы не сможем,
то не в нашей власти,
себя от нас самих
спасти.

Поздравление женщин с 8-м Марта

Я не сторонник гендерных реалий,
но всё-же чту я этот женский день,
когда цветов ласкаящая пень
тюльпанов, роз и нежности азалий
вдохнёт в вас радость, чувства преумножит
и всех мужчин вам под ноги положит!

НТ

С рождением тебя!
В твоей Вселенной
пусть будешь ты желанна и любима,
порхала мыслью необыкновенной,
болезненно была бы не ранима.
А так, - приложится всё и обойдётся:
согреет жизнь или в озноб введёт,
дорог тернистых ли пройти придётся,
или утраченное что-либо вернёт.
Ступай по жизни, что тебя незримо
бросает в пустоту или снуёт.
К судьбе своей ты будь всегда терпима,
тебя она одна не подведёт.

Засохли ромашки в вазоне,
тряхни, и осыплются вдруг.
Тащусь я в промозглом вагоне,
тепло не касается рук.

Хотелось к цветам дотянуться,
листок за листочком сорвать,
и в юность свою окунуться,
на милую погадать...

Да жаль, почему-то мне стало
сухие листочки ломать...
...Сосед чертыхнулся устало
и стал откровенно зевать.

На стыках колеса стучали,
за поездом мчалась Луна.
В вазоне ромашки молчали
лишали последнего сна.

Я только под утро забылся...
...Вокруг была белая цветь.
Мне сон удивительный снился,
хотелось, поднявшись, взлететь.

Смотреть, как девчонка гадает,
срывая листок за листком,
как вечер вдали увядает
неброским увядшим цветком.

А. Кабо

Крепитесь, друг,
хоть в жизни много мук,
но так прекрасно жить и сознавать,
что мог ещё чего-то узнавать
и может быть гордиться этим,
дыша на белом Свете!
Не ценим мы простого бытия,
до тех границ небытия,
когда Врата уж открывают двери,
и только лишь тогда мы верим,
когда осознаём потери...

Вселенная без нас,
несясь в пространстве,
расширяясь вечно,
будет рождать других,
живущих также скоротечно,
но муками, восторгом жития,
она из пепла бытия,
наверно будет помнить,
что и я
питал движение её,
не тормозил,
пока я жил,
пока хватало сил.
И так познать её хотел,
чтоб истину среди плевел
мог отличить и только лишь понять,
что не могу всего объять...
Но, превращаясь в хаос
разложения,
хотел бы в этом
постигать движение...

Хочу кричать
и бить в колокола.
О, люди!
Ваша жизнь могла
не только жизнь зачать другую,
а изменить, понять ту суть,

в которой бы осела муть
и жизнь познали бы иную.

ГК

Что я?

Волк, потерявший стаю!

С прошлым давно играю

и с мыслью о нём засыпаю...

Тени каких-то увалов,

каких повидал немало,

во сне к палатке устало

спускаюсь, а в ней —

свеча,

горит, словно ничья,

крича...

Просыпаюсь.

Сердце остановилось,

потом в аритмии забилося,

слава Богу! Приснилось...

В коридоре висит штормовка

последнего поля обновка,

то ли была весновка,

не помню,

но полем дышит!

И что-то знакомое слышит...

...Оделся.

На улицу вышел.

Пусто!

В переполненном народом городе.

...Грустно!

Замёрз на холоде.

Застыл в изнеможении.

Не хочу судьбы

продолжения...

А ты говоришь, Волк!

Вышел из меня толк.

Оставил свой полк.

Книги пишу, а за ними

стоит перевал синий...

Боже! Да это иней

в моей бороде от холода

в городе,

где весна наступила,

и уступила

место зиме

В моём сознании
и осознании
изгнания
в самом себе.

СЕ

Чтобы жила,
чтобы цвела,
чтобы любила.
Чтобы судьба всегда
вслед за тобой ходила,
а не вела;
чтоб ты
хозяйкою была
своих дорог;
чтоб избегала ты
любых тревог
и наконец нашла,
того, кого искала.
А тех,
кого по жизни проверяла,
валялись бы всегда
у твоих ног.

С Наступающим!

Чтоб было всё тебе дано,
кроме страданий и печалей,
друзья по-прежнему встречали,
любовь дарили и тепло.
А ты к себе бы возвращалась,
какой бываешь иногда,
и никогда бы не прощалась,
не уходила никогда
от тех, кто близок был тебе,
кто задувал свечу ночную,
и целовал тебя шальную,
прильнув к пылающей руке.
Былое с нами расстается,
и превращается в озноб,
оно над нами посмеётся,
жизнь превращая в эпизод.

С Новым!

О, как это не ново!
Искать опять
так нужное нам слово,
чтоб не забыть,
чтоб вспомнить
и поздравить,
и пожелать,
немного полукавить,
найдя причину
долго не писать
и не звонить,
нечасто вспоминать.

А вот теперь
перед листом бумаги,
набравшись смелости,
немыслимой отваги
за всё, не извеняясь,
промолчать...

И снова жизнь
по-новому начать,
как с чистого листа...
Парить, летать,
и снова вспомнив,
забывать ...

Лишь Новый год
представит нам
возможность
напомнить о себе,
как непреложность
что жив ещё,
любим ли, нелюбим,
какая важность!?...
Не лучше ли
воспринимать
как данность
всего того,

что было и прошло...
Прости меня,
что вот опять нашло...

И пусть покажется тебе
смешно,
под Новый год
о чём-то вспоминать,
воображением ещё
с тобой летать...

НТ

Живи и радуйся тому, что ты живешь.
Живи и радуйся тому, кого ты любишь.
И мимо проходи, кто сеет ложь,
не помни зла, отдай последний грош,
ценой которого предательство забудешь.

Как день последний каждый день живи,
не проживай, живи в страстях и муках!
И никого на помощь не зови
ни прошлых, настоящих визави,
ни тех, кого оставила в разлуках.

И будь собой! Всегда, во всём и в части
такой, какая есть, какой всегда была.
Не обретай жалованное счастье
ценой долгов, ценой минутной страсти
какой доселе в жизни не слыла.
Живи!

НТА

И что находишь среди книг?
Журналов и бумаг иных?
Какие страсти там творятся,
чтобы в науку превращаться?
А может это - суета,
ведь жизнь не в этом и не та?
Она - синицею в окошке,
в урчании домашней кошки,
в бокале красного вина,
где за столом ты не одна ...

И ты права,
я тоже понимаю.
Мы на бокал вина,
сдадим металлолом,
и будем биться
о науку лбом,
и кошек накормим
и собак.
Но, правда в том...
...не встретимся никак.
Не падай, милая, не падай,
ещё сгодятся твои кости,
чтобы ходить к кому-то в гости,
дежурно с кем-то говорить,
вино в бокале не допить,
о жизни повздыхать ещё,
колли Отечество нищё.

ШГЕ

Прощай!

Не лучший мир сегодня покидаешь,
не справедлив он чаще был к тебе,
но ты в мирской чванливой суете
его по доброте не проклинаешь...

Прощай!

Твой крик последний не услышан,
о том, что ты хотела всем сказать.
Постигнув истину — не время умирать
а вышло так, что ты уже не дышишь...

Прости!

Что не могли мы лбами,
пробить замшелость и гнилую спесь...
но этот мир, что покидаешь здесь,
поверь, не создан не тобой, не нами...

Прощай!

Не лучший мир сегодня покидаешь,
не справедлив он чаще был к тебе,
но ты в мирской чванливой суете
его по доброте не проклинаешь...

*Нетот велик, кто никогда непадал, атот велик—
кто падал ивставал!
Конфуций*

Другу

Мой друг!
Не край ещё,
что в жизни ты упал.
И я скажу тебе,
ну что же?!
Твоё падение
дороже,
чем тихий омут,
что ты знал.
В котором жил
где не тревожат,
где все желания
стреножат,
чтоб не споткнулся,
не упал.
Падение,
как неприложность
всего того,
что жизнь представит,
взлёт неизбежно
предоставит
как вероятную
возможность.
Кто не страдал
тот и не падал,
кто падал
всё-таки вставал!
Их выносил
девятый вал
из низвергающего
ада.
Из неожиданных
судеб,
из неслучайностей
случайных,
из ситуации отчаянной,

цена которой
горький хлеб.
Всё образуется,
поверь,
лишь нужно снова
подниматься,
чтоб жить, любить
и сомневаться,
но небыть пленником
потерь...

При встрече ты тогда сказала:
«Я вспоминала, вспоминала...».

На что нужна такая память,
в которой прошлое мертво,
хоть и осталось в нём зерно,
какое у других не занять.

Не вспоминаю. И боюсь,
что повернув к тебе обратно,
ты всё поймёшь опять превратно,
а потому — остановлюсь.

" Мы в жизни любим только раз,
а после ищем лишь похожих".
С. Есенин

"Мы в жизни любим только раз,
а после ищем лишь похожих",
среди случайных и прохожих
на миг заметившие нас.

Таких нескренных и спешных,
постель готовых разделить,
но не умеющих любить
и простоватых, и манежных.

Слова, не вложенные в чувства,
порхают бабочкой утех
в вашем желании и тех,
кто превратил любовь в искусство

пленять других и быть пленённым
под вкус столового вина,
хоть в том ничья уже вина
не быть хоть чуточку влюблённым.

Мы в жизни любим только раз
как в мир приходим и уходим,
и в этом в жизни смысл находим,
на ветер не бросая фраз

любимым, чтобы быть любимым,
и погруженным в бытие,
плывя по жизненной реке,
быть к обстоятельствам терпимым.

Отвези меня. Брось на дороге,
чтоб не смог я вернуться назад.
Мне бы надобно думать о Боге,
а я выбрал себе этот ад.

Избегать с тобой встреч как проклятья,
не касаться любимой руки,
прижиматься щекою к запястью,
засыпать у тебя на груди.

Иногда я осеннею ранью,
завернувшись в пень облаков,
не тревожа своим прикосаньем,
разорву пелену твоих снов.

И явлюсь из забытых тобою,
пережитых когда-то минут,
как была ты блаженна со мною,
как витала улыбка у губ.

Знать о том, что ты есть где-то рядом,
зная, что этот путь не пройти.
Я связал свою жизнь с этим адом,
чтобы рай на земле не найти.

Отвези меня. Брось на дороге,
чтоб не смог я вернуться назад.
Мне бы надобно думать о Боге,
а я выбрал себе этот ад.

Ты опять подпустила к себе,
а я вновь подступился к тебе.

И нам кажется всё уже было
и пылало костром и остыло.

Но вот надо же так получилось,
не сгорело ещё, не остылось

то, что поверху чувств пробежало,
оказалось на сердце упало...

Или просто в любовь превратилось,
то что раньше не проявилось.

А потом, когда мы осознали,
долго-долго друг друга искали.

Вот мы рядом. А завтра не знаем,
на что, может быть, променяем.

На чувственность или свободу
или чему-то, кому-то в угоду.

Ты знаешь, не отвечай.
Будем просто сегодня пить чай.

**4. Лабиринт — запутанный ход с единственным выходом. Чтобы
выйти
из него надо всё время
держаться одной стороны...**

Лабиринт

Мы все живём
в каком-то лабиринте
из него нет выхода,
но всё же
старт берём, как бегуны
на спринте,
в лабиринт
на жизнь нашу похожий.

Ищем выход мы
в судьбе, в быту,
и к любви дорогу
пробиваем.
В лабиринте хоть
и на виду,
но где выход мы
не понимаем.

Мечемся всё,
упираясь в стены,
кажется нет выхода
совсем.
Кажется не будет
перемены
ищущим и любящим
и тем,

кто найти
желает нам дорогу
только как её найти ему?
Если, заблудившись
у порога,
каждый в жизни
не найдёт свою.

Все в России
мы по кругу ходим
только вот уже в который раз
к выходу дорогу
не находим,
словно создан
лабиринт для нас.

Всё дал Бог —
не показал дорогу.
И найти её бы нам самим
или снова всем
вернуться к Богу,
чтобы выйти
на дорогу с ним.

Мы все обманом торим тропы,
к своим благам, к своим благам.
В мозоли превратили стопы,
своим доверившись богам.

Молитвами их ублажаем,
прощенья просим по нужде,
а сами врать всё продолжаем
другим и каждый сам себе.

И разум, ложью спутав ноги,
бредёт, плетется как нибудь
в терновой поступи дороги,
последний завершая путь...

Разумность в облаках витает,
не опускаясь больше к нам,
и, вновь доверившись богам,
в нас рабство снова побеждает.

А что такое жизнь?
От крика детского,
ворвавшегося в мир,
до юности заплаканного счастья,
соседскую девчонку полюбив,
не зачерпнув стесняющейся страсти...

До зрелости,
в которой много было:
и взлёты, и падения и страсти.
Что пламенем горело, то остыло,
но может быть
прикрыло от несчастий.

Дороги,
завладевшие тобой,
и неизвестность их
пересечений.
И страх преодоления собой
часов, минут и вечности мгновений.

И как длинна ли, может коротка —
судьбою жизнь свою нам не проверить.
Но так захочется
испить её до дна
и хоть во что-нибудь
хоть раз ещё поверить.

Утихнет боль.
Надеждой отзовется
в твоём пересечении дорог...
И рядом женщина
счастливою проснётся
свободная от мучивших тревог.

Встречайтесь!

Встречайтесь все
во что бы то ни стало!
Чтобы понять
судьбу прошедших лет.
Встречайтесь даже
если вас достала
жена ли, муж,
комов великих бед.

Встречайтесь!
Тёплыми руками
в объятия кинуться
в кругу своих друзей.
Согреете вы нужными
словами
девчат своих,
и искренних парней .

Встречайтесь!
Это очень просто,
Всё отменить,
примчаться вот сюда.
На это ваш,
любимый всеми остров
через стремительно
летающие года.

Судьба не всех
по жизни нас ласкает,
кого к Олимпу
может приведёт.
Кого от стенки
до стены бросает,
кого растопчет,
а кого споёт.

Встречайтесь все
во что бы то ни стало!
Чтобы понять
судьбу прошедших лет.
Встречайтесь даже
если разбросало
вас время

и пронзил стилет.

Больными ли,
здоровыми, встречайтесь!
Ведь может для кого-то
этот день,
окажется вдруг, не дай Бог,
последним,
или в душе
очертится как тень.

Встречайтесь!
Всё бывает в жизни,
Но ведь так мало
в ней таких минут.
Встречайтесь вы,
на свадьбе ли, на тризне,
Встречайте тех,
кто к вам всегда придут.
Встречайтесь!

Я больше не пишу стихов,
не придаюсь мечтанию о чём-то,
и удивительных не вижу снов,
не вспоминаю мысленно о ком-то.
А всё в душе сумятица и блажь,
себя давно отнёс уже к придуркам.
Но северный по-прежнему пейзаж
стоит перед глазами. В куртках
повыцветших на солнце и ветрах
мои друзья в застывшем удивлении
ещё живут в мозолистых мирах,
в душевном к ним ещё прикосновении.
А я как будто здесь со стороны
на всё это взирая, умираю...
Не дай всем Бог, предать своей мечты,
не дай всем Бог остаться где-то с краю...

Я счастлив тем,
что я живу,
что созерцаю
эту роскошь,
где есть любовь,
где бьют наотмашь...
что по земле
еще хожу...
Я счастлив тем,
что я живу!
Что есть возможность
быть прощенным,
а не казненным
по ошибке,
и в чем-то быть
не искушенным,
ходить по тропам
жизни зыбким.
И улыбаться
и смеяться,
страдать и плакать,
падать ниц.
Вот только бы
не потеряться
среди написанных
страниц.

Как хорошо,
что есть на свете город,
где ты и я!
Где много суеты.
Где бабушки
вечерние цветы
не продают, а дарят
всем, кто молод.
Как хорошо,
что есть такой вот город!..
Где запросто
в нем можно затеряться,
и на глазах у всех
поцеловаться
тому, кто молод!
Как замечательно,
что есть такой вот город!

Спасибо,
что ты есть!
Что вспоминаешь,
что снова на свиданье
приглашаешь,
что как никто меня
ты понимаешь...
Спасибо,
что ты есть!

Спасибо,
что могу писать,
спасибо,
что прочтешь
ты эти строки,
спасибо,
что могу
бросать,
тебе цветы
за твой забор
высокий.

Который разделяет
и хранит,
который прикрывает
и казнит,
который то притянет,
как магнит,
то оттолкнет
загадочными снами,
одноименными
соприкасаясь
полюсами...

Спасибо,
что ты есть,
что ты живешь,
что где-то ходишь
и еще так любишь.
Благодарю тебя за то,

что ждешь,
что кофе
ты бес сахара допьешь,
салфеточку изящно так
пригубишь...
Спасибо, что ты есть!

Зябко мне.
Холод откуда-то изнутри.
Мысленно руками:
«Раз, два, три,
раз, два, три...».
Нет сил
руки разжать
и мысли в слова связать,
хоть умри:
«Раз, два, три,
раз, два, три...».
Странно,
что я замерзаю,
и, кажется,
действительно
умираю...
Противоестественность
не в этом,
а в том,
что *потом*
последует
за леденящим сном?
Потом,
в котором уж смысла
нет...
Холодный свет
из вечности в глаза...
...Жаль,
что на прощанье тебе
ничего не сказал...
Да и зачем в пустоту
крик:
«Раз, два, три,
раз, два, три...».
Не чувствую ничего,
даже присутствия *Его*...
А сознание мое
словно бы выше меня –
оттуда!
Откуда
вне мозга
все вижу и слышу

что творится
со мной.
Сам говорю себе:
«Стой!
Ученые говорят,
что образы
формирует мозг.
Надо бы всыпать
им розг!».
Сознание отделилось
от бренности
тела,
а душа летела
вне
бытия.
Сознание здесь,
а внизу я!
Застыл
в ожидании
вглядываясь
ни во что
из
небытия...
Что же дальше?
А дальше хаос
оборванных мыслей:
словно *мы с ней*
над суетой
во вселенной пустой
растворились
и слились
без красок и ощущений,
обид,
побуждений...
...Силою воли
напрягаю
до ощущения боли
сознание...
Вижу...
серое здание
в окне как обычно
на фоне ночного неба.
Но столь привычная
серость его
кажется теперь

феерическим Фебом,
как триумф
отличия от *Ничего!*
Выходит я,
всего на всего,
умирал во сне.
И всё,
что я чувствовал,
просто
приснилось мне...

Abstract. Посвящается политологам на их дебаты
о месте страны в окружающем мире.
Или о том, как либералы
стирают бельё друг друга в сортире.

На грязных штанах,
возлежала котяра.
И духом не ведала та.
Что возлежала она
для пиара,
мол, в этих штанах
— красота!
И дело не в том,
что такие штаны,
на чистой постели
подложены кошке,
а в том,
что в постели страны
давно поселились уже
(нехорошие насекомые)...

Прогнозы опасная шутка ... (дилемма)

В небесной канцелярии игрище,
по новой карты там уже сдают.
Хоть МЧС пугает нас ветрищем,
но черти на прогнозы лишь плюют.

Покрутят у виска всем прогнозистам
и вместо бури штиль преподнесут.
Не нужно быть тут даже атеистом,
иной прогноз чертовский нам дадут.

Намедни «штиль» и «ясно» предсказали.
К реке тянулись снова рыбаки.
Доверчивых к прогнозам наказали,
согнав ветрищем воду всю с реки.

А здесь назло и выборы настали
за кресло-место новых депутатов.
И кандидаты тут к чертям пристали
прогнозы дать намедни демократам.

Чертям ведь что?... На том и согласились,
естественно за проданную душу.
Избравшись, либералы веселились,—
чертям из пальцев сотворивши грушу.

С чертями шутки знают все — плохи!
Но черти ведь на то и черти,
не им замаливать грехи,
не приговаривать тех к смерти.

Они изящней путь находят
на шутников и дерзких лиц.
Рукой избравших их приводят
на плаху как самоубийц.

Прогнозы делали лихие
С Олимпа наши демократы,
их намерения благие
размыли их же бюрократы.

Во власти бывшие уроды,
приватизировавши всё,
народ лишили прав, работы
потом добавили ещё:

необходимость без зарплаты
трубить опять на благо тех,
кого избрали в депутаты.
Короче так надули всех.

И либералы между тем
всё меж собою поделили,
поставив множество проблем,
каких до них не находили.

Как-будто на ухо шептали
им черти как творить дела,
поскольку душу им продали,
постольку жадность подвела.

А Запад прыгал от восторга!
От не внедряемых чертей
без злого умысла и торга
и без подкупленных друзей.

И никакие НКО
и никакие там уловки.
Чертями было решено
из либералов вить верёвки.

Ослабла матушка отчизна.
В голодной армии бунты.
И от такого реализма
вновь докатились до войны.

Кавказ гудел, как-будто улей,
а Запад дров кидал в огонь.
Войной повенчаные пулей
в погонах стыли, без погон.

И вперемешку и в насмешку
проноз давали о конце.
Россию превратили в пешку,
сжав душу в проклятом кольце.

Завыл народ. Царя на паперть
поставил изнемогший царь.
Благословила Богоматерь
и всё случилось, как и встарь.

Бояр (в лице сих либералов)
на думских выборах смели.
На Запад выслав казнокрадов,
порядок новый завели,

и в том не черти помогли:

солдат одели и обули;
бронезилетами от пули
в боях иных остерегли.
Горнило кончили войны.

Хотя, ну как сказать, на деле
те либеральные душонки
в своём достигнутом пределе
лишь обрели кривые толки.

Из подворотни огрызаясь,
чинят и до сих пор проблемы.
Перед Европой пресмыкаясь,
всё ищут новые дилеммы.

Кто знает как их наказали
за души проданные ими.
Но черти дело своё знали
и потешались так над ними,

что где бы те не появились —
их люд со свистом принимал.
Хоть либералы и резвились,
те получили свой финал.

И в политическом кювете
«бельё» стирают и поныне

чертей на том и белом свете
за души проданные ими.

Прогнозы — тонкий лёд зимою,
ступая надо понимать,
уйдёшь под лёд ли с головою
а может станешь уповать,

на то и сё, как полагаешь,
что там маячит впереди.
Коли прогнозы предлагаешь,
то сам к событию иди.

И что на самом деле будет,
никто не знает, берегись!
Смиранный лишь о том рассудит,
перед Прогнозом сам окстись.

Не прогнозируй непогоду,
к ней лучше будь всегда готов.
А то опять чертям в угоду
ты снова наломаешь дров.

Снег в окно,
в моё окно,
время-время...
вот оно!
Я его держу
в руках,
а снежинка —
в облаках!
Нет
не дотянуться
к ней,
здесь тепло —
там холодней.
И пока о том
подумал
Время
на губах уснуло...

Сорвал последний лист порывом ветер,
и покати́л его по мостовой,
и одиночеством стона́л холодный вечер
под замерзающей щербатою Луной.

Маячил призрак бомжа у подъезда,
в надежде кто-нибудь откроет ему дверь.
Не открывалась человеческая бездна,
в которой пустоту заполнил зверь.

Бездомному животному готовы
и сострадать, и пищу предложить,
а к бомжу мы безжалостно суровы,
с ним не желаем даже говорить.

А бомж — лишь дно каких-то обстоятельств,
в какие каждый может сам попасть,
каких-нибудь и чьих-нибудь предательств,
через любовь, порок ли или страсть.

И сердце обливается печалью,
что может быть и в том твоя вина.

.....
Застигнутым врасплох своей моралью —
себя за волосы не вытащишь из дна.

Поэт во власти —
запертая в клетке птица,
не соловей,
в руках хозяев —
только лишь синица,
ведь в клетке соловью
не петь,
как и поэту
словом не взлететь...

Он будет сыт,
и пьян по будням,
внимать всегда
провластным судьям,
а за глаза,
не вторя им,
кому-то кажется
другим.
А это признаки
притворства
ведь сытость
истончает дух,
душа убожественно
чёрства,
а блеск в глазах
давно потух.

Засохли ромашки в вазоне,
тряхни, и осыплются вдруг.
Тащусь я в промозглом вагоне,
тепло не касается рук.

Хотелось к цветам дотянуться,
листок за листочком сорвать,
и в юность свою окунуться,
на милую погадать...

Да жаль, почему-то мне стало
сухие листочки ломать...
...Сосед чертыхнулся устало
и стал откровенно зевать.

На стыках колеса стучали,
за поездом мчалась Луна.
В вазоне ромашки молчали
лишали последнего сна.

Я только под утро забылся...
...Вокруг была белая цветь.
Мне сон удивительный снился,
хотелось, поднявшись, взлететь.

Смотреть, как девчонка гадает,
срывая листок за листком,
как вечер вдали увядает
неброским увядшим цветком.

Мистика

Тень моя
– не я...
Не я иду
по мостовой,
и голос из меня
не мой...
И страшно мне
наедине,
что я не здесь
и ни во вне...
Что все вокруг
исчезло вдруг
и поглотила
пустота,
в которой
дно и высота
слились
в одну лишь
бесконечность,
и в ледяную эту
вечность...
Нет!
Не хочу!
Ни вечности,
подобострастья,
надменности
я не хочу
и власти.
Хочу бродить
по мостовой,
чтоб верный пес
спешил за мной,
и видеть свет,
в конце тоннеля

и гладить морду
спаниеля.
О, Господи,
прошу одно,
даруй лишь жизни
приключенья
где взлеты есть,
где есть паденья,
и высота любви,
и дно.

Боль и соль
достаётся художнику.
А искусство его – другим!
От искусства мы – подорожники
по тропинкам растем глухим.
Восхищаемся яркими красками,
и чего-то стремимся понять
за мазками и лицами – масками,
что хотел нам художник сказать.
Все напрасно!
Мы видим, *что знаем!*
И тропа ускользает от глаз...
Нам все кажется, что понимаем,
что оставил нам мастер для нас.
А он просто тропюю растаял
среди тенистых замшелых дубрав,
ничего своего не оставил
и, наверное, в этом был прав...

О, кто же мы в стране изгоев?
В стране бедламов и героев,
где правят нами все не те,
и в чем судьба наша, и где?
И Рюриковичей повидали,
Романовых мы расстреляли,
наелись разношерстных измов,
метлой прогнали коммунистов.
Все, кажется, уже прошли,
вот к демократии пришли...
А все по-прежнему народ,
с надеждой смотрит власти в рот.
Во власти же воры в законе
(и не на нарах, и не в зоне!)
бросают кости щедро нам
в этот бедлам.

В. Аксенову

О, сколько тех,
кто в роковые годы
надломлен был, раздавлен,
уничтожен,
кто за свободу был,
не обретя свободы,
кого вопрос традиционный
гложет:

«Кто виноват!?

Могло ли быть иначе?».

И вряд ли, кто
нашел простой ответ
на то, что каждый
в этом мире значит
или подумал,
что ответа нет.

Сдается, истина
в судьбе людей одна,
других же не бывает,
к счастью:
в судьбе людей
виновна не страна,
а люди,
захлебнувшиеся властью.

Свечой оплавленной сгорю,
не согреваясь в этот холод.
С тобою тихо говорю,
такой же одинокий город.
И тусклым стынет фонарем
мое окно в ночи, мерцая,
и городу поводырем
как будто служит, понимая,
что не один на свете этом,
что где-то также одинок,
как заблудившийся инок,
кричит окно печальным светом.

А за стеной
полы скрипят...
...и надрывается диван
от скрипа,
такие страсти за стеной
кипят,
срываясь в стон
чуть сдавленного крика...
А ты один.
Молчанье — в потолок.
И ветер за окном
все струны обрывает.
...Там, за стеной,
любовный дух витает,
а здесь по сердцу
бродит холодок.
От суеты
мы прячемся порой,
но одиночество нас
молча настигает,
и здесь завидно
слышать за стеной,
как в облаках
любовный дух витает.

С поэтами
Вам лучше не общаться.
Они остры на ум
и на слова.
Вокруг них можно
только лишь вращаться,
чтоб не болела после
голова,
что надо чем-то их занять,
и кофе предложить,
и как в постель
к себе их уложить.
Поэты — ветер,
волосы развеять,
для них как всплеск
желанных томных мук,
как семя в землю бросив,
жизнь посеять,
не обратив в мозоли
своих рук.

И вот
во сне, наконец,
мы встретились
на краю какой-то
пропасти.
Оступившись,
летели без робости —
зато
наконец
мы встретились.

Крутое падение
в бездну
перехватило
дыхание.
Ну вот, наконец, и
свидание,
ну вот,
наконец, и
встретились!

Земля,
приближаясь,
стремительно,
времени
не дала на раздумье,
в падении —
наше безумие,
а счастье
так соблазнительно.

Губы к губам —
в беспечности...
Но ты от меня
отвернулась...
Или на краю

бесконечности,
недолюбив,
проснулась?...

Теперь,
каждый раз,
засыпая,
к бездне стремлюсь
по краю.
Встретимся ли? —
не знаю...
Живу —
когда засыпаю...

Желаю Вам,
чтоб было всё,
кроме нужды,
кроме несчастий
и вражды.

Желаю вам!
Чтоб не злорадствовал
никто,
тому, что где-то
нелегко
придётся вам.

Желаю вам!
Взывать лишь к собственным
мольбам,
о том, что сбудется всё то,
и не завидовал никто.

Желаю вам!
Чтоб обошла вас стороной
печаль и боль, и лишь покой
коснулся вашего чела,
судьба лишь белою была,

Желаю вам!
Чтоб вы не верили словам,
а только чувствам доверяли
и никогда не проверяли
того, кто дорог был бы Вам.

Вот и всё.
Вот и кажется осень.
И озноб поселился в душе...
Горизонт посеревший не сносен,
за окошком бесцветным клише.
И ничто уже не изменит,
и навстречу никто не придёт.
Как рассвет божества не отменит,
так и тень за окном не мелькнёт.

Ухожу с ощущением счастья,
что когда-то был близок тебе.
Ухожу, не напившийся страсти,
с благодарным поклоном судьбе.
Что могла мне в сумятице буден
подарить не обузданный миг
ощущения праздности буден,
превращения вечности в миг.

И в бетховенском Allegro Con Brio,
и в его же страданиях Andante
твоего я подвздошного крика
не расслышал в развалинах Dante.
О, теснины глубоких страданий,
как вы стиснули сердце и душу,
не жалею я долгих скитаний
и обета, что дал, не нарушу.
Плыть к тебе, как бы не было тяжело,
и страдать, оттого, что не мил...
Что забыла меня, то не важно!
Важно то, что тебя я любил.

О, *жизнь*,
подательница бед,
грехопадений
и восторгов,
ты от роддомов
и до моргов
не сможешь дать
простой ответ,
зачем любовь
ты в нас вселяешь,
зачем так много
обещаешь,
в конце концов
всего лишаешь,...
и угасаешь,
не любя?

...За что тогда
любить *тебя*?

Купола, купола,
золотые сияния
устремлённые в небо
в рассветную высь.
Купола, купола,
вы мой лик мироздания,
вы мой дух и великий
по таинству смысл.

Купола, купола,
отчего так тревожно,
тишину разрывает
малиновый звон.
Купола, купола,
как всегда непреложно
с амвона священник
читает канон.

Из ничего не делайте врагов!
По жизни вам враги найдутся сами.
И не успеете вы только оглянуться
они дотянутся мозгами ли, руками
и вам от них уже не увернуться.
Но не сражайтесь с ними до упада.
А если сможете посмейтесь им в лицо.
На свете будет меньше подлецов,
когда для них такой будет расплата.

Русь не зовите к топору!
От топора Русь отдыхает
и к миру всех она взывает:
«Русь не зовите к топору!».
Уж сколько раз топор тупился
о головы несчастных тех,
кто на Россию покусился
втянув в войну себя и всех.
Не Русь все брани начинала,
но ввергнутая в чрево войн,
не начинав их, завершала,
спасая мир от диких бойнь.
Так не тревожьте Русь святую
в её великой дремоте
и оцените роль земную
в её вселенской правоте:
жить по уму, по чести, вере,
какую выстрадал наш род,
учитесь на её примере
беречь ваш собственный народ.
Русь не зовите к топору
от топора Русь отдыхает,
в который раз ко всем взывает:
«Русь не зовите к топору!».

О нас Отечество печётся,
когда зовёт нас к топору.
В другое время — как придётся:
обманет ли,
предаст кнуту.
Вот так и крутится народ
от топора и до помойки,
но всё же власти смотрит в рот
с похмелья вновь
после попойки.

Зачем ходил я по земле...

Зачем?

Зачем любил

и расставался,

зачем

я плакал и смеялся,

зачем

ходил я по земле?

Ворона и бегемот (басня)

Ворону как-то бегемот
редактором назначил.
Журнал хоть так себе,
но всё же значил
в кругу элиты зоопарка.
Теперь,
как надо управлять зверьём,
о том писала лишь
цесарка.
Про деньги —
нравилось еноту.
Писать ему было охота
про то, чего и сам
не знал.
Но,
всё-таки писал.
Про моду — нравилось павлинам,
жирафам — выдавать прогнозы.
Писателей был список длинным,
желающих заняться прозой.
Как говорится:
писали все, кому не лень,
и тень бросали на плетень.
А дописались до того,
что не осталось никого,
кто бы читал журнал элитный
(когда-то в прошлом знаменитый),
поскольку все давно писали,
про всем известные детали.
Но не о том,
чтоб птицам было бы зерно,
копытным разным — сена вдоволь,
(чтоб мясо было заодно),
мышами бы питался соболь.

От славословия в журнале,
каланы в заводи рыдали.
Бобры с досады пни изгрызли,
и не в сезон заснули гризли.
Все птицы без зерна остались,
копытные с травой расстались,
без мяса хищники и звери
за клетками уже зверели.
Сова премудрая пыталась
вороне что-то подсказать,
о том,
про что надо писать,
что, где и сколько доставать,
но та с помощницей рассталась...
Мораль воронам, как известно,
читать совсем уж бесполезно,
как бесполезно бегемоту
заметить то, что за болотом.
Но если есть среди животных
хотя бы лишь одна сова,
та нужные найдёт слова,
жизнь зоопарку обеспечит,
поднимет рейтинги журналу
всегда к отчётному кварталу...

Козёл и просвещение (басня)

Козла назначили министром просвещения.
И, приняв должность без смущения,
стал править образованностью стада.

И в том была его отрада,
что будучи ещё козлёнком,
мечтал над пастбищем орлёнком
с высот небесных созерцать:

как скот будет траву щипать;
на водопой с гор спускаться;
знать как от хищников спасаться;
когда весна займётся летом,
а лето в осень перейдёт;
и как зимою незаметно
морозом пастбища скуёт;
а на краю весны окот
пополнит весь козлиный род.

Тем самым Царь-Медведь заметит
его козлиные труды,
старания Козла отметит,
воздаст за тщанье и плоды.

Козёл немедля за неделю
штат министерства расписал
и список он уже к апрелю
Царю-Медведю отослал.

Медведь за голову схватился,
собрал весь скотский персонал
и в челяди той усомнился,
но...
всё же штат тот подписал.

Козёл всю челядь обязал
к стандартам новым перейти,
а прежние все приказал
в архивы сдать и заклеить.

Борзая челядь тех козлов
у иностранцев-борзописцев,
когда-то наломавших дров,
купила дюжину спесивцев.

Надменно те козлам сказали,
чтоб с европейского процесса
переписали и узнали,
как уберечься от эксцессов

в образовании детей
и тех, кто дальше мог учиться.

Прошло с тех пор не мало дней,
козлы решили отличиться.

Они на древние скрижали
(какие сытость им давали)
всё чужеземное списали,
программы в стадо отослали.

Учителя козлов, козлят,
баранов, всех парнокопытных
от всего новшества вопят,
от правил новых и постыдных.

Вместо того, чтобы учить
и знаний жизни набираться,
порядок новый стали чтить,
чтоб дураками оставаться.

Свои традиции, методы
что в неолите начинали
образовательные всходы,
какие множиться давали

всему животному союзу
в животном том большом краю –
признали только за обузу

в образовательному раю.

Козлы, бараны и коровы,
ослы и лошади исправно
учить детей были готовы,
всех школили они державно.

Вместо того, чтобы учить,
ввели единый скот-экзамен,
в котором надо отличить,
ответ от кукиша в кармане.

В итоге кукиш получило
всё скотское большое стадо:
в календаре не отличило,
когда скоту телиться надо.

Коровы дохли, а бараны
в бескормицу косили сено,
в жару от мух гноились раны –
конец животной был вселенной.

И Царь-Медведь издал указ
вернуть всё то и как учили.
Козла-министра проучили,
а стаду дал он свой наказ:

Умён не тот, кто в новизне
всегда полезное увидит,
но тот дурак, какой извне
всё в розовом желает видеть.

Мораль сей басни такова:
в министры не садить Козла.

Признание истории

В эйфории
мы памятники ставили.
Потом свергали
с постаментов их.
Перелицованные
лениными, сталинами,
переписали миллионы
книг.
В угоду ли кому-то,
в преклонении,
не поняли
в сумятице времён,
что мы опять-таки
шагали вногу с Лениным
и с теми, чьих
не вспомнили имён.
И сами вдруг
остались мы без памяти
как будто по мозгам
кто утюгом
прошёлся
по невыглаженной скатерти
и сделал нас изгоем
и врагом:
с собой,
своею даже памятью,
историей,
какая не причём.
Как будто мы
подвергнуты проклятию,
как будто в пустоте живём.

Всё бросаем мы в прошлое
камни,
а они возвращаются
в нас.
Кого до смерти бьют,
кого ранят,
не в бровь попадая,
а в глаз.

В прошлом есть
удивительность смысла,
чтоб понять непреложность
его,
что историей правят
не числа,
а сознание только
того,

почему было всё
неизбежно,
только так,
не иначе сошлось...
Или круг разорвав
центробежно,
вырваться из круга
пришлось.

Не судимы пусть в будущем
будем
мы в истории канувших
дат,
если распри свои
позабудем,
и не будем идти
наугад.

Мешало дерево.
Спилили.
И сиротливо остов пня,
торча с земли
кричал:
«За что меня убили?
Я тень давал
и пыль глотал,
чтоб вы дышали
и любили,
под тенью
время проводили,
теперь споткнётесь
о меня»...

Живые мёртвых
поминают,
но лишь того
не понимают,
живых любить
труднее может
но мёртвых
та любовь дороже.
Им памятник —
как дух, летая,
в сердца свободно
проникая,
взывает к сущности
живого
не для себя,
а для другого...

Спилили дерево.
Мешало.
В лучах искрящегося
дня
к прохожим будто
вопросило:

«...добейте ж люди вы
меня!
Не будьте так
ко мне жестоки.
Освободите от корней
и с болью
недожитых дней
свои заройте здесь
пороки».

Терновый остров

Терновый остров
среди нивы
чернел,
как остов корабля.
Взывала к людям
молчаливо,
не то с укором
и стыдливо,
полузабытая земля...

Заросшая.
В чертополохе.
Со сгнившей хатой
у тропы.
То ли стонала
и стенала,
а может просто
вопросала,
кричала до хрипоты.

Бетонный клинч
дорог сходящих
с косых увалов
презирал
простор,
то в бездну
уходящий,
то будто в землю
нисходящий,
в чертополохе исчезал.

Ах люди, люди!
Что же с вами
произошло,
не так пошло.
Кто в вас

крестьянина
разбудит,
пока земля
не обезлюдит,
не оскудеют
все поля?

Святая ложь,
коли за ней
жизнь сохраняешь
и любовь,
ты тем,
кто любит...

Но ведь любовь,
зачата во лжи,
взрастёт
в шипованную розу,
какая вспрыснет яд
и ты,
поверженный,
падёшь
под её ноги.
Вот так и боги,
коим питаешь ты
любовь
и молишься
ты во своё спасение,
не спустятся к тебе с небес,
забыв про воскресение.
Святая ложь...
какую мы
за правду принимаем,
во лжи
живём,
хоть понимаем,
что ложь и правда
эфемерны
и остаёмся
суеверны
по отношению к богам,
какие правду нам к ногам
в обёртке лжи бросают,
и только нас на миг

спасают,
чтоб в пропасть лжи
долговременья
вновь опрокинуть
до спасенья
какое не могло спасти
самих богов
во лжи святой,
какую в правду
обернув,
нам раздвоение вернув.
И мы во лжи
за правду принимаем
любовь и страсть,
добро и зло,
и то,
как мир
воспринимаем
и в крайности
себя бросаем,
чтобы не понял нас
никто.
Какие мы
на самом деле,
в недостижимом том
пределе.

В борьбе за выживание живём,
кого любили — предаём.
А что купили — продаём
тому, кто потребить не сможет.
И обещаем:
«Бог поможет!».

**Надпись на Мемореальной доске Министерства
образования и науки**

Мы сами пишем,
сами издаём,
а потому за всё
мы отвечаем!
И книг своих
друзьям не продаём,
мы просто им
написанное дарим.
Прочтут ли не прочтут
Не наше дело!
Нам это нужно,
не другим!
А потому всем говорим
что снова пишем,
сами издаём,
а потому за всё
мы отвечаем!
.....
Но Вы-то здесь
тогда причём?
Простите нас,
не понимаем.

Чистый лист искреннее
написанного на нём.
Потому нельзя
его марать словами.
Вы лучше помолчите
с ним вдвоём,
поскольку истина
пока ещё не с вами.

Но лист бумаги
будет мучить вас.
И вы, напишите слова,
не зная сами,
что те стихи, роман
или рассказ
вдруг поплывут с мечтой
под парусами.

Чела коснется истиной
других,
в них отзовется страстью
и любовью.
А может даже
и в мирах иных
любовью
прорастёт иною.

Мы живём,
словно вечность отпущена нам.
Любим и ссоримся,
встречаемся и расстаёмся,
а когда все окажемся *Там*,
мы к друг другу
не прикоснёмся.
Вечность немыслимого
небытия,
не наития,
не бытия.
Вечность бесчувствия
и безучастия.
Нет ни тщеславия
и подобострастия,
ни любви,
ни страстей.
Ничего *Там!*
Соприкасайтесь,
пока ещё здесь,
Наслаждайтесь,
пока Мир ещё весь
в ваших руках,
и облаках страстей
с вами
летает,
с грёзами
и грозами,
с ненавистями,
угрозами.
Но он ваш,
мир,
каковой
есть,
где всё есть:
подлость
и честь,
день и ночь
черное

и белое.
Всё!

Я живу,
словно я не живу...
Будто парю
в невесомости.
Иногда сам себе
говорю:
устою ли в полшаге
от пропасти?
Она уготовлена
всем:
кому-то своей
безысходностью,
и безнадежностью
тем,
уволненным за
профнепригодностью.
Но я парю
и летаю.
Над пропастью
перемен.
Сорвусь ли в неё –
не знаю,
в какой попаду я
плен...

Девочка и Солнце

Девочка держала в ладонях счастье,
оно было ярким солнцем,
светившим и излучавшим его.
Девочка держала в ладонях солнце
и оно согревало не только её,
но и тех, кто смотрел на солнце.
И счастье переполняло всех,
кто видел, как девочка держала
в ладонях солнце,
потому, что они также либили солнце,
его тепло и свет,
который не может обжечь.
Как мало нужно для счастья.
Просто взять и подержать
в ладонях солнце,
которое не обжигает,
“потому как счастье не может обжечь!”.
Я тоже прикоснулся к нему,
я чувствовал его тепло,
но не чувствовал себя счастливым.
Потому что кроме тепла,
излучающим солнцем,
ещё нужно тепло от того,
кто не может излучать и греть,
но может любить.
Девочка сама излучала счастье.
Это бывает только в детстве,
когда держишь в ладонях солнце
и думаешь, что счастье исходит
только от него
и тебе не важно,
кто дополняет
или не дополняет тепло.
Девочка держала в ладонях счастье,
оно было всего лишь солнцем,
которое видят все,

но не все понимают того,
что могут держать счастье.
Потому что если оно есть,
то не надо его удерживать
а просто согреться вдвоём,
соприкоснувшись ладонями
и растворившись в нём.

Остров под названием Возраст

Я рад,
что жил среди друзей,
среди моих
любимых женщин,
среди моих
поводырей
и странников немых
и вещей.

Среди любимых дел
и странствий,
и диких гор,
туманных рек,
был рад я в том
непостоянстве,
всё ускорять по жизни
бег.

Всё второпях,
не оглянуться,
всё залпом —
жить в один глоток,
чтобы доплыть,
не задохнуться
в болоте жизненных
проток.

В любой реке
есть часть водицы,
с какой приплыл
издалека.
Хоть не поймал
я и синицы,
зато доплыл
наверняка.

Тень моя Макс
(гимн преданной собаке)

Тень моя — Макс,
спаниель англосакс.
Проснусь — рядом,
засыпаю — тоже,
даже когда
сахарную кость
гложет.
Посматривает—
начеку!
Готов сорвать,
как в пистолете
чеку
и ринуться вперед,
не давая пройти.
Тянет наярпг поводок,
браток,
четырьмя лапами
упираясь.
Желанием упиваясь
найти и *пометить*
всё
на своём пути.
Неслух
в таком положении,
тянет повод
до изнеможения.
Тень теперь его —
я!
А ему —
не до меня.
Терплю,
узнавая нрав.
Впереди Макс,
стало быть он прав!
Как все,

кто маршрут ведёт.
Не оглядывается,
не ждёт!
И кажется нам,
кто идёт впереди,
определяет —
за ним идти!
А так хочется
рявкнуть,
мол, не так!
Куда ты тянешь,
дурак!
Идиот!
Но Макс не рявкнет:
«Иди от...!».
Он тянет,
он знает,
и по собачьи,
кажется,
понимает,
что впереди ждёт.
А нам хочется
навязать своё,
понятное только нам.
И нам кажется,
что вожак снуёт,
противореча
мозгам.
А он просто видит
дальше,
чувствует раньше,
и знает чуть больше,
чем мы...
И тянет...,
а значит ведёт.
Значит за ним иди.

Одних при жизни вознесут, —
как до богов не дотянуться.
Но стоит времени прогнуться
свершат над ними страшный суд:

кто возносил, не возносил;
кто слушал тех, кто возносили;
и те, кто рядом с ними жил —
все до безумья поносили.

Иных при жизни бьют до смерти,
расстрельно ставят у стены.
А позже самые же эти
из них героев после смерти
увековечат для страны.

Но разумом мы, не пытаясь,
понять всю суть былых эпох,
всё же живём и, спотыкаясь,
в себе ничтоже, сомневаясь,
и в том, что мир не так уж плох.

Хватаемся за прошлое,
за истлевающую нить,
где было светлое и тошное,
в переплетениях проросшие,
какие трудно разделить.

Но есть не прожитое нечто,
что заставляет нас страдать,
и думать сызнова о вечном
как быстротечно всё, конечно,
что смысла нет другого ждать.

Того, что так бы волновало,
и так бы захватило нас...
Как всё-таки надежд так мало,
чтобы судьба не доставала,
как доставала всякий раз...

В надрыве времени и духа
все силы бросим лишь на то,
чтобы потерянного друга
вернуть с немыслимого круга,
кому руки не дал никто.

Нить в прошлое тонка, непрочна,
но мы усилиями вспять,
не зная, где порвётся точно,
пытаемся на круг порочный
вернуться в прошлое опять...

Жизнь надо проживать сейчас,
не оставлять её на завтра.
И удивляться всякий раз,
как всё-таки она прекрасна.

И не смотря на холода,
на раздирающие склоки.
Когда в сердцах ещё зима,
а в отношениях упрёки.

В сердцах посеём доброту,
своей любовью день согреем.
Жизнь превратим не в суету,
а в то, что в ней найти сумеем.

От боли нам не застонать,
от горя нам не веселиться.
Другим мы будем отдавать
всё то, чем сможем поделиться.

Вином и искрою огня,
застольем скудным, но от сердца.
Судьбою прожитого дня
нам воскресившего младенца.

Мы часто спорим, говорим,
о том, что жизнь всегда прекрасна,
но тлеем чаще, чем горим,
и проживаем день напрасно.

Жизнь надо проживать сейчас,
не оставлять её на завтра.
И удивляться всякий раз,
как всё-таки она прекрасна.

Не ценим временных страстей
боимся мы чего б не вышло.
того случайного, что пришло,
как рок не званых к нам гостей.

Боимся искренне смеяться
когда мы не в кругу друзей,
боимся искренних страстей
и безрассудно ошибаться.

Всё мы по полочкам своим
стремимся превратить в порядок,
готовы выстроить все к ряду
и в жизни восторгаться им.

Но в безошибочное рабство
нам не вписать случайный миг,
не совершенного коварства,
не превратившегося в крик.

Не ценим временных страстей
боимся мы чего б не вышло.
того случайного, что пришло,
как рок не званых к нам гостей.

Поэма о кресле

Нет большей страсти,
чем кресло во власти:
одних поглощает,
других возвышает,
маленьких, щуплых
уничтожает,
высоких и крепких
уничижает.

Тронное кресло
как символ успеха:
большое, высокое,
кожей пахнущее,
не в меру глубокое,
мягкогнетущее.

Так и потянет
к блаженству исхода:
богатого, властного
или урода.

Правда,
заметить еще
трудновато
на что те способны,
но вид глуповатый:
втянуты плечи
в короткую шею,
важно предплечья,
скользя
в подлокотниках,
от неудобия
явно немеют.

Но всё же не мало
найдётся охотников
в кресло вместить

неуклюжее тело,
чтоб облекало,
чтобы хотело
оно восседать,
забывая про дело.

Дело другое:
цари и вельможи,
чтоб статус высокий
гостям показать,
под пятую точку
подушку подложат,
чтобы важнее
гостей созерцать.

Правда, уже
от мягкого стула
элита, сознавши,
давно отказалась
и с нею рассталась.
Причина банальна:
у наших «героев»
от мягких сидений
проблема возникла
от геморроя.

Но что тут поделаешь,
ради такого
статуса видного
очень большого
надо хоть что-то иметь
бедолагам,
хоть что-то, хоть что-то!
Чем никакого!...
Кресло — оно ведь
и в Африке кресло,
хоть к месту
не к месту, —
зато дорогого.

Кресло-качалка,
массажное кресло —
это конечно
бывает полезно.
Но для престижа

совсем бесполезно.

Кресло-трансформер,
и кресло-кровать
не для работы,
чего тут гадать.

Но, восседая,
соколом зрят,
на тех,
кто на стульях
напротив сидят.

Вращается кресло
и сучатся ножки,
до пола касаясь
совсем уж немножко,
чтоб оттолкнуться,
и снова вращаться,
в зубах зубочисткой
поковыряться.

И важное что-то
быть может изречь
или толкнуть
даже важную речь.

Те, кто на стульях
ёрзал напротив,
давно понимали,
что дело во плоти
не может родиться
от ёрзанья в кресле
и воплотиться
в заявленном месте.

Но кресла высокие,
очень глубокие
в моде у чванства,
как постоянство
спроса, желания
ради престижа,
чтоб от работы
не вызрела грыжа.

Да здоровствует кресло!
Как символ провластных,
бюджетных и частных.
Оно украшает
лишь «нужное» место
кичливых, ленивых,
подобострастных —
подобных, угодливых,
льстивых, несчастных —
так нужных таким же,
но выше стоящим,
о долге народу
с кресел кричащим.

А вместо бы кресла
была табуретка,
для отдыха рядом —
стояла кушетка,
в которой от дел бы
насущных могли
наши чиновники
отдых найти.

А в общем —
не в кресле том
сущность и дело.
А в том ведь,
какое лицо бы
в том кресле сидело...

Куда идём,
за светом ли,
за тьмою?
Или опять
к сумятице,
разбою?
Или который раз
нам пятиться назад,
свой прикрывая
оголенный зад,
ища иные цели,
каких и ставить люди
не посмели
лишь потому,
что нет в них ничего,
а лишь желанье
власти сумасшедших
для обладанья всеми
и всего...

Меня не будет...

Будет жизнь продолжаться,
будут люди любить,
будут внуки смеяться,
как бы надобно жить!

Как бы надобно снова,
жить в сумятице буден,
но не вымолвить слова,
меня-то не будет...

Чтобы вам прокричать,
как же важно любить,
чтобы вам пожелать,
как бы надобно жить,

миг, глотая глотком,
как последний ваш миг,
как последнее слово,
как последний ваш крик.

За всё
несовершённое,
за всё,
что мог свершить,
не совершив,
за всё
прошу у вас прощенья,
люди,
и если после
кто меня осудит,
не буду драться,
шпагу обнажив.
Что я не мог
кому-то что-то дать,
когда спасти не мог,
когда я мог солгать.
За всё, кому
я хлеба мог не дать,
за пазухой
не пряча корку
хлеба.
Что я не мог бы
полюбить,
предав любовь
другую,
за то, что я
предательство забыть
не мог,
как бы не мог
сокрыть я весть благую,
что мир,
дарованный всем нам,
и есть тот мир,
что создали мы сами
под этими земными
небесами.
Что сотворили
собственных богов,

которым поклоняемся
и верим,
и относительно их святости
всё мерим,
кто до конца
поверить им готов
и в воскресение
не существующих богов
поверить.

Сильна лишь правда,
в правде – красота.
Чертовски низок низ,
прекрасна высота,
но мне досталась середина.
Ни глубины в ней
и ни дна, –
как *сердцевина*,
как в сером цвете
писана картина!
Зато *она*
так оттеняет всё,
что так бросается
однажды нам в глаза!...

.....

И кто сказал,
что серое не цвет?
что серость не причина
найти и подыскать
ответ,
что *сердцевина*
не излучает свет?!
Ведь в пустоте вселенной
тоже цвета нет!
Но из неё наш Мир
зачат,
а темнотой
ему дарован свет,
где воцарился разум.

Выходит правда в том,
что правды нет,
как красоты,
но в том и есть
сознание высоты
что (?)
середина зрит!
А высота своих красот

не мерит!
Поскольку нечем ей
величие своё проверить...
Так чем же красоту
тогда измерить?
А тем,
что так отлично от неё –
хоть низом, сердцевиной.
А посему,
я призываю, люди, всех:
не поднимайте тех на смех,
кто не взлетает до небес,
униженный
однажды падшим низом...

Поскольку среди них
окажетесь вдруг вы
и только шаг
вас отделит карнизом
от уровня
достигшей высоты
и глубины
летающего к вам низа.

Обыватель – поэту:

Ты глуп и туп, как сивый мерин,
тебя аршином не измерить,
линейкою, шаблоном, знаю,
но я тебя не понимаю.
Зачем тебе такие муки,
писать, страдать, чтобы от скуки,
не помереть в стенах «хрущевки»,
терпеть бездельников издевки?
Смотри, как жизнь полна красот,
каких ты мог достичь высот!
А ты все пишешь, и не слышишь,
уж, говорят, на ладан дышишь...
Не прошибешь ты плетью камень,
а твой угаснет скоро пламень...
И что в наследство ты оставишь,
Слова и мысли? Ну, прославишь
ты мир. Кому все это надо?
Не в том скрывается награда,
а в том, чтобы дышать и жить,
как день последний и любить!
Как это здорово, пойми, когда
все отдают тебе сполна!

Поэт – обывателю:

Есть странная одна вещица,
не удержав в руках синицы,
хочу лишь приласкать жар-птицу!

Кто мы
среди ложных надежд,
среди повес
и невежд?
Среди тех,
кто велик
или мал?
Кто наверху,
может быть,
кто упал?

Кто мы?
Любимы ли,
брошены кем-то,
судимы ли,
были агентом?
Судьею ли,
иль
адвокатом,
генералом
или
солдатом?

Пред Высшим Судом
мы предстанем,
молиться и кается
станем
как все:
без отличий
и званий,
стремлений
больших
и желаний.

Но
в том и беда
что не стоит,
тогда ничего,

что всё стоит:
и боль,
и утрата,
и воля,
и бранное поле
солдата...
Презренье и дух
и разлука.
и радость творенья
и мука.

.....
Но там увидел
вас
такими
онемевшими,
глухонемыми,
когда
пред Всевышним
предстали
поклоны
ему отбивали.

Мне ж нечего
будет просить,
ни есть
или вдоволь попить,
Там все мы
ничтожными
будем,
в грехе
наших умерших
буден.

Афоризмы

Умных не любят. На дураках ездят. Остальные воюют за право не быть дураками.

Одни создают, другие разрушают. Одни во славу разума поют, поющих третьи убивают...

Всё-таки прекрасно чувствовать себя дураком в неких не признанных обществом границах. Зато, по крайней мере, не чувствуешь себя общественным дураком.

На жизненных весах иногда эгоизм женщины перетянет все её слабости и целомудрие...

Эгоизм больного выше страданий его окружающих, заботящихся о нём.

Бог совесть отдал бедному. Богатому дал власть, лишив его совести. Середняку дал возможность молиться за благополучие, забыв про совесть...

Чем больше аналитических возможностей предлагается врачам исследовать болезнь у пациентов, тем меньше шансов остаётся у них поставить правильный диагноз, тем в большем материальном накладе остаётся больной...

Плохой врач пытается лечить, хороший — делает видимость, что лечит, оставаясь внимательным к больному, за что тот ему искренне благодарен. Гениальный врач не только лечит больного, но и любит выздоравливаемого, как ваятель свое произведение искусства.

Отличие платной медицины у нас от бесплатной состоит в том, что при платной медицине ещё нужно отстоять очередь в кассу, чтобы заплатить за неизвестный итог лечения...

Женщины бывают разные... Мужики все одинаковые...

Зрительное восприятие горизонта не означает, что он сливается с объектом. Но субъект с субъектом определенно может сливаться, если каждый не «сливает» другого.

Философы говорят о возрастании неопределенности будущего. Будущее может быть определенным только в случае, если человечество не сможет жить в будущем...

Все мы не знаем, что там за горизонтом, но понимаем, что за ним всегда что-то находится и чаще всего не то, что ожидаем...

Горизонт мужчин определяет только женщина: ближний — жена, дальний — любовница, будущий — жена, узнавшая про любовницу мужа.

Всё, что не противоречит законам сохранения — самоорганизуется, говорит синергетика... Но самоорганизованная женщина — отложенное одиночество.

Ничто не может вместить вселенную, кроме мозга в сознании разума.

РАССКАЗЫ

НИЧЬЯ. МИСТИКА. ЛЮБОВЬ...

*И в сорок пять любовь достанет,
и вскружит голову она.
Одних убьёт, других обманет,
лишит кого-то может сна.
Любовь, любовь! Ты в центре круга
того, что в жизни ещё есть,
ты как коварная подруга,
и как тот друг, поправший честь.*

Неожиданная встреча со Светланой для Григория обернулась мучительными сомнениями в том принимать или не принимать её приглашение отужинать у неё после работы.

Светлана была разведенной женщиной. У неё было уже двое самостоятельных детей. Но она приближалась к тому возрасту, когда женщине не только требовался постоянный объект обожания, но и человек, способный создать комфортные условия во второй половине жизни. Когда дети живут уже самостоятельно, а самой хочется пожить в своё удовольствие.

Вначале Григорий для неё отвечал и первому и второму условиям. Но постепенно в их случайных отношениях возникли трещинки, которые, наконец, привели к разрыву. И хотя он был не столь глубоким, и они поддерживали отношения на уровне добрых и давнишних знакомых, тем не менее Григорий переживал этот разрыв. А иногда даже лелеял надежду на то, что всё само собой утрясётся и у них сложатся нормальные и постоянные отношения, какие бывают между зрелыми мужчиной и женщиной.

Светлана всё-таки нравилась ему. Но в этой женщине он видел и другую, которую не очень интересовали глубокие чувства, если вообще они интересовали её. Она скорее была ведомая собственным капризом, ощущением, что все ей чего-то должны. Это выражалось в постоянных намёках на то, что она видная женщина, что она нравится мужчинам и что ей хочется комфорт достойный её: красивой и обожаемой. Подобные намёки и разъедали сознание Григория об искренности чувств к нему этой женщины. Да он в принципе уже и тогда не понимал, что хочет она от него. То ли «Ich will alles!», то ли только определённо значимый для неё комфорт без того сопровождения, которое делает женщину счастливой одновременно с мужчиной. Хотя, сколько ему помнилось, она не могла даже создать сама и для себя комфортной обстановки в собственной квартире, сколько бы у неё Григорий не бывал. Её квартира была похожа на гостиничный номер, который она покидала в случае внезапно принятого решения об отъезде.

Размолвка же состояла в том, что однажды, когда после ужина они уже могли заняться любовью, Светлана неожиданно мягко оттолкнула его и сказала, чтобы он пошёл к себе домой и переоделся с делового костюма на вечерний.

- Мы же не будем заниматься любовью в одежде? - удивился Григорий.

На что женщина, поправив причёску перед зеркалом, многозначительно ответила.

- Понимаешь, я хочу праздника! Ты приходишь ко мне в смокинге. Пахнущий соблазнительным парфюмом. Ты обольщаешь меня, ты меня завоёвываешь. Я хочу этого!

- Стало быть я тебе нужен только по праздничным дням?

- Ну успокойся! От рабочего костюма пахнет работой, а от свежесвыглаженной рубашки, красивого галстука исходит нечто другое, которое кружит голову женщине, понимаешь?

- Не понимаю.

- Тогда уходи!

И Светлана капризно поджав губы показала ему на дверь.

Григория тогда это взорвало. Он ушёл. Несколько минут бродил по улице. Потом забежал домой. Переоделся. Его, несмотря на её каприз, всё-таки тянуло к ней. Возвращаясь к ней, он по дороге мучительно обдумывал сложившуюся ситуацию. Обида подтачивала разум, а разум про то желал эту женщину. Но переступив порог её квартиры, увидев, как Светлана в своём обыденном кухонном халате просто ела банан на диване, внутри Григория всё перевернулось.

- Ну вот, милый, ты теперь мне нравишься! - Томно ответила Светлана, когда Григорий наклонился и поцеловал её в щёчку.

Она положила недоеденный банан на подлокотник дивана, потянулась, распахнула руки, зажмурила глаза, ожидая как любовник растворит её в собственных объятиях. Но Григорий неожиданно отшатнулся от неё и тихо произнёс.

- Ты действительно красивая женщина. Но это только одно, что у тебя есть. Есть многое другое, что делает женщину женщиной. И запомни, никогда не поступай так с теми мужчинами, которые тебе дороги. Прости. Я ухожу...

Светлана не сдвинулась с дивана.

- Григорий, прости меня! Это я так,... просто решила проверить как ты меня любишь...

Её кокетство было уже похоже на жеманство.

- Прощай, Света! Я всё тебе сказал.

Дома телефон Григория звонил не один раз. Наконец он поднял смартфон. В нём раздавались какие-то надрывные звуки: «Ну прости меня, милый!»...

Григорий ничего не ответил. Позже пришло смс-сообщение: «Вернись, Григорий, я прошу тебя, вернись!». Григорий не ответил и на него. Его самолюбие было тогда просто уничтожено поступком этой женщины.

Сейчас, сидя в кресле, и вновь переживая события давней размолвки, Григорий начал сомневаться в правильности своего решения о принятии вчерашнего предложения отужинать у Светланы сегодня. Где-то в сознании возникли даже какие-то стихи, которые он когда-то и где-то прочитал:

К утраченной любви не возвращайтесь!
Она как высохший на солнце плод.
Но и любви другой остерегайтесь,
в ней, как в минувшей — лишь один исход.
Где страсть сорвётся у обрыва,
на дне которого лишь быт.
И всё закончится разрывом
и им по горло будешь сыт.
Любовницы — певуньи ночи,
бокал добитого вина...
И станет жизнь не то короче,
не то закончится у дна...

«Черт! Она всё-таки мне нравится. Надо идти. Конечно пойду!»...

Памятуя о том, как относилась Светлана ко всему внешнему в человеке, Григорий оделся так, словно собрался в театр или на приём по особому торжественному случаю. Вышел из подъезда. Зашел в цветочный ларёк и купил цветы. Дождь из накрапывающего перешёл в проливной. Обстановка подсказывала ему, что нужно было бы вернуться и взять хотя бы зонтик. Но это была плохая примета.

Григорий остановился у пешеходного перехода. Ждал зелёный свет светофора. И вот уже, когда он было ступил на «зебру» на большой скорости, чуть не задев его, промчался фольксваген, обдав с ног до головы Григория грязной жижей. Правда, потом автомобиль резко затормозил в нескольких шагах от пешеходного перехода. Из машины выскочила женщина и, подбежав к беспомощно стоявшему Григорию, с которого ещё стекали струйки грязной холодной воды, выкрикнула:

- Простите, ради Бога! Простите, пожалуйста... , так получилось...

Григорий был готов всё сказать этой женщине. Но он был словно парализован мгновенно разыгравшейся сценой. И единственное что произнес, ввело в ступор уже женщину.

- А вас как зовут?

- Светлана!- Растерянно ответила та.

- Господи! Кругом одни Светланы... - Григорий стряхнул с пальто грязные струи воды букетом роз и почему-то протянул испачканные цветы женщине. Та машинально взяла их.

- Простите, пожалуйста, так получилось, - твердила она. - Я вам испортила вечер?

- Нет, - ответил Григорий, - вы мне, кажется, испортили жизнь...

И медленно развернувшись, пошагал обратно к своему дому.

Женщина ещё несколько мгновений стояла с грязным букетом роз. Потом подошла к своей машине и было уже хотела выбросить цветы на тротуар. Но почему-то открыла багажник. Бросила в него букет и её автомобиль повернул за соседний дом.

Григорий вернулся к себе в квартиру. Снял мокрое и грязное пальто. Заглянул в зеркало. Волосы на голове были также мокрые и грязные. Брюки тоже.

Он принял душ. Переоделся. Посидел немного в кресле и наконец позвонил Светлане.

- Я задержусь немножко!

- Хорошо! Я жарю картошку.

Светлана жила всего в квартале от Григория. И когда она открыла ему дверь, он передал ей букет цветов вместо того, «подаренного» женщине, которая окатила его грязным дорожным душем и, пожав плечами, сказал:

- Ну вот я такой... Мокрый. Короче мокрая кошка. Принимаешь?

- Заходи, мокрый кот. Чего уж там! Вон что на дворе делается...

Он потянулся к ней, чтобы поцеловать. Но она как-то дежурно подставила щёчку, словно Григорий был таким же дежурным посетителем или её завсегдатаем, как многие, бывавшие здесь, хотя прошло более трёх лет, как он переступал порог квартиры этой женщины.

На ней висел обычный халат, в котором семейные женщины обычно готовят что-нибудь на кухне. Букет она вначале хотела просто положить на кухонный стеллаж. Но потом подошла к вазе, наполовину заполненной зеленоватой водой с торчащими из неё полусохшими цветами, вытащила и на их место водрузила букет Григория. Прежние бросила в мусорное ведро.

«Чёрт! И мои цветы там же окажутся. Только насколько скоро»...

- Присаживайся к столу! Правда у меня не совсем убрано в квартире. Работы много. Сам понимаешь, деньги зарабатывать на жизнь надо. Вот кажется и картошка подгорает. Дежурная штука жареная картошка, да?

- Зато вкусно пахнет, - соврал Григорий.

- Чего уж там! Вот салат ещё. Напитки... Ты что будешь пить?

- Коньяк.

Григорий протянул пакет с апельсинами, бутылкой коньяка.

- Ты же помнишь, я пью мартини, Гриша.

- В пакете и мартини есть.

- Хорошо! Значит помнишь?

- Помню, помню. Всё помню.

- Тогда садимся ужинать.

Осторожно поглядывая на Светлану, Григорий сравнивал сидящую перед ним женщину с той, которой расстались почти три года назад. Заметил, что она явно пополнела. Появились складки у губ. А между разговорами о том о сём, в ней чувствовалась усталость от неустроенной жизни, которой жила. Тем не менее старалась выглядеть ещё бодрячком. Много шутила.

И Григорию думалось. Почему же такая 45-летняя женщина, которая может в несколько минут так преобразиться, что на неё заглядываются многие мужчины, до сих пор одна. Самонадеянность? Слишком долгая разборчивость в людях? Категоричность в суждениях и оценках? И тут неожиданно пришёл к выводу о том, что она просто слишком самоорганизованная женщина. Такой женщине не требуется поддержка. Она просто в ней не нуждается в силу собственной самонадеянности и в стремлении отложенного выбора.

«Самоорганизованная женщина — это почти всегда отложенное на время одиночество», - мысленно заключил Григорий.

- Ты о чем-то всё время думаешь, Григорий, - прервала его размышления Светлана.

- О тебе.

- Что сильно изменилась?

- Не очень.

- Значит изменилась. Хуже стала выглядеть? - Ехидно продолжила Светлана.

- Ты же знаешь, у мужчин всегда будет один и тот же ответ, когда женщина ставит такой вопрос.

- Хорошо..., но ты не ответил. И на этом спасибо. Мы уже третий час ведём разговоры и пора бы...

- Пойти спать? - продолжил её мысль Григорий.

- Нет, я хотела сказать не об этом. Я очень устала. Может быть пора расходиться... Мне же на работу завтра надо.

Этого Григорий явно не ожидал. Готовясь к встрече, он рисовал себе картину предстоящей ночи с женщиной, которой так долго не видел, какую желал и даже кажется любил. А она хотела спать...

- Ладно. - Решительно встал Григорий.- Конечно поздно уже. Спасибо за ужин.

Он нагнулся к ней и старался поцеловать со страстью, которая возбудит любую женщину после ужина. Но она дежурно подставила щёчку.

В прихожей Светлана, не дожидаясь, когда Григорий оденет тонкую куртку, открыла дверь.

«Чёрт, да она меня просто выставляет за дверь. Зачем тогда придумала этот званый ужин?». - Был почти вне себя Григорий.

- Смотри не замёрзни, Гриша! Кажется на улице ветер поднялся и дождит ещё,- сказала зевнув Светлана, и закрыла за Григорием дверь.

Григорий вышел из подъезда. Мелкий морозящий ледяной дождь под порывами ветра быстро вынули из-под его тонкой куртки последнее тепло, которое осталось от нетёплого приёма Светланы. Зигзагами обходя запакованный легковыми машинами квартал, он вышел к площади. Уже казавшимся истовым ветер вогнал в озноб всё тело. Неприятная лихорадочная дрожь колотилась в самом сердце. Дыхание становилось прерывистым.

«Не хватало изгнанному за дверь любовнику ещё и замёрзнуть среди родного полночного и безлюдного города», - вяло скользнула мысль. - «Повернуть назад? Исключено. За мной двери явно закрылись навсегда. Бежать, бежать, Гриша, чтобы озноб не парализовал любую возможность двигаться. Бежать!» - Убеждал себя Григорий.

Но бег уже был настолько скованным, что это был вовсе и не бег, а подобие бега, прерываемое неуверенными шагами трясущейся фигуры человека.

Холод уже шел изнутри Григория и внешнее восприятие промозгой сырости воспринималось телом менее жестоко, чем внутренний холод остывающего организма.

Наконец Григорий оказался у пешеходного перехода, где мигающий желтый глаз сфетофора указывал на возможность перебежать улицу, не дожидаясь остановки редкого, но ещё достаточно быстро движущего транспорта. Григорий рискнул в надежде, что водители притормозят, когда он ступит на «зебру». Но никто не тормозил. Все торопились, словно каждого водителя, сидевшего за рулём также бил озноб или лихорадка. Визжали тормоза. Григорий не мог даже чертыхаться, настолько его воля была почти парализована. И всё-таки заветный угол дома уже оказался рядом.

Подойдя к двери подъезда, он не сразу вытащил ключи из кармана насквозь промокшей тонкой куртки. Не слушались руки. Пальцы не сгибались. Но вот уже открыта дверь подъезда. Вот заветная дверь тамбура к его квартире на третьем этаже. Вот он перешагивает порог квартиры и буквально валится на скамейку под вешалкой прихожей.

Тепло постепенно начало выводить Григория из его лихорадочного состояния. Но то, что произошло с ним в этот вечер и ночь, не могло уложиться в его сознании в какую-то связанную осмысленную картину произошедшего.

Случайная встреча с давно знакомой женщиной. Её инициатива и жажда провести с ним время за ужином у неё. День волнительного

ожидания вечера. Потом эта машина на перекрёстке и холодный душ, окативший его с ног до головы. И опять женщина со странным совпадением имени той, к которой шёл, и какая была его несчастьем возвращения снова домой, чтобы переодеться. Наконец это времяпрепровождение с желанной женщиной с ужином подгорелой картошки, которое закончилось тем, что она выставила его на улицу под дождь, ветер и холод, который вытянул из него любое желание в будущем встречаться с ней.

Горячая ванная расслабила тело. Он уже мечтал заснуть, но посмотрев на часы, понял, что уже приближалось утро. Встал с кровати и пошёл варить кофе.

«Это то, чем должен был закончиться ужин у Светланы»,- горько усмехнулся про себя Григорий.

Сигнал в телефоне заставил его посмотреть смс-сообщение. Оно было от Светланы.

«Прости. Кто-то ожидал эротических фантазий, а ему предложили лишь подгорелую картошку... Коварство женщин безгранично!».

Ниже красовался довольный собой смайлик, а рядом — бантик подкрашенных губ.

«Вот оказывается в чём дело! Да она просто разыграла меня. Даже не разыграла, она отомстила мне за то, что когда-то в прошлом, выполнив её каприз с переодеванием, я покинул предлагаемое мне ею ложе... Да-да! Это была месть. И инъекция боли в самое сердце. И стало быть ЭТО БЫЛА НИЧЬЯ.

«Светлана, милая! Я шел к тебе с надеждой вернуть прошлое чувство к тебе, а ты, в ушедшем, столько лет искала только повод, чтобы отомстить мне, хотя причиной всего того был только твой каприз. Значит ты не только не любила, ты ненавидела и мстила мне. Оттого высохла у тебя душа и ты во всех мужчинах, которые крутились вокруг тебя, принимала их у себя, видела только лишь субъектов мщения тобой без какого-либо повода с их стороны... Нет, ты не женщина. Ты мебель... Ты красивая игрушка, завёрнутая в подаренную кем-то норковую шубку, которая не только не может дышать, но ничего не может чувствовать»...

И какая-то жалость, вместо ненависти к ней, вдруг подкатила к сознанию Григория.

«Господи! Сколько же надо было напустить на себя дурного, чтобы высушить собственные чувства к людям, пытавшимся завладеть её сердцем. Только сердца в ней самой-то, видимо, не было. Вместо него остался механизм по поддержанию жизни. Было только желание получить внешний жизненный комфорт состояния вечеринки. Но он лишал её внутреннего комфорта любящей и любимой женщины в остальной жизни. Осталась только необходимость перебора окружающих, которые могли создать этот временный внешний комфорт.

Но всякий раз окружающие её мужчины, видимо, спотыкались о внутреннюю её пустоту»...

Григорий почувствовал какую-то духовную и даже физическую слабость. Она возникла не от бессонной ночи, а от того, что он, наконец, внутренне ощутил всю безысходность своего понимания окружающей действительности отношений между мужчиной и женщиной, которые ему казались до сих пор простыми и понятными, основанными на взаимоуважении, взаимопонимании и любви. Ощущение гигантской пустоты в нём усилилось, когда к нему вернулось состояние пережитой трагедии после потери им любимой женщины — жены и сына, погибших в автокатастрофе вот уже семь лет назад. Он становился почти женоненавистником. И это его пугало уже больше, поскольку в женщинах видел всегда не только рационализм, но и целомудрие

«Мы ищем в женщинах, как и они в нас, какой-то умопомрачительный сигнал достижения какого-то резонанса понимания, любви, сопереживания, которые бы дерзко возвышали нас в собственных глазах и даровали нам свободу гордиться всем этим. В том числе чувственным резонансом восприятия всего окружающего нас мира. Сигнал, который нивелировал бы в нас всё поверхностное, внешнее, относящееся ко всему материальному или, просто говоря, быту. А на деле мы все пестуем в себе необходимость следовать инстинктам самосохранения, обеспечивающего нам сытость, комфорт и безразличие к чувству, которому чаще всего совершенно не важно это самое внешнее заполнение пустоты и пространства. Людям хочется большего, что заставляет их идти на всё, ради любимого человека. На всё, что делает жизнь целесообразной и сообразной резонансу чувств», - думалось Григорию.

Он подошёл к окну. Ветер и дождь, пытавшиеся у него ночью отнять тепло, выхолодить сознание и душу, утихли. В разрыве облаков свет наступающего дня заиграл феерическими осенними оттенками остатков листьев на деревьях, и листьев упавших на тротуары. Да это были вовсе и не листья, а умирающие в непревзойденной красоте звёзды на мокрой и черной осенней мостовой.

«Природа изменчива и капризна как женщина. Но она не коварна. Она просто такая, какая есть, естественная. Она лучше нас всех и мужчин и женщин и всего того, что мы соотносим с обществом. Но надо жить дальше, только как с такой пустотой жить?».

Григорий сел на диван. Подложил под голову подушку и задремал.

Телефон просигналил о новом смс-сообщении. Григорию не хотелось прерывать надвигающийся сон. Он проваливался в него...

Два часа неудобного сна полулежа на диване не принесли ему отдых. Он было уже направился в ванную комнату к умывальнику, как снова телефон показал признаки того, что жизнь продолжается. Было не одно и не два смс-сообщения. И все они исходили от женщины, которая

испортила ему прошедшую ночь, изменила сущностное восприятие окружающего мира.

Первое сообщение: *«Ты обиделся?...»*

Второе сообщение: *«Значит обиделся»...*

Третье сообщение: *«Всё у тебя нормально?... Холодно ведь и дождь. Прости, что выставила тебя за дверь в такую погоду».*

Четвертое сообщение: *«Ты где? Всё у тебя в порядке?».*

Первым желанием Григория было не отвечать на сообщения. Зная Светлану, он понимал, что она в принципе не могла так сопереживать, она просто убеждала себя в необходимости знать, что у меня всё в порядке с той лишь целью, чтобы спокойно заснуть. Чтобы не мучило её оставшееся где-то в закоулках души чувство своей вины за то, что в непогоду выставила за дверь человека. Не больше. К тому же она могла просто позвонить. Услышать хотя бы голос того, кто дошёл домой и находится в безопасности. Но она не звонила. Она смс-ила.

Через некоторое время Григорий всё-таки ответил своим смс-сообщением: «ОК!». Она тут же ответила своим: *«Ты уж так не пугай меня!»...*

И Григорию опять стало не понятно. То ли она действительно сопереживала о случившемся, то ли её коварство значило больше, чем само коварство.

«Милая женщина! Ты теперь успокоишься и забудешь обо всём, поскольку всё произошедшее для тебя было игрой, сценарий который написала сама и превосходно, но бесчувственно сыграла главную роль», - горько улыбнулся своим мыслям Григорий.

Прошло несколько дней с того злополучного вечера, когда Григорий, чуть было не замерз недалеко от своего дома, возвращаясь от женщины, которая своеобразным способом подвела черту их отношениям.

Выпачканное когда-то пальто не весть откуда-то взявшейся машиной, вылетевшей к пешеходному переходу на зелёный сигнал светофора и окатившей его холодной и грязной водой, когда он переходил улицу во время дождя, было безукоризненно вычищено и отглажено в химчистке. И надо же было такому случиться, когда он опять подошел к своему пешеходному переходу, которым пользовался как минимум два раза в день во время отъезда на работу и при возвращении с неё, его окликнула женщина, вышедшая из соседнего магазина.

- Простите, можно вас на минутку!

Перед Григорием стояла стройная женщина на вид не более 42-45 лет, одетая в спортивную куртку с причёской под юную леди. Её глаза почему-то излучали какую-то радость. Обычно так выглядят все, кто неожиданно встречает хорошо знакомого человека.

- Я слушаю вас,- отозвался Григорий.

- Вы не помните меня?

- Кажется нет...

- А я думала вы не только запомнили меня, но и до сих пор проклинали женщину, которая испортила вам жизнь. Кажется, вы так тогда мне ответили на мою просьбу простить меня. Ну ту, которая вас на этом пешеходном переходе машиной не так давно окатила из лужи во время дождя.

Женщина протянула руку.

- Светлана...

- А-а! Это вы? Да-да, конечно это вы.

Григорий от неожиданности не знал что делать с её рукой. Он неуклюже слегка тряхнул её.

- Григорий...

- Ну вот, теперь и я знаю ваше имя.

- Странно, что вы запомнили меня,- откровенно удивился Григорий.

- Я бы никогда не узнал вас, даже если бы мы где-нибудь встретились лицом к лицу.

- Вы просто были шокированы происшедшим. В таких случаях обычно помнят другие детали...

- А вы что, психолог?

- Упаси Бог!

- А почему так?

- Видите ли к характерным чертам психолога относится благожелательность, великодушие, деликатность, кажется. А вы меня наверно после случившегося представляете до сих пор какой-нибудь мигерой или мымрой.

- Да нет. Просто я не успел ничего подумать о вас, всё так получилось неожиданно... Но, как мне помнится, для психолога характерна ещё, искренность, отзывчивость.

- Вряд ли в сложившейся ситуации я могла обладать такими чертами характера. К тому же в моей практике я имела всего один раз дело с психологом, о котором лестно отзывались в кругу моих знакомых. Мне же показалось, что это был просто какой-то зануда, педантично вытаскивая из словарного запасника какие-то заученные слова, фразы, нормы.

- Вы кажется не дооцениваете себя. Мне как раз запомнилось, что вы не накинулись на меня с воплями, что, мол я такой и эдакий, невнимательный, поторопившийся двинуться на зелёный свет светофора. В таком случае ни о каком прощении не просят, а хотят убедить жертву в её никчёмности. Вы же были, по-моему искренними. Вы не только извинились, вы даже назвали своё имя. В такой обстановке так не поступают. Напротив, хотят с достоинством унижить жертву обстоятельств и не с меньшим достоинством ретироваться.

- И вы запомнили?

- Как тут не запомнить. Я шел на свидание к женщине, которую, кстати, звали также.

- Надо же! И что? Не состоялось свидание?

- Трудно сказать, что это было. Свидание или игра...

- Знаете, а я до сих пор храню ваш букет. Мне показалось, что я обязательно встречу вас именно здесь. Я живу отсюда неподалеку. А раз вы выходили к этому пешеходному переходу, то я подумала, что также живёте где-то рядом. И мы с вами обязательно встретимся.

- Но букет же такой грязный был?! Я же им стряхивал с пальто слёзы того злополучного вечера. К тому же зачем вам понадобился мой букет?

- Цветы были замечательные. Такие дарят только любимым... Они конечно высохли... Кстати, не хотите взглянуть на букет, который испортил вам жизнь?

Григорий напряженно улыбнулся.

- Не знаю, стоит ли?

- Всё-таки пойдёмте я вам покажу его. Вон там на углу стоит моя машина. Помните её?

- Таких машин много, чтобы я запомнил вашу...

Неожиданно знакомая незнакомка взяла Григория под руку и слегка подтолкнула его к машине.

Когда открылся багажник, на его дне лежал полувысохший букет цветов. Да, это был именно его букет. Три красной и две белых розы.

- А зачем это вам? - задал вопрос Григорий.

- Не знаю. Но как видите, он сохранился.

- Странно всё это.

- А что странного? Я надеялась непременно увидеть вас.

- Исповедоваться что ли?

- Да нет. Вы точно не священник, как я представляю себе вас, а я вряд ли себя могу отнести даже к истинно верующему человеку. Но у меня не выходило из головы ваша фраза о том, что именно я испортила вам жизнь. А потому хотела всё-таки как-то посочувствовать вам что ли...

- Спасибо! Но сейчас для меня это уже всё равно.

- Тогда у меня к вам предложение. Вы не торопитесь?

- В принципе нет. Я просто направлялся в зоомагазин подкупить что-нибудь для своего пса.

- Вот и хорошо. Я предлагаю в этом ресторанчике (она показала рукой на первый этаж соседнего дома) выпить по чашечке кофе... Нет-нет, не возражайте, прошу вас! Это всего на несколько минут. Нас обслужит быстренько моя дочь.

- А вы не боитесь, что у неё после могут возникнуть какие-нибудь неудобные вопросы, увидев вас с незнакомым мужчиной?...

- Не беспокойтесь. Она мне не только дочь, но и сокровенная подруга. А подруги, вы знаете, не выдают секретов. Вы согласны?

- Хорошо! Только на несколько минут и при одном условии, что расплачиваться буду я.

- Пусть будет по вашему, Григорий. Но выходит, что это я сама тогда напросилась на чашечку кофе?

Это был вовсе не ресторанчик, как сказала собеседница. Это был большой ресторан. И когда-то во времена прошлого романа с прежней Светланой они ужинали здесь.

- Я предлагаю пройти наверх.

- Как скажете, - ответил Григорий.

Когда они расположились за столом возле окна, Григорий вспомнил, что именно за ним они когда-то сидели со Светланой. И непроизвольно погладив стол рукой, улыбнулся.

- Вам нравится здесь? - спросила теперь другая Светлана.

- Простите! Это воспоминание... Да! Здесь очень удобно.

«Надо же! Это просто какое-то проведение. Так не бывает! Просто не может быть столько совпадений. Две Светланы, тот же ресторан, тот же стол. Неужели она предложит ещё и пасту»...

- Вы знаете, Григорий? Я голодна. День был какой-то сумасшедший. Может быть...

«Чёрт! Если сейчас пасту предложит, я поверю во всё что угодно: проведение, в дьявола, наконец, разыгрывающего со мной спектакль, сценарий которого пишет другая Светлана за квартал отсюда. Из мести за прошлое, в котором она была виновата сама, но не была удовлетворена тем, что так отомстила недавно мне. Её месть, превращенная в коварство, теперь должно было преследовать меня настолько долго, насколько я смогу сойти с ума»...

- ... мы что-нибудь покушаем, а затем завершим кофе?

Григорий не успел ответить. К ним подошла девушка в типичной для таких заведений униформе.

- Мама! Наконец-то. - Обратилась она к Светлане. - Ты когда-нибудь будешь помнить, что в день хотя бы три раза питаться надо!... Простите, - обратилась она теперь к Григорию. - Светлана!..

Григорий с таким удивлением и растерянностью посмотрел на Светлану-мать, что та не выдержала, прыснула в кулачок и ответила на вопросительный взгляд Григория.

- Вы знаете! Такое действительно бывает... Теперь у вас три знакомых женщины и все Светланы.

- А что это значит? - спросила Светлана-дочь.

- Просто у Григория...

Григорий привстал и слегка кивнул головой в сторону Светланы-дочери.

- ...любимую женщину тоже зовут Светланой...

- Надо же? - Улыбнулась дочь и положила меню перед Григорием. - Мама, вы выбирайте, а я отлучусь на минутку.

Улыбка дочери делала её лицо настолько похожим с матерью, что Григорий ещё раз подчеркнул в своём сознании, что всё творящееся с ним действительно было похоже на какой-то коварный замысел.

- Вы что будете, - спросил Григорий.

- Ой! И первое, и второе, и третье, - засмеялась Светлана.

«Слава Богу, что не упомянула пасту. Уже лучше», - успокоился Григорий.

Смех Светланы-матери был не только каким-то искренним, но и располагающим. Это Григория отвлекло от мистики.

- Тогда выбирайте вы. А я последую за вами.

- Тоже голодны?

- Ещё как! С того времени, когда вы меня окатили водой из лужи, я питался абы как.

- А что ваша Светлана не покормила?

- Предложила жареную картошку...

Здесь Вторая Светлана засмеялась громче. А в брошенном взгляде на Григория читалось одновременно не то восхищение поступком любовницы, расправившейся со своим любовником за что-то только ему или ей известное, не то живой интерес к нелепости любовной ситуации. Но она быстро спохватилась и уже серьёзно сказала:

- Итак, мы, надеюсь, с моей дочерью не будем предлагать вам жареную картошку. Первое конечно не будем, поздно уже, а вот второе...

Светла-мать наклонилась к дочери и что-то показала в меню. Та кивнула головой и ушла.

Григорий смотрел на женщину, не вникая в смысл предложенного меню, и невольно подумал о том, а не очередной ли развод учинила теперь эта женщина под предлогом демонстрации своей любезности на его великодушие не накричать на неё в той обстановке, когда другой был бы вне себя от ярости, будучи с ног до головы забрызганным грязью? Не желание ли её таким образом ещё и подшутить, разыграть его или даже посмеяться над ним, над его неуклюжей реакцией, соотносящей его в её глазах с каким-нибудь увальнем, готовым бессознательно всегда перед всеми себя считать виноватым.

«А, впрочем, о чём это я? Перед каким-то выбором я обычно всегда сомневающийся человек. Вот и снова чувство тревожности во мне заставляет в новой знакомой видеть какой-то подвох относительно себя»...

- Вы куда-то ушли в своих мыслях, Григорий?

«Чёрт, у меня всегда мысли на лице романы пишут... И ей это не только заметно. Она их просто читает...».

- Простите, это я просто отвлёкся.

- Вы пожалели, что согласились на этот неожиданный ужин?

- Что вы?! Хотя всё так неожиданно получилось. А может..., может нам заказать что-нибудь выпить по этому поводу... Ну чтобы, например мне просто расслабиться, не чувствовать себя идиотом в такой

обстановке, когда незнакомая женщина приглашает к столу не совсем знакомого мужчину, да ещё всё это почти превращается в какую-то мистику.

- Замечательно! Вы что пить будете?

- Рюмочку коньяка.

- А я, пожалуй, выпью бокал мартини с лимонным напитком...

«Нет, не поминай чёрта, ибо он будет обязательно править балом, на который ты согласился и в котором будешь исполнять свою партию, - ужаснулся Григорий.- «Нет, это точно уже не случайное совпадение. Ну да ладно — имена. Но привычки-то у людей должны хотя бы отличаться. А здесь и эта Светлана оказывается пьёт именно мартини и разбавляя его лимонным напитком. Впрочем многие женщины, наверно любят именно мартини»...

И здесь Григория просто подвигла сумасшедшая мысль задать вопрос женщине:

- А вы случайно не экономист?

- Что вы? Я модельер.

— Слава Богу! - вырвалось у Григория. И он рассмеялся.

- А что здесь смешного? Нормальная профессия для женщины.

- Простите. Та, женщина, которая «испортила мне жизнь» по профессии экономист. Такое совпадение подтверждало бы, что меня окончательно преследует какая-то мистика. И я сейчас вам кое-что расскажу. Может вместе посмеёмся и тогда ко мне придёт хоть какая-то уверенность в том, что здесь не дьявольский розыгрыш.

И пока официант сервировал стол, ставил на стол блюда, Григорий рассказал про тот злополучный вечер встречи с женщиной, которая пригласила его на жареную картошку. Что эту женщину звали также как и эту с её дочерью. Что и та женщина как и эта любила мартини с лимонным напитком. В другой обстановке он никогда бы даже не подумал рассказать почти об интимном женщине, с которой только что познакомился. Но желание освободиться от мистики совпадений заставило его это не только сделать, но и самому убедиться в том, что это действительно случайные совпадения.

- Интересно. А вы Григорий, какой профессии?... Подождите, не отвечайте! Я постараюсь вас утвердить в мысли, что всё происходящее вокруг вас...

-... мистика?

- Нет. Случайность, которая иногда может показаться закономерностью. По основному образованию я на самом деле математик. Заканчивала физмат. Некоторое время преподавала. Кстати мечтала защитить даже диссертацию по теории случайности. Но кризис в стране заставил меня изменить своей профессии. Надо было зарабатывать на жизнь и поднимать дочь. А поскольку у меня было ещё хобби модельера, то мне удалось создать фирму по обслуживанию богатеньких женщин у «новеньких русских». Дело пошло. Знакомства

мне дали возможность заняться ресторацией. Но этот бизнес я уже передала своей дочери.

Теперь относительно мистики. Я боюсь, что угадаю, кто вы по профессии. Вы..., занимаетесь интеллектуальным трудом. При этом вы явно гуманитарий по мировоззрению, не естественник. Ибо для вас мистика оказалась каким-то откровением... Этим страдают в основном гуманитарии. Скорее всего преподаёте что-то, связанное с гуманитарными науками. Короче вы преподаватель, не правда ли? Или я ошибаюсь?

Григорий смотрел на женщину и у него возникло ощущение подопытного кролика перед удавом. Она смотрела в его лицо, да нет, прямо в глаза и словно читала на лице и в глазах всё, что они выражали. Он же не только мысленно удивлялся тому, что она говорила, но заметил, как от какого-то внутреннего напряжения лицо Светланы превращалось из просто симпатичной женщины в удивительно привлекательное.

...- а зачем это вам нужно знать?

- У вас выражение лица умного человека. Вы не смогли ответить грубостью на то, что я вас случайно окатила из лужи. К тому же, когда вы спросили тогда, как меня зовут, я была обескуражена. Я сразу поняла, что вы не только воспитанный человек, но и выдержанный, умеющий держать себя в нетривиальной ситуации. А это черта опытных преподавателей не поддаваться эмоциям. Теперь же мне просто хочется знать, что я не ошиблась.

- Вы не ошиблись. А ваш психологический мастер-класс меня поразил. Я действительно преподаю... историю. Но вы опасная женщина... Вы красива, умна, но как вы тогда живёте с мужчинами? Вы просто читаете их по тому, что написано на их лицах!...

- Здесь вы попали в точку. Мужчины буквально от меня шарахаются.

- Вы всем и прямо в лицо говорите всё, что о них думаете?

- Да нет. Мужчины сами понимают то, о чём о них иногда думают женщины. Поэтому я дочь воспитываю одна. Действительно с такими женщинами как я, видимо, жить трудно. Вот кажется мы и распутали клубок мистики... Может давайте пригубим напитки.

- Тогда надо за что-то выпить...

Она задумалась. Посмотрела на свет, каким цветом отливало вино в бокале. Лицо её стало серьёзным. Потом перевела на Григория глаза, в которых он увидел уже другую женщину. Нет, лицо её было по-прежнему приятно. А вот глаза выражали нечто более глубокое, чем ему показалось чуть раньше. В них хотелось утонуть...

- Вы действительно простили меня тогда или ваша выдержанность преподавателя не позволила вам откровенно сказать всё, что обо мне подумали?

- Вы знаете, я не успел тогда осознать произошедшее. Я думал только о том, как явлюсь к женщине на званый ужин в таком виде. Я был удручен тем, что опоздаю, что заставлю ждать женщину... Но мне кажется всё то, что случилось должно было случиться. И это оказалось к лучшему.

- Почему?

- Я понял, что не только я ошибся в той Светлане, но и она не строила никаких иллюзий относительно наших отношений. Простите меня за такую откровенность. Может этого и не стоило бы говорить.

- А я для вас опасная женщина...

- Нет. Вы не так меня поняли. Вы просто другая, каких я, простите, никогда не встречал. Вы сильная духом. К тому же я чрезвычайно не контактный для женщин гуманитарий. Вы это точно подметили. Давайте лучше уладим тот случай тем, что выпьем за то, что вот всё так само собой получилось, как получилось... Что мы мирно беседуем за неожиданным ужином. И знаете, вы просто удивительная женщина. Мы, мужчины, привыкли брать во всём, и знакомствах в частности, инициативу на себя, не просчитывая дальнейшие шаги относительно того, как к этому отнесутся женщины. Это нас, по-моему, и подводит. Иногда мы даже остаёмся в дураках, потому что просто плохо понимаем их. А вы сделали такой шаг, который...

- ... вас удивляет?

- Пожалуй сильно располагает...

- К чему?

- К необходимости вот так сидеть с вами и узнавать вас.

- И вы меня узнали?

- По-моему, да.

- Так кто же я по-вашему?

- Как я уже отметил — умная. Красивая. Категоричная в суждениях. Правда, для такой самоорганизованной женщины, как вы и подобным вам, это плохо. Да-да! Не перебивайте меня, пожалуйста! Такая женщина всё делает сама, не надеясь ни на кого. Одним словом вы самоорганизованная женщина — а это почти всегда отложенное одиночество ...

- Достаточно, Григорий. Вы сказали, пожалуй главное. И попали в точку. Но одиночество ощущается только тогда, когда не с кем женщине разделить глубокие чувства. Но у меня есть дочь, она же для меня сокровенная подруга. У меня очень широкий круг общения. Поэтому я не могу считать себя одинокой. Хотя понятие самоорганизованной женщины — это для меня. Это правда. Но разве это плохо?

- Я по себе знаю, что это плохо, Светлана. У меня тоже не малый круг общения. Но не хватает иного...

- Ну что, довольны обслуживанием? - спросила подошедшая Светлана-дочь и обняла мать.

- Спасибо, девочка! Но это надо спросить у мужчины.

- О, да! Всё чудесно. Я даже и не мечтал сегодня так отужинать, - восторженно ответил Григорий. - Теперь я точно ваш завсегдатай.

- Ну вот и прекрасно. Значит тогда обещанное кофе?- обратилась себя считать к матери Светлана-дочь.

- Да, Светочка. Но можно не торопиться. Мы с Григорием еще не закончили дискуссию..

- Хорошо. Тогда прямо мне по телефону звони, мама, я распоряжусь.

Когда Светлана-дочь ушла, Григорий неожиданно предложил.

- А может у меня кофе попьём?

Женщина опустила глаза. И не поднимая их, произнесла.

- Это исключено, Григорий. У нас такое шапочное знакомство, что сразу идти в гости к мужчине как-то не очень правильно для женщины.

- Хорошо! Тогда можно просто пройтись и погулять.

- Вы же должны идти в зоомагазин?

- Поздно уже...

Светлана набрала номер телефона дочери.

- Лапочка! Мы решили просто погулять! Благословляешь?... Хорошо. Непременно позвоню.

Когда они вышли на улицу ветер гнал по бульвару опавшие листья. Широкие кленовые листья барражировали в воздухе, словно маленькие самолётики, патрулируя впереди идущей пары.

- Вы любите осень, Григорий?

- Сейчас, да! Когда слякоть, морось, нет. Это усиливает чувство какой-то потерянности и одиночества.

- Вы что, одиноки?

Григорий повернулся к ней.

- Вот мой дом. Зайдемте на минутку и вы кое-что узнаете о Григории Мостовом. Не противьтесь, пожалуйста. Это займет не более, чем пару-тройку минут. Заодно со своим другом познакомлю.

Когда они вошли в квартиру их встретил мохнатый пёс. Дружелюбно обнюхал гостью, лизнул руку хозяину и улёгся подле него.

- Как зовут собаку?

- Рыжик.

- Смешное имя для такой большой собаки.

- Ему нравится, - потрепал за загривок пса хозяин.

Светлану удивил безукоризненный порядок в квартире. Одна стена зала была заставлена до потолка стеллажами. Книги, книги... На журнальном столе — тоже.

- А где ваша жена?

- В соседней комнате...

Светлана, видимо не ожидала такого ответа и вопросительно, даже с каким-то страхом в глазах посмотрела на Григория. Словно боялась услышать вопрос неожиданно возникшей перед ней жены Григория: «А вы, собственно, почему здесь в такое время?»...

Григорий открыл дверь. Туда же протиснулась собака. Комната была похожа на кабинет. Над столом висел не то портрет, не то это была картина, на которой вполоборота сидела женщина с мальчиком лет 10-12.

- Это произошло 7 лет назад. Автокатастрофа унесла обоих. И жену и сына...

- Простите, Григорий... Я подумала другое... А кем она была в жизни?

- Журналистом. Так что я ответил на ваш вопрос и теперь вы обо мне знаете многое. Во всяком случае можете представить мою жизнь.

- Знаете, Григорий, сегодняшний вечер действительно кажется проведением. Мне даже представляется, что всё это я уже где-то видела, прочувствовала... Кстати я живу в квартале отсюда. Странная штука городская жизнь. Жить рядом и не встречаться никогда. Вы проводите?

На улице Светлана не решалась взять Григория под руку. Шла рядом. Больше говорил он. Практически ни о чём. А ей казалось о самом главном. Говорил про свою жизнь, а она думала про свою.

Они подошли к её машине. Она сняла с сигнализации машину, открыла дверь.

- Есть предложение, Григорий.

- Какое?

- Садитесь, Григорий, в машину. Садитесь, прошу вас! Давайте я вам покажу тот город, которой мне очень близок. Иногда вечерами или даже ночью я выезжаю в город просто так. Хорошо думается. Иногда в такой обстановке даже принимаются важные решения. А потом вернёмся в ресторан к дочери и всё-таки попьём ночного кофе. Принимается?

- Никогда праздно не ездил по ночному городу. Принимается!

Светлана водила машину изысканно. Большею частью молчали оба. Город жил своей жизнью: много машин, много света, много рекламы. Изредка стайки прохожих переходили «зебру». Тротуары были почти пустыми от прохожих. В пространстве города витала обыденность. Но в этой обыденности действительно вскрывалась его, города, ночная особенность, располагающая больше к молчанию, чем к рассуждениям.

Григорий впервые был погружен в состояние, когда ночной город неожиданно заговорил с ним. Говорил звуками, светом и тем незнакомым состоянием новизны, которая не была ему знакома ранее. Он просто не знал ночного города и его жизни. Он почувствовал себя погруженным в «мысли города», которых у него по определению не могли быть. Но он чувствовал, что город сейчас говорил с ним о чём-то сокровенном. И это ощущение новизны взаимопроникновения «духа» города и его духа, было каким-то откровением. Он посмотрел на профиль Светланы. Лицо было сосредоточенно красивым в бликах

мерцающих огней города, встречных машин и светофоров. Иногда она посматривала на него и улыбалась чему-то.

«Как же я благодарен тебе незнакомая, а на самом деле как будто давно знакомая женщина, которую представлял себе в депрессивные минуты. Ты во мне пробудила новое отношение к шарму жизни, которой я давно не чувствовал и не старался ощущать её. И это оказывается скорее ты, Григорий, самоорганизованная сущность с отложенным одиночеством. Зачем она тебе эта сущность, когда рядом кипит другая и чувственная жизнь? А ты хотел украдкой погрузиться в неё с экс-любовницей, которая накопленной мстостью к тебе за прошлое изошла коварством. И ты это коварство всем своим существом принял как признание собственной вины за всё несовершенное тобой. Живя своим внутренним миром ты согласился не замечать другой, считая его одновременно чужим и порочным. А теперь... Теперь мир представлялся тебе профилем этой женщины, которая вела машину по ночному городу».

Они возвращались к тому месту, откуда отправились в машине по ночному городу. Светлана изящно припарковалась у ресторана дочери, где казалось трудно было найти место.

- Ну что, кофе, Григорий? Я же обещала вам его. Не отказывайтесь, пожалуйста. Правда лицо у вас какое-то грустное. Не понравилось наше путешествие в лоно города, которого мы иногда не стремимся узнать?

- Спасибо, Светлана! Но я и так отнял у вас столько времени...

- Иногда необходимо отнять его у себя, чтобы найти для другого...

Так идём?

Они долго пили кофе, редко прикасаясь к чашечкам. Говорили, об обыденном, но оно уже было о главном. А когда вышли снова на улицу Светлана попросила Григория не провожать её.

- Я ещё пообщаюсь с дочерью, а вы идите к себе. И привет вашему Рыжику. Он у вас славный такой.

- Хорошо. Но я увижу вас как-нибудь в другой раз?

- Вот моя визитка.

- А это вам моя.

- Григорий! Я вам позвоню. Обязательно позвоню. Только пожалуйста, никогда не бегите сразу на зелёный свет светофора. Осмотритесь вначале, чтобы вас не окатил кто-нибудь ещё.

Оба засмеялись.

Григорий смотрел вслед женщине. Видел, как она перед тем, как зайти в ресторан, помахала рукой.

О вы, надеждой побеждённые,
желанья затаив на встречу,
на эшафоты обречённые,
шагнув в неведомую сечу.

Никто не вскрикнет ни от боли,
ни от восторга и конца,
ни от постигнутой их доли,
ни от тернового венца.

Любовь даётся безутешным
и тем кто был обласкан ею.
Она пронзает сердце грешным,
и тех, кто был в обнимку с нею.

Душа надеждой постижима
и обмануть её нельзя.
Сорвётся в бездну ли прижима,
иль будет мучиться скользя.

Посвящается памяти Галины Евгеньевны Шумаковой, ценой жизни бросившей вызов безразличию, лицемерию и ханжеству в науке

Где глупость — образец, там разум — безумие
И. В. Гёте

Болото и лотос...

В буддизме лотос является традиционным символом чистоты. Он рождается в мутной болотной воде, однако появляется на свет незапятнанным и чистым и... умирает таковым...

Вагон тронулся. Зимин повернул голову к окну. За окном, ускоряя шаг за уходящим поездом, шла Анна Савельевна. Её тонкая фигура источенная болезнью словно сопротивлялась движению. Придерживая сумочку левой рукой, правой махала вслед набирающему скорость поезду. Наконец она начала отставать от вагона и окна, в которое смотрел Геннадий Николаевич, но продолжала махать рукой, пока не исчезла из его поля зрения.

«Странно... Она никогда так не прощалась со мной... Просто, заметив, когда я заходил в вагон, обычно спокойно уходила прочь навстречу своим неотложным делам. А теперь женщина словно *прощалась со мной*».

Зимин приподнялся от сидения и выглянул в открытое окно. Анна Савельевна, прислонившись к фонарному столбу, кажется потеряла силы, но всё ещё продолжала махать рукой вслед уходящему поезду. Но взмахи были редкими и какими-то укороченными, почти бессознательными. Во всей фигуре женщины виделась ему не только и не столько усталость, а какая-то безысходность.

Такой и запомнилась ему Анна Савельевна. Одинокой и отставшей от ускользающего от неё времени и жизни... И в сознании Зимина неожиданно начали возникать картины совсем не далёкого прошлого.

- Геннадий Николаевич! К вам здесь пришла какая-то женщина. Хочет поговорить с вами, - сообщила в телефонную трубку методист кафедры.

- Хорошо! Пусть заходит. Правда, у меня почти нет времени. Вот-вот начнётся конференция...

В кабинет вошла красивая женщина. В руке у неё был какой-то большой пакет. Через плечо перекинута сумочка. И пакет и сумочка диссонировали с прекрасно ухоженной фигурой. Тёмные волосы ниспадали на грудь и, кажется, постоянно мешали ей в общении. Вот и сейчас она привычным кивком головы отбросила их в сторону и посмотрела большими чёрными глазами на Зимина.

- Проходите, пожалуйста! Присаживайтесь...

- Анна Савельевна Чижова, - подала руку вошедшая.

- Очень приятно! - Пожал руку Зимин. - Геннадий Николаевич.

Женщина присела на край стула, поставила на пол пакет, а сумочку положила на колени.

- Я из Мелиоративной академии Новочеркаска. Пришла к вам посоветоваться по поводу темы моей будущей докторской диссертации.

- Простите! Вы занимаетесь сельским хозяйством? Но ведь я геохимик!

- Я в курсе дела. Но вы признанный специалист в геохимии. А у меня как раз тема диссертации связана с биогеохимическими аспектами миграции тяжелых металлов в разных средах: естественной и антропогенной, почве, водной среде, атмосферном воздухе, в различных частях растений.

- И чем я буду вам полезен?

- Я бы хотела, чтобы вы были моим научным консультантом докторской диссертации.

Зимин внимательно посмотрел на женщину.

- Выходит вас интересует проблема миграции тяжелых металлов в агроэкосистемах?

- Не только. Я занимаюсь также проблемами влияния лесных насаждений на загрязнение агрокультур в придорожных агроэкосистемах, влияние тяжелых металлов на качество сельхозпродукции. В этом смысле хочу разобраться в причинах накопления и рассеяния тяжелых металлов в разных условиях выращивания агрокультур.

- Стало быть у вас тема ближе к междисциплинарному направлению. Это современно. Об этом галдят уже на каждом перекрёстке научной и образовательной мысли. Только мало кто рискует погрузиться в эту самую междисциплинарность, поскольку она требует

не шапочного знакомства с теми направлениями науки, с какими сталкивается научная мысль автора. А это, в свою очередь, приведёт в будущем к большим трудностям при прохождении самой процедуры защиты диссертации, поскольку узкая специализация ученых советов в современной России иногда практически закрывает дорогу междисциплинарному направлению исследований. Хотя, ещё раз подчёркиваю, у нас много говорят о такой необходимости. И чтобы не рассматривать материал и глубину ваших изысканий вам могут просто-напросто ответить, что ваша диссертация не соответствует специальности учёного совета. И вы будете бегать из одного совета в другой, а ответ будет одинаковым. Не соответствует!

- Я понимаю это. Но мне интересен мой выбор.

Зимин снова внимательно посмотрел на женщину и заключил.

- Хорошо. Я подумаю. Но вы прежде должны показать мне ваши наработки, публикации и фактуру, на которой будут построены ваши исследования. А сейчас, извините, мне необходимо идти на конференцию...

- Материалы здесь. Вот в этом пакете... - И женщина поставила его перед профессором. - Здесь же тексты и список моих публикаций.

Зимин удивился такой готовности женщины вести конкретный разговор. Обычно соискатели, с которыми он до этого работал, к первому разговору по вопросу выбора научного руководителя или научного консультанта приходили не то, что с пустыми руками, но у них, как правило с собой были в лучшем случае только опубликованные работы, а в худшем — ничего. Здесь же соискатель была готова к немедленному разговору о сущности предлагаемой к защите диссертации.

- Договорились. Я посмотрю ваши материалы и сообщу вам о том, готов ли я быть вашим научным консультантом или нет. Оставьте, пожалуйста, ваши координаты.

Женщина извлекла из сумочки сложенный вдвое лист бумаги и положила перед профессором. На нём были необходимые координаты о соискателе: место работы, занимаемая должность, рабочий и сотовый телефоны.

Зимин улыбнулся.

- Вы хорошо подготовились к первой встрече...

- Просто я к вам не первому обращаюсь. Уже есть кое-какой опыт.

- И что? Получали отказ?

- Не совсем... Просто все аргументировали тем же, что и вы. Мол, не по теме совета мои исследования... И мне нужно искать другой. Но где найти такой совет, который бы определил значимость моих междисциплинарных исследований?...

Зимин улыбнулся.

- Значит междисциплинарность ваших исследований их не заинтересовала?

- Выходит...

- Ну что ж, это следовало ожидать в сложившейся ситуации создания узкоспециализированных научных советов. А пока..., пока до свидания. - Зимин пожал ей руку и проводил до двери.

Когда женщина вышла из кабинета, Зимин только тогда осознал, какая дьявольская работа вдруг может свалиться на его несчастную голову вечно занятого человека. Помимо преподавательской и научной деятельности он ежегодно уезжал в экспедицию. И научился так прессовать время, что его едва хватало на личную жизнь. Он был не просто трудоголиком, он погряз в такую занятость, что иногда сам удивлялся тому, каким образом ему удавалось всегда вляпаться в очередную историю тянуть новую ляжку, где он обязательно должен не просто работать, а пахать... И готовясь к выступлению на очередной конференции, он уже про себя жалел, что так начался этот день, что на него свалилась новая обязанность что-то смотреть, во что-то вникать.

«Ничего... Красивые дамы вряд ли обременяются хорошими идеями и необходимостью решать сложные научные проблемы на основе хорошей фактуры. Скорее у неё в папках ничего конкретного нет. Стало быть у меня будет весомое основание отказаться от необходимости вести её работу до состояния защиты», - устало размышлял Зимин.

И он уже думал, что так оно и будет. Но когда на следующий день его взгляд упал на внушительный пакет на столе, оставленный диссертанткой, он нехотя начал вытаскивать папки, из них изданные статьи и фактический материал...

Первое, что его поразило, это последовательность и системность собранного фактического материала и публикаций соискателя. Это давало возможность без особого труда быстро вникнуть в содержание предстоящей работы, понять её идею и новизну.

Материал на самом деле оказался внушительным. Главное заключалось в том, что несколько интересных идей явно уже

выдвигались самим соискателем и выстраивались в осознанную проблему анализа синергизма придорожных агроэкосистем женщиной, которую Зимин уже поторопился было отнести к тем, какие в науке максимум способны символически украшать когорту не вышколенных на вид самих учёных, чем рутинно двигать фундаментальную и прикладную науку, несущую для соискателя в России по большей части неустроенность быта, личной жизни и ещё многое другое, что делает жизнь короче. И эта извечная проблема доказывать себе самому и окружающим, что ты ещё что-то можешь кроме того, что уже успел сделать. А над твоими результатами исследований всегда какой-нибудь тихушник-инкогнито, обличённый званием эксперта или рецензента из научного издания, а то и профильного института, ничтоже сумняшеся ехидно вставляет только одно слово в рецензируемую статью: «неприемлемо!». Без усилий доказательства такой неприемлемости. И все твои помыслы и поиски разбиваются в трясину необходимости искать другие журналы и институты, доказывать, яриться или просто смириться с тем, что ты пока недоросль в науке. В конце концов бросить всё и заняться другим делом, думая только о хлебе насущном, а не о высоком предназначении науки познавать, исследовать и продвигать знание дальше или создавать вообще новое знание. Но на последнее готовы только гении. Наука благоволит только к творческим людям, способным до самоотречения от насущных потребностей человека жить с ней, в ней и ради неё.

Зимин же относился к другой категории учёных. В соискателях научных степеней, жаждущих получить его имя в качестве научного руководителя или консультанта, он, во-первых, стремился сразу распознать случайные это люди в науке или жаждущие заниматься ею и видеть в ней смысл своей жизни. Во-вторых, его интересовало вначале всегда то, что соискатель мог знать о предстоящей проблеме. Наконец, в-третьих, наличие у соискателя определённого теоретического или практического задела. Это он относил к мировоззрению в той области, к какой соискатель прикоснулся.

По отношению к тем, кто нуждался в отзывах или рецензиях на научные материалы, проекты он никогда не давал отрицательных отзывов. И если он сомневался в научности предложенного к отзыву или рецензии материалу, то просто мягко отказывался делать заключение о представленной работе с формулировкой, которая иногда озадачивала редакторов научных изданий или научных советов в принятии окончательного решения: «это не мой профиль», «в этом что-то есть, но лежит в области только рассуждений», «материал или проект интересен, но слабо обоснованы выводы и в этом смысле конкретное суждение о материале не может быть дано», «трудно говорить о новизне материала исследований в той области, которой я владею» и т. д. И

когда однажды его коллега заметил ему, что, мол, не может быть в науке неопределённости и всегда необходимо давать заключение по существу представленного материала «да» или «нет» в рамках своей компетенции.

Зимин загадочно посмотрел на него и, как бы размышляя с самим собой, ответил:

«В истории науки, дорогой коллега, было немало случаев, когда говорили «нет» открытию и наука либо теряла выдающегося учёного, признанного только после его смерти, либо учёный от безысходности неприятия истины, кончал с жизнью. Положительное заключение полезно всегда и для учёного и науки в целом. Даже если работа или представленный на отзыв, рецензию, материал, проект в целом содержит какие-то изъяны. Последние могут быть устранены в процессе доработки материала. А вот отрицательное заключение полностью отшибает возможность автору или коллективу авторов исследовать проблему дальше. Это пощёчена им, на которую они не могут ответить, особенно, если рецензент инкогнито или обременён званиями и положением в науке и обществе. К тому же творческие люди слишком ранимы и наука может оттолкнуть от неё возможных гениев, опережающих время. И ты, дорогой коллега, также не можешь обладать абсолютной истиной и предвидеть в рецензируемом труде ту изюминку, которая может оказаться прорывной в научном направлении и технологиях. И я в рецензируемых мною работах больше всего боюсь не заметить эту изюминку и не дать возможность ей прорасти в открытие».

Зимин набрал номер телефона Чижовой. Она словно ждала этот звонок.

- Я бегло ознакомился с вашими материалами и думаю..., - здесь непроизвольно у него возникла пауза, - думаю, что я смогу быть вашим научным консультантом. У вас есть идеи и проблема, над которой вы, как я понял, работаете давно. Но ваши идеи находятся на стыке агрохимии, биогеохимии, геохимии, сельского хозяйства, лесной мелиорации и т.д. То есть работа ваша носит явно междисциплинарный характер. Но такие диссертации, повторяюсь, защищать нелегко. Всегда найдутся оппоненты, которые на стыках научных дисциплин найдут бреши и от них трудно будет избавиться.

В ответ вначале Зимин услышал глубокий выдох и только потом Анна Савельевна произнесла:

- Спасибо... Я не надеялась, что вы согласитесь.

- Почему?

- Вы же известный специалист в своей области и связываться с темой в области сельскохозяйственных науки могло показаться вам слишком мелким занятием...

- Но если вы, кандидат сельскохозяйственных наук, решили, что в сельском хозяйстве науки меньше, чем в геохимии, тогда зачем вы пошли вообще в науку?

- Простите, не так мысль хотела выразить. Просто иногда на нас, занимающихся сельскохозяйственными проблемами, естественники смотрят как бы свысока... Ну что, мол, за учёные, если они занимаются хлебом насущным...

- И вы поторопились меня отнести к таким учёным?

- Я обращалась к подобным специалистам, как вы, но один из тех, к кому обращалась, так и ответил: «Не хватало мне заниматься тыквами, томатами, зерном, кабачками, лесополосами, автомагистралями. Ищите спецов в своей области... Ничем помочь не могу...». Даже не посмотрел мои материалы и не ознакомился с опубликованными работами.

- Так и сказал?!

- Так и сказал.

- Как видите, я не так думаю. Вы, как я понял, докторант первого года. У вас ещё достаточно много времени. Но оно течёт очень быстро. Поэтому надо немедленно сориентироваться не только с точной темой диссертации, но и наметить конкретные шаги в направлении реализации ваших идей в предстоящих публикациях в авторитетных изданиях. Как будете готовы к очередной встрече, позвоните. Хорошо?

- Спасибо!

- Всего доброго! Успехов. И ещё вот что... Здесь на полях ваших публикаций я оставил некоторые замечания по поводу ваших предварительных выводов, вы к ним отнеситесь, пожалуйста, творчески. Не торопитесь сразу и всё переделывать сообразно им.

- Хорошо. Спасибо!

В следующее посещение Чижовой Геннадий Николаевич наметил общую программу исследований диссертанта и предложил ей выполнить комплекс современных аналитических исследований. При этом непременно в ведущих лабораториях страны.

Анна Савельевна просмотрела длинный список разных видов анализов. Её взгляд потускнел.

- Что-то не так? - спросил Зимин.

- Всё так. Но это очень дорого мне обойдётся.

- Простите, вы же докторант института?

- Институт оплачивать не будет ни одного анализа. Это одно из условий, чтобы я осталась в докторантуре. А здесь вы наметили их сотни...

- Что значит не будет оплачивать? К тому же не понятно, причем здесь какие-то условия?! Вы докторант видного института и ваше заведение просто обязано с утверждением вашей темы диссертации учёным советом определить минимум необходимых средств для выполнения аналитических исследований... У вас работа в основе своей экспериментальная, а не теоретическая.

И здесь докторант поведала Зимину то, отчего научному консультанту стало не то что не по себе. Он просто уже опять жалел, что связался с необходимостью быть научным консультантом диссертантки, направление исследования которой экспериментально не поддерживалось родным институтом.

Чижова говорила тихо и как-то отрешенно, словно рассказывала не о себе, а о ком-то другом.

- Понимаете, когда я почти двадцать лет назад успешно защитила кандидатскую диссертацию, я уже тогда поняла, что идеи, заложенные в ней выдвигали на передний план исследований проблему экологичности придорожных агроэкосистем в условиях развивающегося дорожного строительства и безопасных технологий выращивания агрокультур. Но для этого необходимо было исследовать агроэкосистемы с позиции синергизма. То есть влияния широкого спектра управляющих параметров, которые определяли их состояние в условиях сложного влияния обменных процессов на выращиваемую селхозпродукцию. Другими словами явно назрела необходимость междисциплинарного подхода к изучению придорожных ландшафтов на агроэкосистемы. Я публично начала говорить о необходимости междисциплинарного исследования в том числе проблем агролесомелиорации. Но не только не нашла поддержки, мне руководство института дало понять, что того, чего я добилась в науке, намекая на защищённую мною кандидатскую диссертацию, вполне хватит для такой женщины как вы...

- Что имело ввиду руководство? - задал вопрос Зимин.

- Во-первых, как мне али откровенно понять — не высовываться. Во-вторых, почему-то сложилось обо мне мнение, как о человеке достигшем того максимума, что определяло необходимость пребывания в институте не более, чем в ранге доцента... А защита докторской

диссертации навязывала руководству необходимость иметь новые ставки, которые в создавшихся условиях реформирования науки должны были обраться затратами, которых в институте не было. Наконец, в-третьих, мне прямо указали на то, что с выходом на пенсию через три года я не могу рассчитывать даже на прежнее место работы.

- Так и сказали?

- И не только мне... Пошла волна укрупнения ВУЗов... А вы знаете, это один из способов сокращения малоперспективных направлений. Само же решение о перспективности направлений не обсуждалось ни с кем. Я начала сопротивляться. Тогда мне откровенно предложили альтернативу: «Если вы так уверены в своих изысках, мы вас увольняем с работы с предоставлением возможности поступить в докторантуру. Благо место пока ещё не занято. Думайте».

Такое место в институте действительно было. Терять место работы не хотелось. А мизерная стипендия докторанта мне позволяла хоть как-то сводить концы с концами и выкраивать деньги на налитику. Дальше директор прямо намекал на то, что когда я закончу докторантуру и не представлю докторскую диссертацию, моё пребывание в институте будет вообще невозможным, как не оправдавшей надежды института.

Я поняла, что в моё направление исследований не только никто не верил, но все были убеждены в том, что я просто не способна за три года представить законченный труд, хотя наработок было немало. А выделенное для меня место в докторантуре без права преподавания администрация института рассматривала как способ оттягивания сроков окончательного моего увольнения.

Думала об этом недолго. Согласилась. Почему-то во мне родилась уверенность в том, что я наконец на скудные средства докторанта смогу не только полностью погрузиться в свою работу, но и доказать, что я ещё что-то в науке смогу сделать вопреки сложившим обстоятельствам, поскольку, как мне казалось теперь, всё зависело только от меня. Другими словами я приняла на себя все вызовы.

Женщина внимательно посмотрела на Зимина и продолжила.

- ...Но проблемы множились. Они обострились, как только я предложила тему диссертации на учёном совете. Именно тогда я почувствовала вокруг себя тот вакуум в институте, который обрекал меня на необходимость в одиночестве бороться за то, чтобы заниматься своей проблемой. Никто в институте не хотел становиться моим научным консультантом, оглядываясь на мнение директора. Члены учёного совета прямо указывали на то, что такая тема не для меня. Мол, такие темы разрабатывают серьёзные научные коллективы, а не

одиночки и притом с таким незначительным багажом знаний, какими я обладала... Одним словом мне определили моё стойло...

...Тогда я решила найти научного консультанта со стороны. Мне не препятствовали. Но когда я с вашего согласия предложила вас для утверждения на учёном совете, совет буквально загудел. Некоторые откровенно говорили, что кандидатура не только не в тему диссертации, но и что консультант по специальности не доктор сельскохозяйственных наук. Другие настоятельно рекомендовали найти научного консультанта со среды института, но, опять-таки, никто не соглашался.

Черту подвёл председатель совета, директор института Горлов. Он буквально сказал следующее: «Идея докторской эфемерна. Как учёный Чижова ещё не состоялась, хотя и обременена кандидатской степенью, а на место докторантуры больше никто не претендует. Терять же это место не хочется. Потом не дадут такой возможности. Поэтому пусть побарахтается в избранном направлении темы будущей диссертации со своим «варягом», а там посмотрим»... Так что тему всё-таки утвердили.

Зимин рассмеялся.

- Стало быть я настоящий варяг...

Анна Савельевна продолжала.

- После заседания учёного совета я попросилась на приём к директору. Он откровенно удивился моей настойчивости и даже не пригласив сесть, на мой вопрос, почему он, как председатель учёного совета, оценил мою неспособность заниматься наукой, ответил: «Неужели до вас не дошло Анна Савельевна?! Я с вами распрощался задолго до этого заседания учёного совета. В связи с укрупнением образовательной и научно-исследовательской базы мы освобождаемся от балласта в науке»...

Чижова вздохнула и снова продолжила.

- Перед тем как покинуть кабинет я сказала, что для экспериментальной базы мне понадобится помощь института хотя бы в том, чтобы профинансировать часть предстоящих дорогостоящих анализов. Он ответил так: «Нет уж. Выкручивайтесь сами! Вы хотели докторантуру — пожалуйста! Но деньги у института на ваши сомнительные вирши не предусмотрены. До свидания!».

Неделю я не могла прийти в себя. Хотелось всё бросить. Начала собирать архив, чтобы уничтожить всё, забыть о науке и искать себе новую работу. Не уничтожила. Осталась в докторантуре. Решила доказать самой себе: что смогу, то смогу. А там будь что будет. Даже успокоилась.

Выслушав Чижову, Зимин откинулся на спинку стула. Постучал по столу пальцем руки.

- Анна Савельевна! Я не понимаю, как вы будете идти к своей цели в окружении таких проблем. Поймите! Защита своих идей у нас в стране по большей степени связана не столько с отстаиванием интересов науки, сколько представляет собой огромную рутинную бюрократически процедурную проблему. А в этой процедуре главный ваш оппонент по обстоятельствам оказался именно ваш родной институт. Да он никогда не выпустит вас за порог! Тем не менее вы настойчиво бросаете вызов целому институту, хотите сразаться с «ветряными мельницами» без средств существования, включая средств на экспериментальную базу своих исследований...

- Я ни с кем не намерена сразаться, Геннадий Николаевич. Просто я хочу в сложившихся обстоятельствах доказать, прежде всего, самой себе, что я смогу довести исследование до конца и выйти на защиту своих идей.

Зимин встал со стула. Прошёлся между столами...

- Вы можете отказаться от консультирования, Геннадий Николаевич. Я не обижусь. Правда! Погружать вас в такую историю..., - несмотря в сторону Чижова произнесла Анна Савельевна.

- А вы ещё и язва! - Обернулся к ней Зимин. - Или вы думаете вокруг вас одни только чурбаны и недоросли в науке, что ли? - Зимин снова сел за стол.

- Очень хорошо, что вы всё откровенно рассказали мне. Будем работать! К тому же ваша проблема интересна и мне. У нас с вами пересекаются несколько идей. Вы вышли на системный подход, связанный с оценкой миграции химических элементов в направлении от минерального состава почвы, водорастворимых соединений в ней в разные части растений и в зависимости от качества меняющейся среды. Меня же интересует сам процесс миграции элементов в живом веществе. Так что я не только не отказываюсь вас консультировать, но и надеюсь на наше сотрудничество... А насчёт аналитики подумаем. Найдём заинтересованные стороны. А вот вызов, который вы приняли на себя со стороны ваших коллег, это серьёзно. Он потребует от вас много моральных и физических усилий...

Зимин удивлялся работоспособности своей подопечной. Он даже иногда не понимал, где она находит столько времени, чтобы не только в намеченные сроки завершать полевые исследования, пробивать аналитику за свои деньги, обрабатывать материал, ездить по

конференциям опять-таки за свой счёт и докладывать полученные результаты. И на вопрос, «Когда вы это всё успеваете?», Анна Савельевна с улыбкой отвечала: «Мне интересно жить...». И если бы Геннадий Николаевич в то время мог понять всю скрытую глубину подобного ответа на его вопрос, может быть он бы ускорил процедуру подготовки внушительного материала её исследований к защите диссертации. Но ему непременно хотелось довести работу до такого состояния, когда бы она сама поняла сущность значимого, что делала. Он понимал, что за этим ею может быть сделано то, что не смогли сделать отдельные направления деятельности целых институтов, занимающихся подобным направлением исследования агроэкосистем.

Время шло. И Анна Савельевна при встрече в его кабинете напомнила:

- У меня заканчивается докторантура через полгода.

- Ну что же, вы собрали необходимый материал, у вас достаточно публикаций, чтобы начать процедуру подготовки к защите диссертации. У вас есть две монографии. Это хорошо. По-моему надо приступить к реализации структуры вашей диссертации. То есть начинать работу над её текстом.

Анна Савельевна неожиданно открыла целлофановый пакет и извлекла из него рукопись.

- Что это? - Спросил Зимин.

- А это мой черновой вариант диссертации в рамках тех положений, которые мы не раз обсуждали с вами. К тому же вот текст нашей с вами статьи, опубликованной в Докладах академии наук.

- Поздравляю вас с таким признанием ваших исследований, - сказал профессор, - внимательно рассматривая свежий номер престижного журнала. Потом он взял черновик диссертации и уже серьёзно заметил:

- Вы не щадите себя, Анна Савельевна! До окончания аспирантуры ещё полгода, а вы...

- Мне надо спешить, Геннадий Николаевич.

И Анна Савельевна потупила взгляд. Только сейчас Зимин заметил, как изменились её черты лица за полтора года. Да, оно выглядело по-прежнему привлекательным, но очень уставшим. А эти синие круги под глазами выдавали уже то, что у Анны Савельевны возникли проблемы со здоровьем.

- Вам нужно непременно сбавить темпы вашей работы, Анна Савельевна. Вам, в конце концов, необходимо отдохнуть. У вас ещё

столько времени. А сама процедура рассмотрения диссертации, её защита отнимает обычно очень много сил.

- У меня нет времени, - вздохнула Анна Савельевна.

- А что случилось?

- Я не хотела вам говорить, но у меня возникли проблемы со здоровьем. Большие проблемы. Мне надо спешить... Я могу не успеть..., - и она устало потёрла глаза.

- Что значит, что вы не сможете успеть?

- Разное бывает, Геннадий Николаевич, когда заболеешь...

Зимин смотрел на женщину и вновь поразился её стоическому желанию закончить труд, несмотря ни на что.

- Хорошо! Я познакомлюсь с текстом написанным вами и как только просмотрю, позвоню вам. Но вы всё-таки поберегите себя, Анна Савельевна. А в связи с ухудшением здоровья попытайтесь довести до руководства, что вы готовы досрочно представить диссертацию учёному совету.

- Я уже пыталась это сделать?

- И что?

- Мне мотивировали отказ тем, что ещё не закончилась моя докторантура. И если я буду спешить, то у меня возникнут проблемы допуска к защите диссертации.

- Странная позиция вашего руководства, не предусматривающая досрочного выполнения программы докторантуры. Это равносильно тому, что по процедуре время не наступило ещё делать науку? Пусть, мол, она подождёт... Ну да ладно. Давайте так сделаем. Я посмотрю вашу работу, а в оставшееся время дайте мне слово, что займётесь своим здоровьем.

- Спасибо, Геннадий Николаевич! Постараюсь.

Зимин отложил свои срочные дела и несколько дней тщательно изучал труд Чижовой. Делал пометки в тексте. И когда закончил вечером позвонил Чижовой.

- Анна Савельевна! Я посмотрел вашу работу. Небольшая правка и вы можете считать, что ваша диссертация может пройти апробацию в процедуре предзащиты на учёном совете вашего института. Что с вами? Вы плачете?

- Да..., простите! Но это от радости, Геннадий Николаевич!

- Нельзя так сильно реагировать даже на положительные эмоции, Анна Савельевна. И держите, пожалуйста, меня в курсе дела всего, что происходит у вас там на пути к представлению материалов учёному совету. Хорошо?

- Спасибо! Непременно.

Голос Анны Савельевны был не только радостным, но и бодрым. И спрашивать о состоянии здоровья подопечной Зимину показалось неудобным.

В текучке разных дел Зимин на какое-то время отстранился от проблем своей диссертантки. Но поздний вечерний звонок Чижовой заставил его отложить дела и выехать в Новочеркасск, где работала Анна Савельевна. Ей на кафедре неожиданно назначили «смотрины» по результатам прохождения докторантуры с предоставлением наработанных ею материалов докторской диссертации. При этом обязали присутствие научного консультанта. Обычно такая процедура не предусматривала на этапе «смотрин» его присутствие, но памятуя о том, какие отношения складывались в институте относительно соискателя, Зимин решил поддержать Чижову не только своим присутствием, но и желанием представить её работу, как законченное исследование с необходимой заявкой процедуры рекомендации диссертации к защите на учёном совете.

Чижова встретила своего научного консультанта у входа в институт. Вид Чижовой был болезненно усталым. К тому же она явно волновалась.

- А что вы так волнуетесь, Анна Савельевна? Это ещё не предзащита, а кафедральные «смотрины». Помните, что кроме вас никто так не владеет материалом исследований, как вы. Кстати, кто-нибудь знаком с текстом работы и основными её идеями, защищаемыми положениями?

- Только заведующий кафедрой. Но он просто пролистал работу, не более того.

- Ну это уже хорошо. К тому же он должен быть явно заинтересованным лицом о мягком прохождении этой процедуры, поскольку вы его докторант, а это заслуга кафедры, поскольку вы заканчиваете докторантуру с представлением диссертации.

- Но только не у нас, Геннадий Николаевич...,- грустно заметила Анна Савельевна.

- Возможно вы преувеличиваете всё. И тем не менее хорошо, что я буду рядом с вами. Не волнуйтесь, пожалуйста, всё должно пройти дежурно. У вас есть что показать и что доказать коллегам.

Состав кафедры был небольшим. Да и её заведующий не обозначил того, сколько вообще по процедуре должно было присутствовать.

Около десятка преподавателей, доцентов и трёх докторов наук слушали выступление Чижовой. Она продемонстрировала многочисленные слайды, отражающие внушительную фактуру, положенную в основу диссертационного исследования, но презентацию немного затянула в связи с тем, что неожиданно завис компьютер и ей пришлось отвлекаться на некоторые пояснения.

Зимин обратил внимание на то, что присутствующих работа не волновала. Некоторые откровенно чем-то занимались или тихо переговаривались между собой. Когда же перешли к вопросам, то оказалось, большая часть из присутствующих задавала их не по существу работы, а как по заученному — по не соответствию диссертации научной специальности, по которой она хотела защищаться.

Перед дискуссией предоставили слово Зимину, как научному консультанту соискателя учёной степени. Он был краток, но выделил главные положения междисциплинарного исследования докторанта, в результате которого соискателю удалось решить важные проблемы в биогеохимии и миграции тяжелых металлов в разных средах и сделать существенные открытия, касающиеся причин их поведения в разных агрокультурах в течение их вегетации. В конце выступления заключил, что работа представляет собой законченное научное исследование, соответствующее требованиям ВАК по защите докторских диссертаций и может быть рекомендована к процедуре рассмотрения её на учёном совете института.

Зимину казалось, что последующие выступления будут касаться существа положений диссертации, но он ошибся. Двое выступивших опять-таки касались того, что тема диссертации на их взгляд, не представляя никаких аргументов, не соответствует специальности учёного совета по защите докторской диссертации. Лишь завкафедрой попытался рассмотреть существо представленной работы, но выразил ту же мысль, что диссертация хотя и интересна, многопланова, но не совсем соответствует научной специальности совета. Поэтому предложил вообще поменять тему диссертации и отнести её к сугубо экологическим проблемам. А, мол, «так называемые открытия Чижовой» пусть будут выглядеть «вишенкой» в защищаемых положениях автора.

- На мой взгляд диссертация не может рассматриваться как некий торт, в котором есть съедобная часть и ягода, которая его украшает, - бросил реплику Зимин. - И тут же неожиданно задал вопрос, обращенный скорее заведующему кафедрой. - Мне не совсем понятна сама процедура рассмотрения существа вопроса. По существующим процедурным положениям решение кафедры должно касаться только вывода о том, что диссертант закончил докторантуру с представлением диссертации по теме, которая была утверждена учёным советом института. И всё! Тему менять может только учёный совет.

- Мы знаем это, - отозвался завкафедрой. - И соответствующий протокол представим учёному совету. Но мне кажется, что диссертация требует доработки в рамках выделения только тех аспектов, которые касаются профиля и направления деятельности нашего института. Остальное же в принципе не имеет никакого значения. Междисциплинарность — хорошо. Но ВАК, как вы знаете, рассматривает диссертации исключительно в рамках соответствия их научной специальности совета.

- Это заблуждение. Современные научные поиски связаны с необходимостью интеграции науки. Об этом говорят и документы ВАК². А научная специальность советов — это только рамки их компетенций, в которых советы определяют научную новизну диссертаций. А ваше предложение возвращает представленное научное исследование к деталям, которые важны в науке, но не делают её современной. И тогда смысл, защищаемых положений диссертации изменится, - парировал Зимин. - Если вы порекомендуете выбросите из неё те междисциплинарные аспекты, которые рассматривает диссертант, и в которых новизна исследований граничит с открытиями в области миграции тяжелых металлов в агроэкосистеме в зависимости от разных причин, вы делаете работу никчёмной. На самом деле это пионерская работа!

Посыпались новые вопросы Чижовой и большей частью не по существу самой работы. Она на них отвечала сдержано, пытаясь акцентировать внимание только на существе целей, задач, новизны работы. Но её снова перебивали и задавали новые, не связанные с исследованием ею проблем взаимосвязи и взаимовлияния различных факторов на экологичность выращиваемой агропродукции в условиях лесомелиорации. Зимин не выдержал и задал новый вопрос:

- Простите! Существо задаваемых вопросов означает то, что задающие их коллеги не знакомы с текстом диссертации и не вникли в цели и задачи исследования...

² ВАК — высшая аттестационная комиссия.

- Это наше право!- Неожиданно воскликнула милостивая женщина, которая во время доклада Чижовой преимущественно шепотом беседовала со своим коллегой, явно демонстрируя пренебрежение к существу мероприятия, - и повернулась в сторону научного консультанта Чижовой. - У нас есть сомнения в том, что эти, так называемые открытия нашей коллеги, всего лишь желание ею их видеть. На самом деле наши исследования противоречат некоторым её выводам.

- Замечательно! Эта ваша точка зрения и вы на неё имеете право. - парировал Зимин. - И, пожалуйста, извините, но вы ничего конкретного не привели в части того, что именно противоречит вашим исследованиям, не сравнив хотя бы один противоречивый факт. Своё же отношение к представлениям своего коллеги в области существа её работы вы можете в последующем выразить отзывом или критическими замечаниями при рассмотрении представленной работы на заседании учёного совета Института.

- Выскажем, выскажем! Не беспокойтесь,- бросила коллега Чижовой.

И в этой реплике прозвучало искреннее желание и даже намерение показать своей коллеге не только её место на кафедре, от которой её практически отлучили на время докторантуры, но и всю бесперспективность дальнейшей процедуры по направлению к защите выстраданных научных положений.

Зимин перевёл глаза на Анну Савельевну. Выражение её лица неожиданно показалось ему скорбным. И когда их глаза встретились, Геннадий Николаевич покачал головой, давая понять, мол, не обращайтесь внимание.

«В условиях её болезни, как же ей трудно сейчас», - подумал Зимин.

Но это было ещё не всё. Взял слово ветеран кафедры и специалист в области мелиорации. Говорил пространно. Даже невнятно. И после выражения: «Хотя я не читал работу, но она, мне кажется, неприемлема по существу, поскольку в работе всё свалено в одну кучу и не поймёшь, причём здесь наукообразная биогеохимия, миграция элементов и прочее. А уж ко всему прислонять синергетику это просто желание в науке найти какую-то наукообразность», Зимин откровенно расмеялся.

Впереди сидящий среднего возраста мужчина слегка повернул голову к Зимину и тихо произнёс:

- Вот такие у нас ветераны... За плугом не видеть борозды.

- Странно здесь находиться, - ответил Геннадий Николаевич.

Завкафедрой, подводя итог рассмотрения материалов представленных Чижовой, всё же согласился с тем, что в протоколе заседания кафедры необходимо отметить: Чижова закончила докторантуру с представлением диссертации с оговорками, которые здесь прозвучали со стороны коллег. А уж что будет дальше, пусть решает учёный совет института.

«Удивительная позиция руководителя научного подразделения, который не только не поздравил свою подопечную с завершением докторантуры, и хотя бы постарался морально поддержать соискателя, но и заранее делает акцент на то, что, если совет и «разберётся», то в худшем случае такой «разбоки» кафедра своё слово сказала». - размышлял Зимин. - «Куда здесь до интеграции науки!? Здесь царит местечковое воззрение не только на науку, но это «кафедральное местечко» представляет собой ваятеля мировоззрения, в котором не существует окружающего мира, а тем более окружающей науки».

После окончания заседания, Зимин вышел прогуляться во двор института. Чижова осталась оформить протокол. Но через некоторое время она вышла к нему.

- Ну что, протокол оформили? Так что теперь готовимся к учёному совету? - Бодро произнёс Зимин.

- Нет. Зав кафедрой сказал, что должен посоветоваться с директором — председателем учёного совета — по поводу принятия решения по этой процедуре.

- Причём здесь директор? Завкафедрой сам вправе решать свою часть процедуры.

- Я же вам говорила, Геннадий Николаевич, у нас не всё так просто... А мне хочется только извиниться за некоторые сцены, которые вам пришлось наблюдать на нашей кафедре.

- Ну, бывает! Не придавайте всему значения,- бодрился Зимин. - Пройдёте учёный совет института, а там — прямой путь к защите. Не принимайте близко к сердцу происходящее. Как сказал мой коллега из Астрахани, работа над диссертацией это только один процент тех напряжений, которые переживает соискатель...

- Я могу не выдержать, - грустно сказала Анна Савельевна.

- Успокойтесь. Что вы?! Вы всё время держались молодцом! - Соврал Зимин - К тому же у меня возник даже зуд поддержать вас на всех перипетиях на пути к окончательной защите. Хотя я вам прямо скажу. В рамках такого подхода к собственным коллегам в коллективе кафедры я вслух сказал, что сюда я больше не ездук!

- «Карету мне, карету?!» - усмехнулась Анна Савельевна.

- Не договорил, - хмыкнул Зимин. - Но фразу услышал впереди сидящий коллега.

- А! Это сильный спец в почвах Юга России Провоторов Евгений Константинович. Ну помните, мы обсуждали ряд его работ по химии почв в условиях влияния на них антропогенных загрязнений. И что же он ответил?

- Да просто грустно процитировал Чацкого из «Горе от ума» Грибоедова: «Вон из Москвы! Сюда я больше не езду! Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок... Карету мне, карету!».

Чижова улынулась.

- Интересно, а та дама, которая на вас ополчилась и пообещала вам высказать всё о том, что думает о ваших исследованиях, противоречащих её наработкам?

- А-а! Это доктор наук Миланова. Молодая жена нашего корифея Чепурнова, который в своё время был научным руководителем моей кандидатской диссертации.

- Стало быть семья... на кафедре. А почему вы не пригласили его поучаствовать в заседании кафедры?

- Я обращалась к нему. Он мягко отказался. Причём была у него какая-то странная мотивация, сущность которой я не поняла. Ну что-то в этом роде: мол, не хочу вам ничего плохого.

- Странно. Обычно учёные, которые выпускают в науку своих учеников заботятся о них, поддерживают или во всяком случае стараются помочь им.

- Опять повторяюсь. Но только не унас,- вздохнула Анна Савельевна.

- А тот, пожилой мужчина, простите, я расспрашиваю потому как никто не представлялся или не представлял завкафедрой в присутствии нового человека, я имею ввиду себя, как научного консультанта, который практически нёс какую-то чепуху.

- Он, в принципе, как у нас говорят, отработанный для науки материал. Ремнёв Василий Васильевич. Член-корреспондент. Его держат в институте практически из-за его титула. Он неплохой человек. Но, сами понимаете, возраст...

- Ладно, Анна Алексеевна. Будем идти к своей цели. Это хорошо, что мы всё это созерцали в начале защиты диссертации, а не в конце.

Таким образом, мы вооружены и очень должны быть опасны для тех, кто по каким-то странным и не совсем явным причинам сомневается в ваших исследованиях.

На третий день поздно вечером Зимину позвонила Анна Савельевна и сообщила, что сам директор до того, как передать документы по предзащите учёному совету, будет присутствовать на кафедре. При этом потребовал от меня, чтобы я, как на генеральной репетиции, «прогнала» весь материал снова на кафедре.

- Зачем?

- Помните о чём я когда-то говорила по отношению ко мне со стороны руководства? Теперь это вы увидите своими глазами, если сможете присутствовать на этом «спектакле».

- Не сгущайте краски, Анна Савельевна. Но тем не менее забудем по Чацкого. Я непременно приеду поддержать вас. Всё будет хорошо.

Через месяц к концу рабочего дня назначили новое заседание кафедры. Народу было на несколько человек больше прежнего, но долго не начинали слушать Чижову. Ждали директора Трешина Фёдора Федоровича.

Наконец он стремительно вошёл в аудиторию. Не здороваясь, оглядел всех. Сел за стол. Посмотрел в бумагу, где была обозначена повестка дня и сразу обрушился на Чижову, не назвав даже её имя.

- Как мы можем проводить такое мероприятие, когда всего столько народу? Где остальные специалисты? Где аспиранты института? Или всё это вам кажется для проформы? И что это за четыре плаката, которые вы тут развесили? Должно быть не менее сорока! Все стены должны быть завешаны ими.

- У меня основное содержание работы в компьютерной презентации,- взволнованно ответила ответила Анна Савельевна. - Она явно не ожидала такого начала процедуры предзащиты.

- Презентация презентацией, а плакатов должно быть очень много.

- Это очень большие затраты, Фёдор Фёдорович. Я не потяну их.

- Если вы вообще желаете защищаться так делайте всё для этого. Если не сможете сделать сами плакаты, я дам указание на то, чтобы вам помог институт. А с такой организацией предзащиты я останавливаю эту процедуру. Встретимся, когда вы выполните мои рекомендации. Всё! До свидания, коллеги.

- Простите! - Поднялся с места Зимин. - Но ведь по процедуре учёному совету достаточно иметь протокол заседания кафедры, где Чижова уже докладывала материал...

Его перебил Ремнёв:

- Мы не нуждаемся в ваших рекомендациях, коллега.

- Кто это? - спросил Трешин заведующего кафедрой, показывая пальцем на Зимина.

- Научный консультант Чижовой профессор Зимин.

- Ваша обязанность, коллега, консультировать вашу подопечную, но не влиять на процедуру принятия наших решений, - ответил Зимину директор. - Сами справимся с процедурой. Всего доброго!

Такого Зимин вообще не ожидал, тем более в научной среде и от директора института. В практике этических норм обычно присутствие на защите докторской диссертации доктора наук и профессора другого научного учреждения в ранге научного руководителя или консультанта воспринималось, как одна из возможностей общения, уважение к коллегам, необходимость и возможность наладить новые контакты, обменяться научной информацией. Здесь же его присутствие на защите, несмотря на то, что об этом его попросила выпускающая кафедра, рассматривалось как вмешательство во внутренние дела процедуры принятия решений институтом в лице его директора.

Сидевший рядом почвовед Провоторов посмотрел на Зимина и тихо произнёс. «Горе от отсутствия ума!», - кивая в сторону уходящего из аудитории директора.

К Зимину подошёл завкафедрой.

- Геннадий Николаевич, не волнуйтесь! Всё будет нормально. Ну бывает, что начальство не в духу...

- Вы бы лучше, Андрей Миронович, успокоили Чижову, а не меня. Посмотрите на неё? Что же вы делаете со своими диссертантами?

Анна Савельевна молча собирала разложенный материал к защите. Выключила компьютер и присела к молчавшему научному консультанту.

- Простите, Геннадий Николаевич меня, что вовлекла вас в эту ситуацию. Вот такая у нас здесь жизнь. И больше я не буду этого делать. На следующую попытку представить свою работу я не стану вас приглашать. Простите пожалуйста. Они не только унижают меня, даже не знаю почему, но и вас. Простите!

- Нет уж! Дудки! Они по вам дальше топтаться будут, а вы будете это всё пропускать через себя? Я обязательно приеду и выступлю. Но моё выступление будет другим.

- Не делайте этого, прошу вас! Я тогда никогда не защищусь. Не успею...

- Анна Савельевна! Что для вас важнее? Защита учёной степени или здоровье? Может вам попросту нужно подлечиться и отдохнуть? Я вас предупреждал, что вести научную работу у нас легче, чем пройти эту глупую процедуру, когда желающих потоптаться на соискателе больше, чем тех, кто будет радоваться новизне его научных достижений.

- Я буду защищаться, Геннадий Николаевич! Буду. Мне это нужно, понимаете. В этом мой смысл на исходе моей жизни, - твёрдо и уверенно ответил Анна Савельевна.

- Не говорите так, Анна Савельевна! А коли так, то я с вами пройду этот путь, хотя буду себя чувствовать очень мерзко в этом околонуточном болоте. И всё-таки, есть какая-то глубинная причина того, что так с вами обращаются. В чём она?

- Не знаю, но догадываюсь... Просто меня долго выдавливали из института. Я вам об этом говорила. Но вот причина?... Хотя я и не уверена в этом... Когда вы первый раз приехали в институт я вам показала в коридоре портреты наших знаменитостей, стоявших у истоков института. Так вот основатель его мой прямой предок...

- Выходит месть потому что вы бывший его родственник? А он, это ваш прямой предок, может быть кому-то из них, которые при его жизни были ещё молодыми, насолил или приструнил по какой-то причине?

- Не исключаю... Но других поводов я не давала. Я была всегда смиренным исполнителем. Никуда и никогда не высывалась.

- Всё же странно то, что здесь происходит. Ну да ладно. Поживём — увидим.

Прошло три месяца и Чижова позвонила Зимину.

- Завтра в 11.30 будут меня слушать с приглашением всех сотрудников института, способных прийти на предзащиту. Приедете?

- Непременно буду. У меня просьба к вам. Никому ничего не доказывайте! Постарайтесь изложить материал так, словно перед вами абсолютно заинтересованные специалисты в ваших результатах. Единомышленники, понимаете? На вопросы отвечайте сдержанно. Это вы умеете делать. Только прошу вас, не пытайтесь ничего никому доказывать, отвечая на их вопросы, которые, возможно, будут, как я

понимаю из сложившейся ситуации, не по существу. Умные разберутся, а дурные поймут, что вы наступаете на их самолюбие.

- Я выполнила пожелание директора. И помимо компьютерной презентации 40 листов графического материала расположу в зале. Именно сорок.

Зимин засмеялся.

- Дурное пожелание может превратиться в благосклонность тех, кто пожелал подобную глупость, удовлетворившись непременным и безропотным её исполнением. Посмотрим. До завтра, Анна Савельевна!

Анна Савельевна встретила Зимина у дверей заполненного конференц-зала.

- Ого! Начальство будет довольно. Всех собрали?

- Всех заинтересованных, не заинтересованных и тех, кого заставили, - улыбнулась Чижова.

- А вы выглядите по-боевому. Это хорошо. Дайте я до начала пройду всё-таки по плакатам с таблицами и графиками.

Когда Зимин сел в переднем ряду, к нему подошёл завкафедрой и, наклонившись к нему, конфиденциально прошептал:

- Не беспокойтесь. Всё пройдет нормально, - и отошел на своё место.

«Странно. Чего это он? Или вся процедура до этого и сегодняшняя для Чижовой — это просто демонстрация? Тогда зачем эта клоунада ... Не понимаю» - успел подумать Зимин.

Директор опаздывал. А когда появился, почему-то занял место в зале и, обратившись к своему заместителю по науке, бросил:

- Начинайте!

Его заместитель объявил процедуру представления на рассмотрение собравшихся диссертацию Чижовой. При этом ничего не сообщили тем, кто впервые её слушает о причине и процедуре предзащиты, не была обозначена тема диссертации, над которой она работала, не представили присутствующих на защите и в том числе научного консультанта диссертационного исследования.

Учёный секретарь сказала дежурную фразу:

- Согласно процедуре Чижова предоставила все необходимые документы об окончании докторантуры. Собравшимся членам совета

института необходимо вынести решение о допуске к защите диссертации на учёном совете в Волгограде.

Анна Савельевна, оперируя данными компьютерной презентации, по ходу изложения материала несколько раз подходила к плакатам и делала пояснения. Хотя содержание таблиц и схем великолепно читались на экране презентации. Тем самым она демонстрировала директору выполнение его рекомендаций. Хотя сидящие в зале не могли различать содержание ни таблиц, ни схем.

Чижова выдержала время, необходимое для доклада, поблагодарила всех, кто принимал участие в прохождении ею докторантуры. Правда, без имён и фамилий, поскольку Зимин знал, что ей не только никто не помогал, не интересовался её исследованиями.

На многочисленные вопросы членами совета и присутствующими Анна Савельевна старалась отвечать кратко. Но её ответы неоднократно перебивали и она была вынуждена касаться деталей работы, что существенно затянуло предзащиту.

Наконец перед дискуссией председательствующий предоставил слово научному консультанту.

Когда Зимин вышел за кафедру из зала раздался голос:

- Представьтесь пожалуйста!

По процедуре предзащиты обычно председательствующий представляет учёному совету и присутствующим научного консультанта перед заседанием. Поскольку этого не произошло Зимин кратко представился.

- А почему научный консультант не доктор сельскохозяйственных наук? - Опять раздался голос из зала.

Зимин улыбнулся.

- Присутствующий видимо не достаточно внимательно слушал выступление Чижовой, которая обозначила тему диссертации как междисциплинарное исследование, касающееся проблем миграции элементов в агроэкосистемах. Именно этими проблемами я как раз и занимаюсь.

Далее Зимин подробно остановился на целях и задачах исследования диссертанта и той научной новизне, которая позволила соискателю сделать несколько важных открытий на стыке почвоведения, лесомелиорации, биогеохимии в части миграции тяжелых металлов в агрокультурах в течение всего вегетационного цикла и в разных условиях окружающей среды. Добавил, что Чижовой обоснована позиция возвращения части отчуждаемых сельскохозяйственных земель в

придорожных ландшафтах, считавшихся ранее непригодными к использованию по экологическим причинам. Отметил подвижничество диссертанта в науке, подчеркнув, что законченное ею исследование не финансировалось институтом, а вся фундаментальная аналитическая база, участие в научных конференциях, включая международные, публикация монографий и статей выполнены за свой счёт. А в заключении отметил, что институт может гордиться тем, что подобная работа завершена в стенах настоящего института и будет востребована научным сообществом в различных направлениях современной сельскохозяйственной науки.

Выступление члена-корреспондента Ремнёва развеселило зал, когда он оппонировал Чижовой и её научному консультанту:

- Во-первых, эка невидаль, диссертант вернула в сельскохозяйственный оборот 1,5% сельхозугодий в придорожных агроэкосистемах нашего региона! Да у нас в России столько не обрабатываемых и брошенных земель! А потраченные ею средства на доказательства того, что агрокультуры в придорожных ландшафтах экологически безопасны — зряшная затея. Для оценки экологичности культур в придорожных агроэкосистемах надо было просто крысам скормить часть урожая, и если они не подохнут, значит эти земли надо вернуть в оборот...

Выступление других членов совета мало касались существа и содержания диссертации без выводов о самом качестве, значении и новизне представленного совету исследования. Касались только необходимости уточнить соответствие научной специальности совету, в котором соискатель будет защищаться.

Выступление почвоведов Провоторова показалось Зимину ярким, по существу и по содержанию защищаемых положений. Выделив важность междисциплинарных исследований он заключил:

- Настало, наконец, время рассматривать агроэкосистемы в зависимости от многих факторов, которые исследуются разными направлениями современной науки. И диссертация Чижовой может являться образцом междисциплинарного подхода к их изучению. Я внимательно посмотрел таблицы, представленные соискателем и обнаружил фундаментальную закономерность, о которой автор говорит только вскользь. А именно, миграционные свойства элементов в течение вегетационного цикла не случайно образуют кластеры удивительно совпадающие с периодичностью свойств химических элементов в почвах, водорастворимых соединениях в них, в составе стеблей и плодов, а также в составе ядер семян зерновых и овощей. Другими словами Чижовой под руководством научного консультанта удалось найти главные причины поведения элементов в жизненном цикле на

разном уровне организации вещества. Такое в диссертациях не часто встретишь. Удивительная работа, которая непременно должна быть рекомендована к защите как законченное и весьма нетривиальное исследование, выполненное в нашем институте.

- А мне показалось, что диссертация не несёт той новизны, о которой здесь нам поведал известный наш почвовед. Бегло посмотрев содержание работы, мне показалось, что она рядовая и сермяжная, хотя и основана на огромном фактическом материале. Нам бы такие возможности..., - бросила с места реплику доктор наук Миланова.

- Если вам кажется, надо креститься! - парировал Провоторов, возвращавшийся на своё место. - В науке не приемлемы иносказания. И ваше поверхностное знакомство с диссертацией только подтверждает ваше поверхностное представление о её содержании.

- Прошу тишины! - Постучал ручкой по столу сидевший в зале директор. - Учёный совет разберётся в чём глубина диссертации, а в чём ряб на поверхности воды. Продолжаем.

Завкафедрой долго перебирал какие-то мелкие замечания, которые уже высказывал ранее, но ничего конкретного не рекомендовал, кроме неожиданного предложения изменить диссертанту тему диссертации под предлогом не соответствия её научной специальности совета в Волгограде. Правда, согласился с предложением Провоторова, что работа готова к тому, чтобы её рекомендовать к защите.

Директор, взяв слово для выступления, даже не встал со стула. И прямо с места опять начал ругать Чижову в том, что она слишком амбициозна, что, возможно, желаемое выдаёт за действительное. И никакого там открытия нет, хотя признался, что не так глубоко изучал содержание диссертации, как почвовед. Мол, может ему виднее. А в части практических рекомендаций сказал, что ему, директору, трудно что-либо сказать по этому поводу и отказался от своего заключения по поводу дальнейшей процедуры принятия решения учёным советом, сказав буквально следующее: «Как решит совет так и будет. Я не буду возражать». Встал и вышел из зала.

Чижова попросила заключительное слово. Она не остановилась ни на одном выступлении, а просто, обратившись к членам учёного совета попросила:

- Я очень прошу вас не менять мне тему диссертации. В ней выражена вся сущность системного подхода к объектам в рамках междисциплинарности их исследования. Я не хочу повторять массу частных исследований, которые исследуются у нас и за рубежом по поводу состояния и реакции агроэкосистем на разное состояние окружающей

среды, включая, сезонное влияние на них антропогенных и естественных факторов.

Зампред совета зачитал, видимо заранее подготовленный текст, решения, рекомендующего к защите диссертации с учётом высказанных пожеланий и рекомендаций.

Глаза Зимина и завкафедрой встретились. В глазах завкафедрой пряталась усмешка, которая воспринималась Геннадием Николаевичем не более как: «Я же вам говорил! Не следовало волноваться, коллега»...

«Зачем же вы так издевались над Чижовой?» - Мысленно ответил на его взгляд Зимин.

К Чижовой никто не подошёл и не поздравил её с завершением докторантуры и принятой к защите диссертации, включая завкафедрой, членов учёного совета. Никто не сказал тёплого слова, кроме почвенника и молодой особы. Последняя была ученица Чижовой, которая недавно защитила кандидатскую диссертацию под её научным руководством.

Процедура подготовки диссертации к представлению к защите на учёном совете в Волгограде явно затягивалась. Пошёл второй год, как соискатель билась в ворота учёного совета, предлагая ему рассмотреть материал, который она выстрадала. Учёный совет, в лице учёного секретаря, конкретно ничего не предлагал, апеллируя к необходимости выполнения процедуры знакомства с диссертацией экспертов и т. д. Чижова, несмотря на ухудшающееся состояние здоровья неоднократно приезжала в Волгоград, интересовалась. Ей обещали, но ничего не делали. Диссертация пылилась. Эксперты не шевелились. И на то была причина. Междисциплинарность не давала экспертам покоя. Несмотря на то, что один эксперт говорил, что работа инновационная, другой отметал это понятие, ссылаясь на узость научной специальности, по которой нельзя работу рассматривать на данном учёном совете. В конце-концов о диссертации вообще забыли. Соискатель уже не могла наведываться в Волгоград.

Наконец в Волгограде состоялось заседание учёного совета по процедуре принятия к защите диссертации на соискание учёной степени доктора сельскохозяйственных наук Чижовой.

- Тихо, товарищи! - Призывал успокоиться членов учёного совета председатель Серов Андрей Фёдорович. - На повестке дня у нас ещё один вопрос. О допуске к защите докторской диссертации Чижовой. Кстати, о апочему её нет?

- Она болеет,- ответила учёный секретарь, - и попросила рассмотреть её вопрос без неё.

- Ну тогда слово предоставляется учёному секретарю Зервас Ирине Нестеровне.

- У нас есть заключение Мелиоративного института о рекомендации к защите докторской диссертации по нашей специальности Чижовой А.С. и её заявление на имя нашего учёного совета с просьбой рассмотреть возможность защиты по нашей специальности. Все сопровождающие документы согласно требований высшей аттестационной комиссии (ВАК) представлены. Предварительные слушания по защите диссертации состоялись год назад под председательством заместителя председателя учёного совета нашего института Кучера Степан Романовича. Учёный совет рекомендовал доработать диссертацию согласно высказанных замечаний на основе двух отзывов. Основные замечания диссертантом были устранены 6 месяцев назад и диссертация в принципе готова к новому рассмотрению.

- А по существу, какие замечания были высказаны и почему содержание диссертации было рекомендовано к доработке,- спросил председатель учёного секретаря.

- Разрешите? -Взял слово заместитель председателя совета Кучер.

- Пожалуйста, Степан Романович!

- На мой взгляд она была, во-первых, «сырой». Во-вторых, носит междисциплинарный характер. Мне показалось, что в ней свалены в кучу проблемы, мало касающиеся направления работы нашего института, хотя материал очень насыщенный экспериментальными исследованиями...

- Подождите! - Прервал своего зама председатель совета. - Отнесение работы к категории «сырая» иногда воспринимается как нежелание экспертов глубоко разобраться в её содержании или навязать работе собственную редакцию. Что, работа не актуальна? В ней нет новизны? Какие замечания сделаны по существу защищаемых положений автора? И почему вдруг междисциплинарное исследование явилось основанием отклонения диссертации от защиты?

- Замечаний было много. Они обсуждались на предзащите в феврале этого года. В основном касались того, что представленная работа не совсем отвечает научной специальности нашего совета. А все мы знаем, как относится ВАК к таким проблемам при утверждении решения учёного совета о присуждении учёной степени доктора наук. И вообще, моё мнение таково, что не стоило бы подставлять наш учёный

совет тому, что ВАК может отклонить наше решение. Тогда проблем не оберёшься.

- И ваше мнение?- Спросил Серов.

- Отклонить защиту диссертации.

- Мотивация?

- Как несоответствующая научной специальности нашего совета.

- Хорошо! - Сказал председатель. - Послушаем остальных членов совета, ознакомившихся с существом защищаемых положений диссертации...

Сам Серов тщательно ознакомился с диссертацией Чижовой. Она поразила его не только глубиной исследования проблемы миграции тяжелых металлов в разных средах, большой современной аналитической базой, подтверждающей выдвинутые защищаемые положения автора. Но и ярко выраженной междисциплинарностью исследования, которое вписывалось в современные тенденции системного подхода к изучению агроэкосистем в условиях воздействия на их состояние различных факторов, которые сильно влияли на качество сельскохозяйственной продукции. При этом явно автором выделялся главный лесомелиоративный аспект, который определял существо специализации учёного совета по присуждению учёных степеней кандидата и доктора наук. И особых проблем вынесения решения о возможности принятия к защите представленной диссертации не просматривалось. Но слушая остальных членов совета, у Серова сложилось впечатление, что большинство из них либо не знакомились с текстом диссертации, либо изучали его поверхностно, либо находилось под влиянием новочеркасских специалистов, по каким-то причинам предвзято отнёсшимся к исследованию Чижовой.

Когда большая часть членов совета высказалась, председатель неожиданно задал вопрос:

- Поднимите, пожалуйста руку, кто скрупулёзно исследовал проблемы, обсуждаемые соискателем? То есть полностью знаком с текстом диссертации?... Итак — двое... Плохо.

Серов как-то устало потёр ладонью глаза. На какой-то миг даже кажется задумался о том высказывать или не высказывать свою точку зрения по существу. Потом неожиданно встал и попросил учёного секретаря вывести на экран название диссертации соискателя, защищаемые положения, а затем положения научной специальности, по которой совет должен принять или отклонить диссертацию соискателя.

- Коллеги! Мы в угоду узкоспециализированных советов, сегодня, кажется, потеряли главное направление современной науки — взаимосвязь и взаимозависимость разных её направлений, определяющих целостность изучения объекта исследований. Практика показывает, что на стыке различных направлений науки рождаются не только новые идеи, но и технологии практического использования её достижений.

Наш институт охватывает проблемы не только лесомелиорации, но главное — влияние её на состояние агроэкосистем. Однако это влияние связано со многими факторами, которые как раз рассматриваются в диссертации соискателя. Мало того, диссертант стоит на современных позициях системного анализа и синергетики. Делает весьма интересные выводы в части миграции тяжелых металлов в зависимости от сезонных явлений и в направлении: почва, водорастворимые соединения почвы, которые усваиваются агрокультурами, а также вскрывает механизм накопления и рассеяния тяжелых металлов от корневой системы в стеблях в плоды культур и ядра семян. При этом автором даётся оценка факторам влияния лесных полос на защиту агроэкосистем в условиях придорожного загрязнения. Таким образом, автор впервые на примере Юга России рассматривает агроэкосистему и определяют её состояние во всей совокупности обменных процессов, которые представляют сущность рассматриваемого ею синергизма. Не выпустить такую работу к защите означает, что институт и в дальнейшем будет концентрировать своё влияние на отдельных деталях, которые мы до сих пор рассматриваем вне позиции современных требований междисциплинарных исследований. К тому же специалист, который взялся консультировать настоящую работу полностью отвечает требованиям этой междисциплинарности в части решения проблем накопления и рассеяния тяжелых металлов в условиях сложнейших обменных процессов функционирования агроэкосистем и является известным специалистом в этой области и за рубежом. Принятие к защите этой работы позволит нашим коллегам шире рассматривать направление деятельности нашего института и находить в междисциплинарности новые идеи, которые позволят получать более высокие урожаи сельхозпродукции, соответствующей современным экологическим требованиям. Поэтому я выношу вопрос на голосование членов совета о возможности допуска диссертации к защите на нашем учёном совете.

Учёный секретарь совета подсчитала количество поддержавших предложения председателя.

- Две трети голосов набирается, Андрей Фёдорович.

- Хорошо! Начнём процедуру принятия к защите диссертации Чижовой Анны Савельевны. Сообщите соискателю сегодня же. Надо поддержать диссертанта ввиду её болезни.

- Геннадий Николаевич? Это Чижова. Я получила наконец сообщение об открытии процедуры защиты моей диссертации. То есть учёный совет принял к защите диссертацию!

- Поздравляю, Анна Савельевна! Вода камень точит. Вы этого добились. Хотя, как минимум, ещё год назад она бы состоялась. Но, сами знаете, бюрократические процедуры сегодня не стимулируют развитие нашей науки. Итак, когда вы едете ?

- Пока я в больнице...

- А что случилось?

- Плохо, Геннадий Николаевич... Главного мы добились с вами своего. Нас допустили к защите... Остальное уже не столь важно. Спасибо вам за всё...

- Держитесь, Анна Савельевна,- прокричал в трубку Зимин.

- Постараюсь, Геннадий Николаевич! О дальнейших моих шагах вам позвонит мой сын через неделю...

Через несколько дней сын Анны Савельевны сообщил о кончине матери. Для Зимина это был шок. До вечера он не мог ничего делать. Ходил по городу и не замечал вокруг ничего. Присел на скамейку в парке и сидел долго, горестно положив голову на сжатый кулак, упёршийся в скамейку. Горькая мысль не покидала его сознание: «Для того, чтобы сказать обществу об открытии и добиться рассмотрения защиты диссертации, оказывается нужно умереть»...

Мимо проходил старик и окликнул Зимина.

- Вам плохо? Может чем-нибудь помочь?

- Нет, спасибо, уважаемый. Не беспокойтесь...

Прихрамывая, старик поковылял прочь.

Траурная процедура не только скорбная, но и всегда очень утомительная, особенно для самых близких. Геннадий Николаевич, выразив соболезнование родным, стоял в стороне и давешняя мысль о том, «чтобы сделать шаг в науку, оказывается нужно умереть», не давала ему покоя.

Неожиданно вспомнилось живое лицо Анны Савельевны. Оно было всегда сосредоточенным и немного печальным, но очень привлекательным. На смертном же одре лицо её источало удивительное спокойствие. Рядом стоящая её невестка, неожиданно вслух произнесла подруге:

- Какая всё-таки Анна Савельевна красивая... При жизни измученное болезнью её лицо было другим и каким-то серым. А здесь она просто красавица. Никогда бы не подумала, что лицо умерших может быть таким...

- Да она и была красивой женщиной. И зачем она связалась с этой диссертацией?

- Она бредила наукой. Все свои сбережения тратила на эксперименты. Хотела что-то доказать, но не успела...

- Вот и доказала!

«Действительно»,- подумалось Зимину. - «Женщина права. Анне Савельевне бы жить ещё, да жить. Но её источила болезнь. И зачем мы так стремимся в науку? Во что бы то ни стало хотим чего-то и кому-то доказать вопреки личной жизни, в ущерб близким, вопреки препонам, воздвигаемым бюрократией от науки. Зачем эта жертвенность?».

И здесь вспомнилось Геннадию Николаевичу, как Анна Савельевна вскрыла всю бездну отношения к ней, её исследованиям окружения института.

«Не в этом ли крылась причина её печального конца, что вокруг неё, и её благородных устремлений возник вакуум, заполнить который она могла только тем, что ушла с головой в работу, дабы доказать самой себе и окружению, что она не только может работать, но и сможет достигнуть большего — сказать своё слово в науке. Этим она бросила вызов себе и окружению болота, в котором хотела, но не могла жить, поскольку болотная среда её угнетала. Она задыхалась в ней. И единственный шанс не замечать этого болота представлялась защитой диссертации, в которую она вложило всё, что имела, всё что знала, наконец, всю самую себя. Как оказывается может быть жестока научная среда, где разборки и борьба за существование особей в ней переходят границы животных инстинктов, не способных уничтожить физически, но зато способны вытравить душу подозрительностью, неприятием устремлений ближнего, как достижение разумного человека. В отличие от животного человек в результате эволюции приобрёл самое страшное оружие, составные части которого составили месть, зависть, предательство, уничтожение. И человек в науке, как загнанный зверь, должен либо погибнуть, либо огрызаться, чтобы существовать в этом животном болоте, либо искать защиту у сильного. То есть всё равно

оставаться зверем. Анна Савельевна была одинока. Пропуская через себя происходящее, она жила только тем, что находила в собственных исследованиях, которые иногда доставляли ей удивительные минуты откровения от того понятного, которое не знакомо другими в сфере её исследований».

Геннадий Николаевич вспомнил тот самый случай, когда ей удалось найти причину инверсии тяжелых металлов в рядах их подвижности. В одних случаях объясняющего механизм накопления их в различных частях растений и агрокультур, а других — рассеяния. Тогда она и сказала ему: «Ради таких минут стоит жить!». А он ответил: «Из минут складывается жизнь, Анна Савельевна! А она почему-то добавила: «Жизнь без таких минут ничего не стоит...».

Если бы он тогда мог допустить, что она эту фразу относила уже к себе.

«Значит она уже понимала, что с ней происходило тогда. Она знала о своей обречённости и потому торопила меня для того, чтобы успеть довести своё дело до конца. Каким же я был идиотом, что медлил, что предлагал не торопиться ей и не включаться в борьбу с процедурными проблемами защиты, а настойчиво ждать, когда это всё разрешится самим собой, поскольку был абсолютно уверен в том, что она защитит свои положения блестяще. Но я это относил к настоящим принципам науки, в которой не учитывал сильное влияние отношений в самом институте и противоречия в самом принципе ограничений специальности, в которой оказалось нет места главным междисциплинарным направлениям в науке в рамках системного подхода, разработанного синергетикой. Не оказалось места развитию самой науки».

К могиле подошла похоронная команда. Опустила гроб. Горсти земли глухо бились о его стенки. Наконец вырос холмик над могилой. Его обложили цветами, венками. Зимину показалось, что в могилу ушла не только Анна Савельевна, но и то, что она сделала в науке. А сколько ещё таких похорон науки состоялось?

«Всем правит Время. Всё подчиняется ему. Не подчиняется только разуму подозрительность, лицемерие, ханжество, которое остаётся в людях, поторопившихся, кажется, отнести себя к разумным», - подумалось Зимину.

Кто-то из приглашенных начал читать стихи:

Прощай!

Не лучший мир сегодня покидаешь,
не справедлив он чаще был к тебе,
но ты в мирской чванливой суете

его по доброте не проклинаешь...

Прощай!

Твой крик последний не услышан,
о том, что ты хотела всем сказать.
Постигнув истину — не время умирать,
а вышло так, что ты уже не дышишь...

Прости!

Что не могли мы лбами,
пробить замшелость и гнилую спесь...
но этот мир, что покидаешь здесь,
поверь, не создан не тобой, не нами...

Прощай!

Не лучший мир сегодня покидаешь,
не справедлив он чаще был к тебе,
но ты в мирской чванливой суете
его по доброте не проклинаешь...

Зимин долгое время не находил себе места. Сколько он подготовил кандидатов наук и докторов, но все они проходили в его жизни, как неременное и естественное сопровождение той деятельности в науке, которой посвятил свою жизнь и которой гордился. Уход из жизни последнего докторанта было для него не естественным, кажется, противоречащим всякому смыслу: отдать себя науки и не получить удовлетворения от того, чтобы защитить то, что было смыслом целой жизни.

Зимин решился всё-таки принять приглашение друга и коллеги по научной стезе философа Дрогана Ивана Николаевича порыбачить в низовье Волги. Оба были заядлыми рыболовами-любителями. А предложение Дрогана было заманчивым. Поскольку рыбалка в низовьях Волги по сравнению с низовьем Дона была куда щедрее по разнообразию впечатлений и видов рыбы, населяющих этот благодатный край. Время терять не стали. Ибо к приезду Зимина Иван Николаевич подготовился заранее и уже на следующее утро предложил гостю отплыть в его, как он говаривал, «царские места», где есть не только рыба, но неописуемая красота перемежающихся ериков

среди камышовых зарослей и реликтовые водоёмы, в которых можно созерцать лотос.

Когда катер вышел из ерика рыбаки внезапно оказались в широком мелководье почти полностью покрытом листьями лотоса. Среди буровато-зеленой глади Зимин заметил единственный удивительной красоты цветок. Лотос, поднявшись над застойным окружением то ли заводи, то ли уже болота, своей бело-розовой свежестью и изящностью словно воспарил из омертвело-застойного пространства в пастельную прозрачность утренней зари. Цветок был подобием случайного талантливого мазка художника на законченном полотне картины, олицетворяющей вызов непостижимости красоты умирающему на фоне только занимающегося дня буровато-зелёному пространству водоёма. В этом Зимин почему-то увидел знак какого-то душераздирающего протеста отмирающему сезонному окружению болота...

«Смертью и разложением пронизано всё живое,- подумалось Геннадию Николаевичу. - «А протестная изящность и красота — это отрицание жизнью вечности смерти. Нет, не вечна смерть, как не вечна и жизнь, но именно в их предельных границах и существует какой-то таинственный замысел жизни. Для чего она? В чём её смысл? Попраться хоть на время смерть и доказать самой себе, что хоть она и временна в окружающем мире, но так прекрасна, что смерть не спешит сразу, с появлением жизни расправиться с нею. Слишком она прекрасна ... А может эта прерывистая непрерывность борьбы жизни со смертью и есть непрерывный поиск вечностью изящности и красоты для того, чтобы насытившись одной любоваться другой, более совершенной...».

В этом мысленном сравнении перед ним внезапно предстал образ ушедшей из жизни женщины, попытавшейся бросить вызов безразличию к новизне общественному научному болоту, которое по своей сути просто обязано быть встречным потоком кислорода в принятии, раскрытии этой новизны, несущей окружающему его пространству свежесть, не позволяющую гнить этому болоту.

Зимин неожиданно откинулся на спинку сидения катера и прикрыл рукой лоб и глаза. Эта внезапность сравнения и откровения перед самим собой заставила его допустить в собственное сознание мысль о том, что, видимо, и он виноват в случившемся, потому как где-то и когда-то не проявил настойчивость в необходимости помочь всколыхнуть это болото, поглощающее научную мысль, в котором ещё должны цвести удивительные идеи — подобие таких лотосов...

- Гена, что с тобой? Бледный какой-то. Заплохело, что ли? - обратился к нему друг, уменьшив обороты мотора катера.

- Да нет... Просто мне это мелководье, похожее на болото, напомнило о трагедии одной женщины.

Катер остановился у небольшого омута за камышовыми зарослями. И пока друг готовил рыболовные снасти, Геннадий поведаль

ему историю мучительной борьбы женщины за право донести современной науке то, что она сделала вопреки своему здоровью и даже ценой жизни.

- Не думал, что даже в науке процедура донесения открытия до общества и учёного мира так обросла условностями и превратилась в фетиш. И для того, чтобы заявить об открытии, оказывается надо умереть. И жутко как-то становится. Не средневековье ведь. Наука, призванная общество вести к культуре, технологиям и процветанию, сама становится преградой на пути собственного развития.

- Дракон поедает собственный хвост? - уточнил Иван Николаевич.

- Пожалуй. - Ответил Зимин. - Но это не наука, а всё то, что вокруг неё и чиновничество, паразитирующее на науке. В лице властных структур, управляющих наукой, общество отдало на откуп самим учёным механизм вынесения вердикта о степени научности того, что проповедует учёный, желающий утвердиться в науке, получив степень доктора. Но, мне кажется, нет ничего страшнее для истины, как доверить случайной кучке людей, входящих в структуру современных учёных советов в России, признание её истинности. Подобные учёные советы, обремененные возможностью говорить истине «да» или «нет» путём тайного голосования, похожи скорее на масонскую ложу. Где есть устав и закреплены положениями, что считать истиной, а что заблуждением. Особенно, если в институтах, при которых создаются учёные советы, есть так называемые школы. За живучесть научных школ готовы сражаться до смерти вне зависимости от того, что школа проповедует, даже если участники этих школ могут понимать, что зашли в такой тупик, выбраться из которого можно только признанием ошибочности своего направления. А это признать никто не захочет, поскольку за этим последует необходимость объясняться не только с научным сообществом, но и с самим собой. Этим научным направлениям предан статус узкоколейки, решающей вначале основную задачу добраться до какой-то предполагаемой и заманчивой истины. Но с которой невозможно свернуть. Поэтому и требуется доехать только до той развилки, которая связывает жаждущего этой школы-ложы разобраться в сущности того, к чему неожиданно пришёл во время движения по этой узкоколейке.

- Согласен, - отозвался Иван Николаевич. - Иногда диссертационные научные советы сегодня, кажется, могут представлять собой инквизицию в средневековье, выносящей вердикт по «делу о защите диссертации». Особо жёсткий выносятся противнику устоявшегося миропонимания, если его всё-таки по случаю допустят до защиты или преднамеренно для того, чтобы примерно предать экзекуции даже не за то, что он написал в трактате, а за то, что посмел так написать. В глазах утверждающих эту экзекуцию ВАК и научной общественности, не сведущей о том, что представил к защите

соискатель, учёный совет выглядит требовательным, стоящим на страже научной мысли.

- Ты точно подчеркнул эту особенность, согласился Зимин. - Если ещё допустят к защите не только в процедурном плане, но и в плане экспертной оценки тех, что предлагает к защите соискатель докторской. А воззрение экспертов, выносящих вердикт о допуске к защите, иногда просто сводится либо к процедурному регламенту. Мол, того нет, с тем не согласовал диссертант что-то и как-то. А соответствует ли воззрение соискателя на то, чем занимаются сами эксперты, чаще всегодвигающиеся в колее научной школы или нет? Чаще всего даже процедурные проблемы становятся главенствующими факторами, чтобы притормозить движение соискателя к защите. Именно с эти столкнулась моя подопечная, которую я вёл к защите.

Зимин как-то горько вздохнул и продолжил.

- Неотступно следующие научной школе, созданной членами совета или его председателем, а в худшем случае уже давно в бозе почившим мэтром, их решение, за редким исключением, как правило бескомпромиссно. Держаться за фалды существующего или в бозе почившего мэтра удобнее, если нет за душой ничего нового в новых научных направлениях у самих членов, какие следуют в кильватере подобных школ. И если вердикт инквизиции в средневековье мог заканчиваться костром или отлучением от церкви, то современные научные советы могут отлучить любого от желания заниматься исследованием или даже довести соискателя докторской степени до инфаркта, если тот будет упираться в истинность собственного и отличного от школы воззрения на окружающую действительность. Если вообще жаждущий учёной степени не помрёт раньше, чем его прежде допустят до самой защиты в связи с необходимостью пройти соискателем все круги ада по соблюдению «положений», не имеющих ничего общего с научной ценностью трактата. При этом он должен сам доказать (то есть признать презумпцию своей виновности), что не заимствовал ничего у других, представив доказательства на бумажном носителе. К тому же должен выслушать и непременно принять к сведению, отреагировать, подправить собственные выводы и/или подтвердить точки зрения тех, кто, прочтя существо защищаемых положений, не сподобился прочесть их обоснование в содержании самого трактата. Таким образом, от авторской концепции трактата либо вообще ничего не останется, либо идея, новизна растворяется в длинном поминальном списке ссылок на авторов, кто «наследил» около этого научного направления или мог наследить. И если даже не наследил, но занимает или когда-то занимал в иерархии науки знаковое положение в её системе. Кивок в его сторону, с одной стороны подчёркивает осведомлённость автора о содеянном в науке, а с другой — постараться не забыть сослаться на тот случай, если к

нему попадёт диссертация или автореферат на отзыв. На самой же защите членам совета необходимо продемонстрировать скорее не значимость научной мысли подзащитного, а своё искусство вырвать из контекста какие-нибудь куски фраз, положений, которые противоречат его (или научной школе, к которой он принадлежит) представлению о проблеме и с пафосом эксперта заключить: «не приемлемо!». Или в крайнем случае неопределенно сказать «дискуссионно»!

Зимин помолчал. Потом неожиданно предложил:

- Ты знаешь, друг - вздохнул Зимин. - Что-то совсем пропала охота рыбачить.

- Ладно, другжище. Для рыбалки надо другое состояние души вне забот и проблем. Собираем снасти и поедем в город. Но прежде я хочу тебе кое-что показать, чтобы может быть снять тяжесть с твоих дум о месте учёного в современной науке России. Может нам покажется, что не всё ещё так грустно.

Иван Николаевич завел двигатель катера и направил лодку из ерика в открывающееся пространство водной глади, соприкасающейся с прозрачной голубизной неба.

- А что-это там, на границе водной глади и неба?

- Сейчас подойдём поближе, увидишь.

Необычно бело-розовое сочетание оттенков неба и водной глади явно не являлось причиной поднявшегося над горизонтом солнца. Бело-розовая узкая полоса цветовой гаммы отделяла границу голубизны неба и тёмно-синей зеркальной водной глади.

- Да это же лотосы! - Воскликнул Зимин.

- Они! - Подтвердил Иван Николаевич и замедлил ход лодки. - Дальше нельзя. Заповедная зона. Но посмотри, какое море красоты в еле заметном окружении зеленовато-бурой застойной части болота. Это тебе не единственный цветок, который навёл на тебя грустные воспоминания о женщине безвременно ушедшей из жизни и науки так и не успевший защитить своё мировоззрение на проблемы заболтанной междисциплинарности. Это сотни, а может и тысячи лотосов пронизавшие утреннюю красоту. Нет, прорастает всё-таки болото этой свежестью красоты, сражающейся с его бурой застойной неприглядностью. И знаешь, Гена! Ты можешь снять камень со своей души. Возьми на себя труд издать работу этой женщины. Одно дело научные советы и бюрократия в организации их работы, а другое дело её незаконченная новая монография. Прочтут люди и прорастёт ещё один лотос среди болота заорганизованной науки. У меня есть хорошее издательство, которое не танцует на нищей прикладной науке... И я тебе точно помогу.

- Спасибо, Ваня. Я это давно решил. И издательство у меня есть подходящее.

Всем правит время. Всё подчиняется ему...

ПОГАСШАЯ СВЕЧА

С отпуска на материк Дима Луговой привез с собой в геологический поселок небольшой музыкальный центр. Зашедшая к нему вечером Клава, техник-геолог на буровых работах, восхищенно гладила аппаратуру:

– Вот это класс, Митя!

– Не Митя, а Дмитрий Владимирович! – поправлял который раз Дима.

– Для меня ты Митенька, – задиристо ответила Клава и посмотрела на него невинными глазами.

– Если бы тебя не знал, Клава, я бы тебя отшлепал, – вставляя новый диск в дисковод, ответил Дима.

– Мал еще, мальчик мой! – прыснула в кулачок Клава.

– Да я выше твоего ухажёра! На целых три сантиметра.

– Ты что мерил его? – засмеялась Клава.

– Мерил, не мерил, и так видно. Когда же наконец он тебя замуж возьмет?

– Не торопится почему-то, – смахивая невидимые пылинки с аппаратуры, вздохнула Клава.

– Ты бы лучше за меня вышла!

– За таких, как ты, Митенька, не выходят. Таких при себе держат. Ты ручной. Милый, хороший, но ручной. А женщинам...

– Тоже мне, женщина! Это он просто тебя возле себя держит, а ты ему в глаза заглядываешь и мечты строишь.

– Что ты понимаешь, Митенька...

– Конечно, Дима ничего не понимает! Вы только понимаете...

– Ну, ну! Не обижайся, Митюша! Я тебя больше всех люблю, но только как друга, понимаешь.

– Ладно! И на том спасибо, Клава. Послушай лучше эту мелодию. Вот это класс! Думаю, тебе понравится...

Дима нажал клавишу. Вначале пошли какие-то непонятные звуки, с какими-то голосами, потом на фоне их появился чуть различимый ритм, сопровождаемый нарастающей безысходностью. Дмитрий увеличил громкость звука. Откуда-то изнутри нарастающего звука мелодии неожиданно выплыл чистый, и прозрачный страждущий женский голос. Он, словно, пронизал тихий вечер, упавший на склоны обступивших поселок гор.

Клава замерла. Посмотрела на Диму.

– Вот это да! Кто это?

– Эмма Чаплин. А исполняет она Spente le Stelle.

– А что это значит?

– Точно не помню. ... Кажется, «Потухшая звезда».

– А кто написал для нее такую музыку?

- Сама.
- Вот это женщина! Наверно, красивая...
- Очень! Посмотри!

И Дмитрий протянул лицевую панель футляра, в который был упакован диск. С панели на Клаву смотрела певица.

– Очень красивая. Ты, наверно, влюбился в неё?

– В нее весь мир влюблен, Клавочка. А я влюблен в тебя, только ты такая непонятливая... Глазки строила всем в техникуме, а меня ты никогда не замечала, даже когда за тобой тащился. Я ведь нефтяником хотел стать, не рудником.

Клава серьезно посмотрела на Дмитрия, вздохнула.

– Прости, Митенька! Я слишком влюбчивая барышня, наверно не разборчивая. А вот утонула в моем парне и все тут.

– Он из тебя веревки вьёт!

– И пусть вьёт! Мне даже нравится...

– Странные вы, женщины. Чем больше вам, тем...

– Что тем?

– Не знаю, Клава. Я еще маленький... – И смешинка с ямочками у губ застыла на юношеском лице.

– А ты знаешь, Митенька, ты..., ты красивый мальчик, – погладила рукой волосы бывшего однокурсника Клава. Тебя обязательно полюбит какая-нибудь, очень красивая барышня. Только тогда, когда твои ямочки у губ исчезнут. Они женщинам говорят о том, что перед ними еще не мужчина, а милый ребенок, Митенька. И, может быть, я просто дура, что не могу в тебе разглядеть мужчину. Мне хочется, Митенька уже детей рожать, да мой бегунчик-попрыгунчик против. Говорит, что рано еще... А что рано-то? Мне уже двадцать третий пошел!

Дмитрий смотрел на Клаву по-детски восхищенными глазами и видел в ней не Клаву, а ту женщину, которая смотрела с рекламного буклета и обладала ангельским голосом, источавшим глубокое чувство.

– Я каждое утро буду ставить этот диск, чтобы люди вокруг понимали, что помимо рутины полевой жизни есть страсть к любимым, способным зажечь потухшую звезду, а, может просто потухшую свечу.

– Сколько их в нашем поселке то? – Махнула рукой Клава.

– Неважно сколько? Но нет такого человека, какой бы не мечтал о высокой любви, Клава. Только мы то ли стесняемся ее, то ли боимся оказаться не такими, как все...

– Какими?

– Другими, ну знаешь, такими, какими мы бываем в минуты откровения с самим собой.

– О-о! Да ты, Димочка оказывается не такой, каким кажешься... Вот и ребячество в тебе куда-то делось после таких слов... Только вот я действительно дура, что не могу в тебе видеть то, что ты видишь во мне, Митенька. – И, погладив руку однокурсника, вдруг сказала. – Наверно, я

бы завидовала той женщине, которая бы однажды полюбила тебя, как вот ты можешь, Митенька. – И вышла из комнаты.

Дима каждое утро, собираясь на работу, проигрывал диск. Горняки и геологи, огрубевшие в таежной глуши от грязной и тяжелой работы, вначале стесняясь, слушали мелодию, как бы, украдкой, переживая свои чувства в себе. Потом, выходя из домов, останавливались, вслушивались молча, проникновенно. Переставали балагурить о том, о сём... Потом свыклись с мелодией и уже не представляли себе начало дня без неё. Она для них становилась своеобразной утренней молитвой. Никто не спрашивал Димку, что это за мелодия, кто автор её. А Дима Луговой не представлялся ди-джеем. А когда однажды работяги, вышедшие во двор для раскомандировки на работу, не услышали знакомой мелодии, заволновались. А Клава бросила им:

– Митя с ночевой сегодня!

И все расходились, словно день начинался не так, будто чего-то не было в нем изначально главного...

Дни, похожие один на другой, перевалили за лето.

Луговой бросил рюкзак в кузов вездехода и залез в кабину. Запустив двигатель, лихо развернулся перед палатками горняков.

– Смотри, вездеходчик поправится, накостыляет тебе за лихачество, – пригрозил беззлобно кулаком взрывник Дмитрию.

– Димка, не забудь, передай горному мастеру, завтра утром траншею принимать надо! – Крикнул вдогонку, вышедший из балка горняк, выливая из чайника старую заварку прямо на ягель.

– Не забуду! С вездеходчиком обратно приедет. А мне маршрутить надо на дальнем участке. Бывайте, братцы! До осени!

– Да уж и недалече, осень-то. Вон полярная березка тронулась уже желтизной. Неделя и потянет холодком, – махнул рукой Димке горняк на прощанье.

Димка неделю развозил по горняцким спаркам взрывчатку, продукты, штаги и всякий бутор, который где-нибудь на материке приняли бы за хлам. Но только не в тайге. Здесь все имело свою цену.

Выйдя из армии специалистом по тягачам, он для начальника партии Рунова был манной небесной. Кроме того, что проворно справлялся с обязанностями техника-геолога, Рунов часто просил его сесть за рычаги вездехода и помочь водителю, разрывававшемуся между отрядами. Безотказный Дима помогал. А когда водитель слег с радикулитом, то по двенадцать, а то и четырнадцать часов колесил по

сопкам между отрядами, спарками, участками. Уставал и возвращался в поселок отдохнуть денек.

Дорога между сопками спускалась к реке, а потом пошла вдоль нее. Глаза Димы, словно набитые песком, сами закрывались. Мерный гул двигателя убаюкивал. Дремота подползла совсем, когда он вышел уже на косу к перекату реки.

«Переправлюсь и закемарю часок. Глаза сами уже закрываются», – подумал геолог и не заметил, как провалился в сон.

Нога давила на газ, вездеход шел, не сворачивая к перекату. Димка спал. Вот уже вездеход под острым углом подошёл к колее, пересек ее, зарылся носом в воду и, подхваченный течением, поплыл. Течение затащило машину в водоворот, крутануло вездеход и он, уткнувшись в два торчавших из омута топляка, медленно начал погружаться, пока не скрылся под водой... Дно вездехода было давно пробито.

– Где Рунов? – крикнул водитель водовозки выходящему из конторы рабочему.

– У себя! – махнул рукой в сторону открытой двери конторы водитель. – А что ты, словно ошалелый?

– Димку с вездеходом под скалу унесло!

– А Димка?

– Нет Димки! Искать надо...

Рунов поднял весь поселок. Вездеход к вечеру вытащили на косу бульдозером. Димки в кабине не было. В кузове нашли рюкзак с пробами и молоток. Верхние люки были открыты. Это давало надежду, что Димка мог выплыть. Участок в три километра ниже по течению реки прочесали быстро. Никаких следов, что геолог выбрался из реки, не обнаружили. Пропал Димка. Дальнейшие поиски тоже ничего не дали, даже, когда приехала милиция, а с ними опытная поисковая группа геологов из экспедиции.

На изломе осени круговорот северного лета тихо сошёл на землю новым утром, омытым прохладной росой. Поток света ударил в окна домов поселка, прижавшегося около пыльной трассы, по которой мимо неслись и неслись груженые тяжелые машины в поднебесную даль перевала. И над всей этой притомлённой ленивой свежестью осеннего, но ещё по летнему теплого утра неожиданно полилась удивительная мелодия, совершенно, казалось бы, не вписывающаяся в гармонию начала дня. Женский голос вел партию какой-то душераздирающей и в то же время светлой и нежной тоски по чему-то. Эти чувства рвались в небо и, не пересилив возможность упорхнуть за хребет, эхом возвращались и проникали в дома.

Клавдия выглянула в окно. Там во дворе уже стояли люди и вслушивались в звуки мелодии, раздававшиеся необычайно громко – на всю мощь усилителей, выставленных в окне комнат Димы, сгинувшего более месяца назад в водах реки. И с тех пор его традиция будить жителей горняцкого поселка неведомой им, но прекрасной мелодией, оборвалась. Некому было ее крутить на магнитофонной приставке. Люди, еще слышавшие не так давно эту мелодию, знали, что это именно Димка развлекал их этим женским голосом, исходящим безысходностью чувства. А звучащую мелодию и музыку люди олицетворяли всегда с его затеей, Димкиной.

– Димка вернулся! – крикнул кто-то.

И этот крик, будто-бы, услышал весь поселок.

– Димка нашелся! – вторил другие люди, выходявшие из домов, замирали, вглядываясь в окно второго этажа бревенчатого общежития и одновременно впитывая звуки, казалось бы, навсегда утраченной мелодии, которую Димка проигрывал всякий раз утром, уходя на горные работы. И населяющие поселок горняцкие семьи так привыкли к музыке, к димкиному чудачеству, что всякий раз воспринимали повторяющуюся, но не надоедающую музыку, как нечто самой разумеющееся маленькое чудо, не признаваясь в этом никому, даже самому себе. И когда однажды Димка приболел, и не мог встать, чтобы поставить кассету и дать ее в эфир забытого Богом поселка геологоразведчиков, люди, вышедшие из домов, чтобы идти на работу, стояли и ждали, когда это чудо не польется из димкиного окна. И когда все-таки музыка полилась, все облегченно вздыхали и отправлялись по своим рабочим местам.

После того, как Димка пропал без вести, никто не ставил его кассету в проигрыватель. Ибо это чудо они воспринимали только от него, Димки, простодушного, улыбчивого и полного ощущения жизнерадостности и любви ко всему и ко всем юноши. С его исчезновением запропало что-то в жизни у горняков, надломилось. Теперь же, когда музыка снова вдруг полилась из открытого димкиного окна, все подумали, что это он вернулся и что-то главное вместе с ним в нелегкой жизни геологов, не баловавшей их разнообразием бытия.

Клавдия, как была в шлепанцах, так и выбежала во двор. Побежала к димкиному дому. Шлепанцы мешали ей. Тогда она отбросила их в сторону и босиком вбежала по давно не отремонтированной лестнице подъезда общежития холостяков. Поднялась на второй этаж и рывком бросилась по коридору к димкиной комнате. Его дверь была чуть приоткрыта. Из неё вырывался апофеоз мелодии Spente le Stelle на грани фальцета и буквально взывал к чему-то или к кому-то.

Клавдия на какой-то миг остановилась перед дверью, потом рванула ее на себя. Там, за столом, уронив голову на руки, спиной сидел человек.

– Дима!

Человек повернулся, и Клавдия увидела, что это не Дима, а Гоша, Димкин техник-пробщик. Его глаза были мокрыми от слез. И Клавдия все поняла.

– Ты?... Ты, что же наделал, Гоша! Весь поселок поднял на ноги. Посмотри в окно! Зачем смеяться над людьми и давать им надежду, которая сгинула с Димкой? Ведь мы все так любили его, а ты... Ты зачем покусился на то, что принадлежало только ему, Гоша?!

– И нам...,- перебил юноша. – Сорок дней сегодня Димке, Клава...

Клава опустила на Димкину кровать.

– Выходит, мы все не помним, что ему сегодня сорок дней, а ты только помнишь? Только один ты скорбишь о Димке? Что теперь скажешь людям? Выглянь в окно, слышишь, все Димку хотят увидеть!

– И пусть хотят. Может он того, не погиб вовсе... вернется еще... Не нашли же его?! Не нашли! – почти вскричал Гоша.

– Успокойся, Гошенька, – приподнялась с кровати Клавдия, – успокойся! Давай вместе подойдем к окну, зачем народу душу мотать.

Они подошли к открытому окну. Над головами собравшихся пронесся гул сожаления.

– Ты что это, Гоша, народу душу надорва? Э-эх! Всыпать тебе бы маленько, – выкрикнул горный мастер.

– Ты того... и вы, люди, не вините Гошку! Это он от боли за парня затосковал. Сорок дней, как Димки нет среди нас, – вступился кто-то за Гошу.

– Пусть теперь за Димку крутит эту музыку! В память его, – добавил кто-то.

– Правильно, Гоша, крути! – Поддержали сразу несколько голосов. – Больно пронзительна штукавина, – выкрикнул проходчик Щеглов. – За душу хватает, хоть и не по нашенскому женщина поет. Уважь народ, Гошенька.

Гоша отошел от окна и уже чуть в приглушенном воспроизведении прозрачный голос снова выпорхнул из бревенчатого здания общежития и широко разлился над долиной реки, сопками. Мужчины, не сговариваясь, один за другим снимали, кто вязаную шапчонку, кто кепку или замусоленный пробный мешок, водруженный на голову в форме пилотки. Так с непокрытыми головами и расходились по рабочим местам. Кто бить канавы, кто на проходку штольни, кто на буровые скважины. А мелодия билась о сопки, взмывала в небо уже разгулявшегося во всю утра, пока не утонула в зыбкой его тишине.

ГОРЛИЦА

Неожиданно для Сергея Ваганова, проблемы здоровья заполнили всю его жизнь. Острая почечная недостаточность была почти приговором. Профессор платной и широко разрекламированной клиники поставил диагноз: или диализ и надежда на донорский орган, или всё может для него закончиться весьма печально. Притом очень скоро.

Ваганов несколько дней не выходил из квартиры и пришёл к выводу, что его конец не заставит страдать близких. Жена ушла от него давно. Не вынесла трудностей экспедиционной жизни. Детей Бог не дал. Близких родственников не осталось. Одиночество в конце жизни его почти устраивало. Не надо было *конец* превращать в *суету*. Правда, почти физически ощутил, как скоротечно *время*, бегущее навстречу неизвестности, где все ощущения неожиданно исчезнут, а его не будет в этом пространстве бытия. И неожиданно у него возникли странные мысли, от которых он уже не мог отделаться.

«А что, собственно, я видел в жизни? Работа, работа, работа... Весь в ней. Но это было любимое дело. Постой! *Любимое* дело... Это очень важно. А ещё? Желание узнавать и знать! Да, да. Без этого можно превратиться в животное.

Общение? Тоже важно. Но я скорее был малообщителен. Слыл молчуном. Даже замкнутым. Друзей вокруг меня было мало. И меня почему-то чаще окружали не те люди, с какими хотел общаться. Большинство из них брало от жизни всё, ничего не давая взамен. Один был друг, да и тот остался в далёком детстве. Затерялся где-то с распадом бывшего государства. Потому я и сосредоточился на деле, которое занимало всё моё свободное время. Оттого, может, и не совсем удалась личная жизнь.

Личная... Сколько в этом понятии общественного? Пожалуй, много, поскольку личная – от слова личность. Но это слишком высоко и высокопарно. Не то, не то, Серёжа! А вот личная жизнь всё-таки не удалась... Постой, а что в ней главное? Семья? Но её творят как минимум двое. Я хотел иметь любимую женщину. Но обрёл женщину, которая не могла подарить мне детей, поскольку не любила даже себя. Виноват в этом я? Трудно сказать даже самому себе. Для этого должны двое прийти к одному откровению. А потом двое оказаться в каждом. Да и не все же живут на самом деле с любимыми? Можно ли в таком случае назвать это семьёй и тем более жизнью? Скорее это обыкновение продолжения рода человеческого. Не более того. Стало быть, любовь редкость, обошедшая не только меня, но многих. И снисходит, возможно, только к избранным человечества, способным на такие чувства, которым могут следовать только искренние и одухотворённые личности. Всё остальное – не любовь, а лишь влюблённость, способная одновременно к коварству или поступку...

Стоп! Почему же любовь обошла меня? Нет, я могу с уверенностью сказать самому себе, что любил! Когда-то юношеское платоническое ощущение этого внезапно возникшего полёта духа во мне живёт до сих пор в образе хрупкой девчонки из минувшего детства. Правда, оно притаилось где-то там, в недрах моего сознания, куда я никогда и никого не подпускал. И это откровение перед самим собой вытаскивало меня из таких передрыг и бытовых трясин, из которых редко кому удавалось выбраться, не потеряв то, единственное таинство, которое жило в восторженном детском воображении о благости откровения перед чудом влюблённости. Это ощущение парения вне и внутри себя, вероятно, захватывало многих, но не все пронесли его через свою жизнь. И если это откровение живет во мне, стало быть, я не существую, а живу, несмотря на то, что меня считают уже обречённым...».

От подобного умозаключения Ваганову неожиданно стало легче. Но только на время. Ибо потом неожиданно впал в депрессию, раскачиваемую им самим.

«Одностороннее платоническое чувство ещё не любовь. Когда-то она должна быть хотя бы на мгновение взаимной, дабы постигшее откровение не утонуло в одном, не захлебнулось в ненависти к тому, кто виноват в неразделённости твоих чувств. А оно только во мне! Выходит, и это великое чудо прошло мимо меня? И ото всего сущего в сухом остатке моей истины ничегошеньки-то и не осталось. Ничего...».

Сокрушённый постулированием любовных *начал*, любовного *всего*, Ваганов хмыкнул про себя:

«Итак, великое чувство глумилось надо мной всю жизнь и на склоне её я, возможно, не узнал самого главного – взаимности».

Зазвонил телефон. В трубке восторженный голос бывшего одноклассника Виктора Пашина, с которым Ваганов почти тридцать лет поддерживал дружеские отношения после окончания школы, взывал:

– Ты хотя бы телевизор смотришь, старина?! Так вот, сегодня показывали врача Озерову, специалиста по пересадке органов. Девичья фамилия Сорокина. Сейчас носит двойную фамилию. Помнишь такую, ну, Людку Сорокину, она на класс позже нас заканчивала?

– Ты что?!...

– Да, представляешь?! Вот так, знай наших... И если хочешь, можешь посмотреть интервью с ней московского журналиста. Повтор телепередачи будет в двадцать один пятнадцать по второму каналу... Как дела?... А-а, ладно! Не спрашиваю. Или до сих пор тебе дурные ноги умной голове покоя не дают? – засмеялся Виктор. – Всё ходишь по горам, да тайге? Пора бы уже и честь знать. Или опять корпишь над чем-нибудь, над трудами какими?

– Мне сейчас не до этого, Витя...

– А что случилось?

– Захандрил немного.

– У меня рецепт есть, Серёга. Дёрни соточку чего-нибудь покрепче, да огурчиком закуси и хандра пройдет. А то, лучше, бросай хандру и подавайся на историческую родину, тридцать лет окончания школы в августе отмечать собираемся. Приедешь?

– Хорошо, попробую...

Ощущение внезапного всплытия из глубины раздирающих его противоречий и сомнений, на поверхность, где, оказывается, жизнь текла как-то сама собой – обыденно, и вряд ли кто задумывался о ценности её, заставило сладко забиться сердце. Ваганов откинулся на спинку старого кресла, закрыл глаза.

«Что это? Проведение? Я только что думал о ней, и она вдруг возникла в этом хаосе моих откровений... Судьба? Неужели это бывает?... Надо же! В ситуации, когда на мне медики уже ставили крест, из экрана воспарила горлица моего детства. И своим появлением опять возвратила туда, откуда я ушёл окрыленный своей мечтой, которую потом воплотил в жизнь, пролетевшую незаметно, словно лето для горлицы. Появилась, чтобы ощутить последний взлет и парение духа юношеской влюблённости, дабы конец был не таким уже страшным и одиноким».

Сравнение её в мыслях с горлицей возвратило Ваганова в ту глубину детства, когда он выходил слабенького птенца дикой голубки. Выросший птенец потом две весны подряд прилетал к нему во двор. Он радовался и ждал его появления всякий раз. Рассыпал во дворе зерно, и птица клевала, доверчиво подпуская только его. Садилась к нему на плечо, позволяла гладить клюв. А когда птицы долго не было, частенько тосковал, глядя в небо, а слёзы сами туманили глаза, потом катились по щекам... И это были слёзы умиления, детской привязанности к объекту обожания. Сверстники же его насмехались над его чувствами не со зла, а от зависти. Потому как горлица сторонилась их, не доверяла им. А когда те убегали, горлица подлетала сама к Сергею, садилась на протянутые им руки и что-то ворковала. А он восхищенно смотрел на птицу и шептал: «Любимая моя!..».

Нахлынувшие воспоминания у Ваганова рождали светлые ощущения, перемежавшиеся с горечью, что так и не удалось ему в жизни по настоящему полюбить, как любил тогда девочку, бросая за забор по ночам ей цветы, оставаясь инкогнито для неё. И он пять сравнивал её с горлицей, но той, которая не знала, кто оказывает ей такие знаки внимания. И безнадежно ждал, как однажды она сама подаст этот знак, приблизится к нему. От этой надежды сердце вырывалось из юношеской груди от вожделенного счастья и таинства происходящего с ним. Потом Сергей днями ходил окрыленным. Но при неожиданном появлении её, издалека уже краснел так сильно, что ему чудилось, будто, проходя мимо, она всё знает и понимает. И, стыдясь мыслимым её разоблачением, он непременно сворачивал куда-нибудь и

уходил в своё юношеское страдание в заливные луга или опушку леса, омывая его одиночеством.

До интервью оставалось ещё не менее двух часов. Ваганов боялся пропустить передачу. Ходил по комнате, переключал телевизионные каналы, чтобы хоть как-то отвлечься и ускорить бег времени.

«Странно всё это... Только что ощущение приближающегося *конца*, заставившее меня суетно выворачивать изнанку своего пребывания в этом мире, было соразмерно всевозрастающему ускорению бега *времени*, теперь же оно точно бы остановилось. А где-то там, в недрах только что извлеченного мыслями сознания, внезапно выросло ощущение подъема и даже юношеского восторга. Это от *неё* и из-за *неё*... Не мысль о ней, а осознание её существования где-то рядом, но не здесь. Я ведь тоже в Москве. Жил и не знал о том, что она могла находиться рядом, ехать в одном вагоне метро или поезда. Как велик и как тесен мир, в котором стоящие спиной друг другу люди могут и не повернуть случайно головы, пройти мимо вожделенной надежды найти то, что искал, возможно, всю жизнь».

Наконец на телевизионном канале появились кадры, где выдающиеся хирурги говорили о современных правовых, методических и этических проблемах трансплантации органов. Кто-то обвинял врачей о преднамеренных нарушениях закона о трансплантации, о существовании преступников, торгующими органами, о сговоре их с хирургами. Но это сейчас мало интересовало Ваганова. Он ждал появления на экране её.

Она появилась неожиданно в сцене, где в интервью журналисту яростно защищала необходимость доверия к врачам, которые давали надежду тем, кто был обречён ждать своего спасительного случая. А это было возможно только при наличии донора, которого вернуть к жизни уже было невозможно. Говорила о той тонкой грани, за которой невозможность спасения одной жизни возникала вероятность продолжения другой.

Ваганов узнал её сразу. По голосу. Затем в её манере говорить замечал черты той девчонки из детства, которая заронила в него состояние влюблённости, не покидавшего уже никогда после. Временами он хотел даже избавиться от этого состояния, так как оно мешало ему жить, поскольку соизмерял чувства к окружающим женщинам с юношеским восторгом недостижимости их и непорочности. Когда же ему однажды удалось пригасить это состоянием, иметь возле себя просто женщину, мечты заматеревшего юноши разбились о необходимость признать, что женщины, равно как и мужчины, порочны. Добродетели в них исчезали, как только они перестали видеть необходимость завоёвывать их благосклонность. Терялись в обычных устремлениях не только иметь полового партнёра, семейную пару, сопровождаемую бытом всевозможных «надо, нельзя, можно», но и

сложностью возникающих позже противоречий между мужчиной и женщиной.

С возрастом и с течением времени Сергей понял разительность состояний восприятия ими окружающей действительности. Возвращение к прежней влюблённости было только ощущением необходимости хотя бы в мыслях почувствовать прежнюю её восторженность. Но со временем и чувства, и восторженность растворялись в противоречивости бытия. Прежнее единение в людях, основанное на обожании и непротиворечивости чувств, однажды испытывало раздвоение и уже никогда больше не возвращалось к прежней влюблённости. Раздвоение диктовало другие восприятия, напоминающие странную игру в отношениях между людьми, какие складывались в реальностях, помещенных в правила, обычаи, традиции, моральные и этические заложения, быт, наконец.

«Она сильно изменилась, – отмечал про себя Ваганов. – Превратилась в волевою женщину, способную знать, что она хочет, добиваться поставленных целей... Она хорошо говорит. Но из брюнетки превратилась в блондинку. Кстати это ей идёт...».

– О проблемах трансплантации мы сегодня говорили с директором Института трансплантологии Алишеровым Игорем Ибрагимовичем и кандидатом медицинских наук Людмилой Михайловной Озеровой – Сорокиной, – заключил телеведущий программы, и передача закончилась.

Ваганов некоторое время сидел в кресле неподвижно. Перед глазами еще стоял образ Людмилы, которую он никогда, даже в мыслях, не мог назвать «моей». Теперь же давно, поскольку этот образ ассоциировал с женщиной, добившейся общественного признания.

И опять странное ощущение возникло в сознании Сергея. Чувство, что в *этой* женщине исчезла *та* девочка, которая однажды, перед выпускным балом, будучи только в девятом классе неожиданно преподнесла ему большой букет цветов. Улыбнулась смущенно и так мило, что он не удержался, прикоснулся губами к её щеке. Заметил, как лицо Людмилы вспыхнуло ярким румянцем, а когда возвращалась в строй одноклассников, обернулась ещё раз. Только один раз. Но обернулась...

На выпускной бал он не пошёл. Даже себе не мог объяснить, почему. И когда Виктор, товарищ детства, безапелляционно вытащил его из дома и привел в самый разгар вечера в помещение, одновременно представлявшее собой школьный клуб с небольшой сценой и спортивный зал, где шумело первое застолье выпускников, он снова увидел её.

Как и большинство, Люда была в белом платье, словно торопилась опередить своё время и выглядеть десятиклассницей. На выпускной бал она была приглашена музицировать, поскольку

единственная из школьников великолепно играла на фортепьяно. По этому случаю из учительской инструмент перенесли в спортивный зал и водрузили его на сцене. Когда же она, уставшая от игры, спускалась со сцены, а из динамиков неслась другая, уже танцевальная музыка, мальчики, в одночасье превратившиеся в юношей, наперебой старались пригласить на танец именно её. Она не выглядела красавицей, но в её, ещё почти детских манерах общения непосредственность была той притягательной силой, которая заставляла мальчиков становиться кавалерами, а сверстниц поклонницами её обыкновения.

Ваганов вспомнил, как она неожиданно от наскучившего ей одноклассника, желавшего который раз пригласить её на тур вальса, подошла почему-то именно к нему. Взяла его за руку и повела в центр зала. Смущённый её вниманием, Сергей нелепо передвигал ноги, а она смеялась, подбадривала его. Не отпускала, когда вальс сменил танго. И здесь Сергей уже почувствовал себя свободнее, что-то говорил, а она отвечала ему, и они танцевали, танцевали. Он уже был раскован. Восторженность обстановки вечера отражалась на лицах тех, кто был участником первого и, возможно, последнего в их жизни бала, собравшего их в этом небольшом, но уютном зале, источавшем ощущение непосредственности и счастья.

Виктор, иногда проплывавший с партнершей, учительницей-стажером физики, в которую были влюблены буквально все старшеклассники из-за её веселого нрава и прекрасную внешность, бесцеремонно похлопывал по плечу Ваганова, мол, так держать... Сергей улыбался. Ему, не пожелавшему вначале идти на выпускной, бал теперь казался очарованием. И когда Людмила возвращалась к инструменту, чтобы сыграть что-то ещё для учителей и выпускников, Ваганов смотрел только на неё. Но если она вновь возвращалась в зал, теперь уж он торопился ей на встречу, и они снова были рядом.

Потом была ночь, когда все бродили по посёлку и пели. Ходили к реке и жгли костер. Случайно, оказавшись вдвоём, Сергей и Людмила, не сговариваясь, пошли по тропинке. Говорили, смеялись. Ваганов чувствовал, как легко ему с ней, как хотелось слушать её, как случайно прикоснуться к её плечу на узкой тропе. И когда первый лучик солнца коснулся вершин деревьев, стеной встававших на границе заливных лугов, и все вернулись к школе, Людмила рассталась с ним.

И всё кончилось также внезапно для Сергея, как и началось. Больше они не виделись никогда. Их пути не пересеклись в посёлке. А через три дня Ваганов уже трясся в общем вагоне поезда. Он ехал навстречу своей мечте стать геологом, уезжая от несбывшейся надежды ещё хотя бы один раз оказаться рядом с девушкой. Мечтой, обнажившей его первые чувства, которые в соприкосновении с воспоминаниями только одного вечера, отдавались в глубине души каким-то незнакомым страданием, в котором была и боль, и одновременно сладостное парение от осознания того, что она существовала всё-таки в его жизни.

Пусть мельком, пусть невзначай, но была. Это чувство пряталось в каких-то укромных уголках сознания и уже никогда не выходило наружу. Никогда. Даже, когда у него появилась женщина, с которой он прожил несколько лет, но покинувшая его. Она так и не научилась жить в вечном ожидании мужа домой и борьбе за выживание в оторванном от материка геологическом посёлке. Часто не имея того необходимого, которым была полна жизнь её подруг там, на материке...

Сергей вышел на балкон. Внизу молодая листва чуть слышно шелестела под налетавшими еле ощутимыми порывами ветра. Было начало лета, еще не совсем жаркое, но и не холодное, набиравшееся солнечного света.

«Такое же теплое, с ночными запахами цветущего где-то разнотравия», – опять возвращала мысль в прошлое Ваганова. «Оказывается проще вернуть прежнее состояние ощущение природы и даже соприкоснуться с ней, но вот с любимым человеком... А почему бы и нет? Просто позвонить и поговорить хотя бы ... Зачем? Чтобы заставить на некоторое время трепетать свое сердце? А вот тронет ли этот звонок её? Да и вспомнит ли то, что произошло с ними тогда, на выпускном? А, собственно, почему это я говорю «с ними»? Со мной – да! Но как я могу переносить параллель на её чувства? Ну, был вечер, ночь, о чём-то говорили. И всё. Они даже не спохватились назначить свидание друг другу. Столкнулись, как два мотылька в теплом дуновении ветерка летней ночи и исчезли оба в наступившем дне».

Сергей вернулся в комнату, и она ему смотрелась совсем чужой. Каким-то странным пристанищем от суеты, под названием жизнь, почему-то показавшейся ему уже слишком долгой.

«Странно... Но мне не страшно именно сейчас уйти из жизни. Тихо, никем не замеченным. Даже ею. А, собственно, почему девочка из юности должна заметить меня, если не замечала моего существования при жизни? Да и не могла этого сделать, потому, как не знала, что я существовал для неё... И всё-таки, может, позвонить ей? Это будет не сложно теперь найти её. Но что я скажу ей? И вообще, нужно ли это ей сейчас, когда прошло почти тридцать лет? У неё своя жизнь, наверняка удачная семья».

Бессонная ночь, несколько чашек кофе, ухудшившееся общее состояние не могли Ваганова заставить прилечь хотя бы на диван. Он ждал утра. Когда люди, покинув свои квартиры, доберутся до работы и жизнь столкнёт всех в одну колею, из которой невозможно выбраться до тех пор, пока это будет позволено заложенным обществом дневным распорядком, оставив распоряжаться людей своей жизнью только ночью. И лишь тогда частица жизненного очарования может соскользнуть на чело прозревших за день влюблённых или любовников. Остальным же подарит успокоенность семейным бытом, если очарование тех и других не будет прервано коммунальным

неудобствами, да поздними криками пьяных голосов на улице, сигнальными устройствами автомашин, забивших всё дворовое пространство. Или благостный покой утомленных за день людей внезапно не нарушат душераздирающие возгласы отупевших от наркотиков молодых людей, опустившихся на такое дно, из которого даже крики не могут быть услышаны теми, кто на ночь затыкал уши, дабы уснуть, чтобы снова проснуться утром и сползти в новую колею жизни...

Ваганов набрал номер телефона справочной. Отрекомендовавшись звонившему, девушка назвала несколько телефонов Института трансплантологии. По справочному телефону ответили, что уролог Людмила Михайловна принимает с двенадцати часов дня до семи по четвергам в одной из клиник Москвы, и назвала адрес.

Сегодня был четверг. Какая-то сила толкала Ваганова к поступку, которого он бы никогда не совершил раньше. Но не сейчас. Осознание, пришедшее ночью к нему, что он до конца своих дней так и не увидит её, не скажет, что любил и обожал её всю жизнь, заставило его совершить этот невероятный и рискованный шаг. Ему почему-то было важно сказать это ей. Сообщить, не надеясь ни на какую взаимность перед уходом в иной мир с осознанием того, что же это за великое и всепоглощающее, не исчезающее со временем удивительное чувство, которое движет разумных совершать великое, а сумасшедших преступление. Но самое главное заключалось в том, что, решившись на этот шаг, он не знал, хватит ли у него духа вообще сказать ей обо всём этом.

Он оказался последним на приём к *ней*. А потому, перешагивая порог её кабинета, где помимо врача была сестра, что-то писавшая за соседним столиком, мысленно успокоил себя: «Я просто больной человек. Пришёл на консультацию. Что здесь такого?... А там будь, что будет. Узнает, стало быть, появиться причина для объяснения. Если не узнает, что же, сам ей напоминать не будет, кто он и зачем судьба его привела к ней».

Перевернув направление на консультацию, врач, не глядя на вошедшего, прочитала вслух:

– Ваганов Сергей Леонидович..., почечная недостаточность... – Неожтданно повернулась. – А что это вы ко мне пришли? У вас есть лечащий врач, вам поставили уже диагноз. Вам надо проходить курс..., правда, дело у вас непростое, но не безнадежное...

Здесь их глаза встретились. На мгновение врач снова взяла в руки направление, словно бы вдумывалась во что-то. Затем снова всмотрелась в лицо больного.

– Простите, – сказала она, – а вы, вы случайно не тот Ваганов, который в свое время оканчивал школу в Саратовской области?

– Возможно, – неуверенно ответил он.

– Как это? – развела руки врач.

– Простите, это я так..., – растерялся Ваганов. – Действительно я тот!

– Сергей?!

– Он самый.

– Так к чему же эта официальность?

– Думал, не признаете... Я всё-таки больной для вас и не могу обязывать вас делать снисхождение какому-то знакомому, к тому же прошло столько время...

– ...без малого, тридцать.

– Помните!?

– Это не забывается, Серёженька.

Она повернулась к сестре.

– Леночка, пойдди, погуляй, пожалуйста. Чайку попей. У меня, кажется, земляк объявился.

«Вот оно, ощущение безнадежности моего посещения. Я для неё просто земляк...», – итожил уже Ваганов.

Леночка, смерив любопытным взглядом посетителя, выскользнула из кабинета.

Людмила встала из-за стола, протянула навстречу Сергею руки. Он их взял, наклонился и прикоснулся губами.

– Ты стал галантным, Серёженька!

– А каким был?

– Тихоней, кажется. Я тебя даже побаивалась.

– И всё?

– Нет, конечно. Девчонкой несмышлёнышем была. Похоже, что даже влюблена была в тебя...

– Там, на выпускном балу?

– То есть и ты понимал, что происходило тогда со мной? Но это случилось раньше ... Правда, может, тогда не в тебя по уши влюбилась, а в того мальчика, который бросал мне тайно по ночам во двор цветы. Так и не узнала, кто он. Это потом, на выпускном, я перенесла это чувство на тебя, ибо ты был очень похож в моих мечтаниях на инкогнито, Серёженька. Но, наверно, я ошибалась и в этом случае, поскольку ты исчез так быстро и бесследно.

– Я всегда помнил о тебе.

– Почему же не нашёл?

– Боялся, что посмеёшься над моим чувством.

– Странно. Сейчас молодые не боятся. По своей Леночке сужу.

– Дочери?

– Да. Они сейчас легко знакомятся и расходятся... После смерти мужа я боюсь остаться одна, Серёженька. А как у тебя? Всё в порядке? Впрочем, что я это говорю... Ты серьёзно болен, Серёженька...

– У меня, к сожалению никого нет. Жена покинула давно, не вынесла жизни в тайге. Я ведь геолог, Людочка.

– Я так и знала! Ты вздохнул мне рассказывал в нашей первой и последней встрече, как ты будешь бродить с рюкзаком в горах где-нибудь на Урале или Средней Азии.

– Вышло в Сибири...

– И давно у тебя проблемы со здоровьем?

– Не знаю... Молодым спал, где попало и на чём попало. Простудился видно. Потом длительное лечение и неожиданно такой вот приговор.

– Не отчаивайся, Серёжа. Что-нибудь придумаем. Хотя в той клинике, где ты лечился, асы в этом недуге.

– Я не за тем, к тебе на прием пришёл?

– А зачем же?

– Хотел увидеть тебя напоследок...

– Зачем ты так говоришь, Серёжа!? Я же сказала, придумаем что-нибудь.

– Поздно уже. И ты это хорошо понимаешь, как профессионал. Я ведь узнал о твоём существовании из недавнего интервью с тобой тележурналиста. Мне Виктор Пашин позвонил. Помнишь его? Так что случай помог. Но ты должна знать теперь, ведь это я тебе цветы бросал, людям милая девочка, я! Это были удивительные цветы. Вначале были ландыши, потом...

– ...потом пионы..., – продолжила Людмила.

– ...а после ромашки.

– Что же ты наделал, Серёженька! Ты заставил так страдать девочку, которая металась в мыслях, соображая, кто же это мог быть? И только случай остановил мой выбор на тебе. Ах, Сергей – Серёженька! Если бы ты знал, как сильна детская влюблённость. Если бы ты знал...

– Я знал, Людочка. И был благодарен судьбе, что она подарила мне это величайшее откровение, с которым я жил и дошёл до этого края.

– Не надо! – прикрыла ладошкой ему рот Людмила. – Ещё не всё кончено. Мы всё сейчас обсудим. Попьем чаю в ординаторской и придумаем, как тебя вытащить из этой ситуации.

– Ты же говорила, что меня лечили асы. Они же утверждают, что меня спасёт только донор. Но я не хочу ожидать смерти другого человека, чтобы занять его место в этом мире, который, ты же сама, наверняка, знаешь, не так хорошо устроен, чтобы о нём сожалеть. Мне важно сейчас другое, каким в тебе было то, оставшееся в детстве, откровение, которое посетило и меня...

– Почему осталось? Мы же обрели друг друга, Серёженька. И это откровение теперь уже в нас, как вознаграждение за всё наши жизненные испытания. Зачем же его терять?

– Нас объединил случай на той грани, за которой неравенство в положении одного нанесёт неизлечимую травму другому. Я шёл к тебе, будучи почти уверенным, что ты не только не узнаешь меня, но и не вспомнишь то, о чём вспомнили сейчас. Прости, Людочка, я закончу свою жизнь с осознанием, что такое великое чувство может быть разделено с женщиной даже по прошествии стольких лет. Мне почти пятьдесят. Я счастлив тем, что носил твоё имя в себе.

Ваганов держал её обе руки в своих, нагнулся и начал тихо целовать их...

Отказавшись от приглашения вошедшей медсестры выпить чашечку чая, Люда напросилась проводить Ваганова. Они шли по проспекту. Со стороны можно было видеть, как в годах мужчина и женщина о чём-то беседуют, держа друг друга за руку, часто заглядывая в глаза. А они изымали из прошлого подробности, которые были важны только им одним, и минувшее для них было важнее настоящего.

Прошло несколько дней. Каждый вечер они встречались украдкой в парке, гуляли и не могли наговориться. Но однажды Сергею стало совсем плохо, и он оказался в клинике. Людмила металась от него к своим коллегам в поисках возможности помочь Сергею. Наконец, однажды утром Людмила позвонила Ваганову в палату.

– Появился донор, Серёженька. Поздравляю! Тебе нужно срочно прибыть в Институт трансплантологии. Высылаю за тобой машину.

– Я знаю этого донора, милая Людочка. Догадался! Это, разумеется, ты...

Он задохнулся и продолжал:

– Как же я благодарен тебе за всё, родная моя! Я могу теперь тебе сказать именно так, потому как всю свою жизнь не смел даже подумать про себя об этом и назвать любимой женщиной. Поэтому не могу жертвовать даже дыханием твоим, не то, что здоровьем, любимая.

– Нет! Соглашайся, в противном случае ты заставишь меня страдать всю оставшуюся жизнь, я не вынесу этого! Я так долго ждала этих минут, чтобы видеть тебя, чтобы говорить с тобой и чувствовать, что ты рядом, что ты, наконец, мой!..

На одном конце города рыдала женщина, держа в руках телефон, из которого доносились прерывистые гудки, а на другом в реанимационной палате лежал человек с лицом, на котором одновременно со страданием обнажилась одухотворенность ухода в небытие.

– Сестра, сестра! Быстрее, человеку плохо! – простонал рядом лежащий недавно прооперированный человек.

Вокруг Ваганова засуетился дежурный врач и сестра. Он видел их ускользающие в тумане лица, на которых была печать потрясения и страха, и удивился тому, что воспринимал это спокойно, как бы со

стороны. Хотя понимал, что причиной такого потрясения был он сам, покидавший этот мир. Но у самого при этом не возникло никакого страха. Напротив, чувствовал какое-то освобождение от чего-то тягостного и мучительного...

Озерова – Сорокина на консилиуме врачей стояла на своём.

– Мы не имеем право не дать шанс больному! Только что из реанимационного отделения сообщили, что положение Ваганова ухудшилось. Чего мы боимся? Донор есть, только операция спасёт жизнь человеку.

– Людмила Михайловна! Мы не можем рисковать вашим здоровьем – ведущего хирурга ради безнадежного больного. Да, ваша почка может спасти ему жизнь. Подчеркиваю: может! Но, вы сами знаете, что в таких случаях нет полной гарантии выздоровления пациента. К тому же он категорически не даёт своё согласие на пересадку органа. Мы не можем преступить закон, – ярился заведующий отделом трансплантации. – Мы, слава Богу, едва вышли из этого надуманного «дела» о так называемых «злоупотреблениях в трансплантологии». И вообще, у хирурга должен быть холодным ум и сердце, вас же словно околдовал этот случай с больным Вагановым. Вы стали слишком чувствительными для врача. И, в конце концов, у меня есть полное право не проводить такую операцию.

– Есть у вас такое право, Алексей Иванович. Есть! И у нас с вами есть еще одно право – спасти жизнь человеку, который не может адекватно соизмерять происходящее в таком состоянии, в каком находится. У нас есть право вытащить человека с того света, если он не может уже дать своё согласие на операцию, которая, я убеждена, спасёт ему жизнь. Холодный разум хирургу нужен. Но мы, медики, так долго выстуживали свои сердца людей в нашем обществе, где стали доминировать только деньги, что человек для нас превратился лишь в объект наших деяний, а это еще и субъект, за каждым из которых стоит судьба, вселенная чувств, которые мы иногда просто убиваем...

– Вы удивительная женщина, Людмила Михайловна! Я могу понять всё, о чем вы говорите, но зачем вам всё это нужно? У меня на столе лежит ваша докторская диссертация, в которой два защищаемых положения – открытия, какие не могут быть оспорены ни одним членом ученого совета. Предстоящая защита это и результат достижений нашего института!

– Никуда не денутся эти достижения, Алексей Иванович. Я не собираюсь уходить из жизни. Кстати, я вам в выдающиеся руки настоящего хирурга вкладываю эту надежду выздоровления больного. Давайте не будем больше тянуть время и начнём готовиться к операции. А на счёт того, нужно это мне или нет, скажу. Нужно! Ибо, если я не помогу выкарабкаться этому человеку из данной ситуации, то перед Вратами, перед которыми всем когда-то нам придется стоять, мне будет противно осознавать, что я могла спасти этого человека, и вперила это в

свои мозги, а в результате испугалась и сотворила преступление перед самой собой. Присутствующим это пока трудно понять, поскольку, слава Богу, мы не можем еще овладевать душами человеческими...

Ваганов пришел в себя и, сквозь туман осознания происходящего вокруг, увидел чьи-то склоненные глаза.

– Как вы себя чувствуете?

– Не знаю...

– Ха! Он не знает! Хорошо вы себя чувствуете! Ишь, не знаю... Знайте же наших! Через пару дней вы мне расскажите са-амый смешной анекдот. И только про врачей. Непременно про них. Это моя страсть слушать анекдоты от тех, кто собирался уходить на тот свет. На этом еще не всё вы взяли от жизни. Так что живите! Операция прошла удачно. Теперь всё зависит от вас. А пока старайтесь ни о чём не думать.

– Доктор..., вы всё-таки имплантировали мне чужую почку? – слабым голосом спросил Ваганов.

– Да, дорогой. И ваш донор рядом с вами. Спит она. И молитесь за её здоровье. Это великая женщина, из нашенских, учтите! Таких людей на моей памяти я не встречал. Отдыхайте!

«Значит всё-таки это она... Зачем же она рисковала? Боже, я не хотел этого!»

Неожиданно слёзы умиления потекли по щекам Ваганова. Такое с ним случалось разве что в детстве. Вспомнил, когда спасённая им горлица тёрлась клювом о его щёку, будто умоляя погладить его. И он его гладил, а слезы благодарности за то, что она доверяла именно ему это и никому другому, сами сочились из глаз. Он их не стыдился ни тогда, ни тем более, сейчас. Только вот утереть их самому себе не хватало сил. Он чувствовал, как слёзы постепенно высыхали, стягивали кожу на щеках. Повернул голову. Немного в отдалении на реанимационной коляске лежала она. Он узнал её. Исчезнувшее напряжение лица было бледным, но прекрасным. Именно сейчас в нём проглядывались её детские черты.

«Как же я люблю тебя, милая моя! Чем же смогу отплатить за твой порыв продлить мою жизнь, в которой было всё, кроме тебя. И этому «всё» не удивлялся я, а воспринимал его таким, каким оно было – чужим. Сам же находился в стороне от всего, что происходило вокруг меня, ибо не видел тебя в этом «всё». Была только память о тебе и образ, который иногда приходил и исчезал. И в такие минуты я был счастлив. Теперь, когда ты оказалась рядом, я боюсь своей немощи, боюсь за тебя, милая женщина, горлица, покинувшая в детстве и прилетевшая ко мне... Спасибо, что ты есть, родная. Спасибо миру, который подарил мне хотя бы в последний вздох моего пребывания в нём, почувствовать разделённость глубокого чувства, в которое верил, но не мог знать его глубины...

Это была молитва благодарности женщине, любовь которой вернула его *оттуда*...

Во сне Ваганову опять явилась горлица. Но не в той детской яви, какая заставляла трепетать его чувства. Горца билась о стекло, взывая к нему, а он не мог пошевелиться, ибо какая-то тяжесть придавила ноги, а руки налились свинцом. Он пытался кричать и звать её, но не слышал собственного голоса. А птица билась о стекло, теряя перья, потом, скользнув клювом по прозрачной его поверхности и прежде, чем исчезнуть, явственно позвала его за собой.

– Серёженька, проснись, дорогой! Серёженька...

Ваганов очнулся. Ослабевший голос Людмилы от противоположной стены реанимационной палаты повторял и повторял его имя.

– Что, плохо, родной?

Сергей улыбнулся ей. Нет, милая, всё хорошо. Сон только вот странный приснился.

– Ты то ли бредил, то ли во сне звал кого-то. Мне показалось какую-то женщину...

– Горлица это, горлица... Голубка дикая из детства моего прилетела и билась о стекло. Мне даже показалось, что она хотела в палату залететь к нам.

– Расскажи мне о ней, Серёженька, – попросила она шепотом.

И Сергей рассказал ей о птице своего детства, которой первой признался в детской любви. Как та однажды покинула его, и как он страдал от этого. Потом добавил:

– Позже, когда я заметил тебя, невольно сравнивал с этой дикой птицей.

– И что вышло?

– Вышло то, что я полюбил тебя той страстью, какую сохранил до сего дня.

– Это красивая сказка, Серёженька, – вздохнула Людмила.

– Ты не веришь в неё?

– Верю, Серёженька, верю, дорогой. Но уж больно красиво получается. Так не бывает в жизни.

– В детстве я мечтал рассказать тебе об этом. Не думал, что это произойдет в такой обстановке.

– Ты о чём-то жалеешь?

– Да.

– О чём же?

– Что не могу предложить тебе пойти за меня...

– А ты предложи, Серёженька...

– Прямо сейчас?

– Прямо здесь и сейчас!

– Я, я люблю тебя, горлица моя! И хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

– Я мечтала об этом...

– Ты согласна?

– Мне надо подумать, Серёженька. У меня же дочь.

– Но это же не может быть препятствием, Люда!

– Возможно. Но ты не торопи меня, Серёженька, хорошо? Вот оба выкарабкаемся отсюда...

– А что-то не так получилось с операцией?

– Всё так, милый. Всё хорошо. Но в таких случаях бывают осложнения и страдания, Серёженька.

– Надеюсь, что тебе это не грозит?

– Любое вмешательство в организм человека – это риск, друг мой,
– уклончиво ответила она.

– Прости, я не мог еще поблагодарить тебя за то, что ты сделала для меня. Теперь часть тебя во мне, милая. И уже меня ничего не страшит, даже если всё закончится плохо. Для меня, конечно.

– Ты не боишься смерти, Серёженька?

– Кажется, нет, милая. Теперь точно нет, потому, как моя детская мечта сбылась. И я слишком часто смотрел смерти в глаза и свыкся с осознанием, что она неминуемо когда-то наступит.

– А я почему-то сейчас боюсь её, Серёженька.

– Давай не будем думать об этом, милая.

В дверь палаты вошли врачи. Вначале они подошли к Ваганову. Обменялись несколькими, ничего не значащими для пациента фразами и сгрудились около донора. Перешли почему-то на шёпот. Быстрым шагом вышла сестра и вернулась с капельницей. Двое врачей склонились над каким-то большим прибором и о чём-то тихо рассуждали. Потом стало тихо.

– Ладно! – наконец громко сказал один из врачей. Надо что-то делать в этой ситуации. Необходим консилиум. Операция предстоит сложная...

Когда коляску Людмилы выкатывали из реанимационной палаты, она попросила, чтобы её ближе подвезли к Ваганову. Их лица оказались рядом.

– Я согласна, Серёжа, согласна! Всё хорошо, не волнуйся. Потерпи немного. Мы не скоро увидимся, только будь умницей, делай всё так, как тебе будут говорить врачи. Поправляйся быстрее...

Она прикрыла глаза.

– Всё плохо, Люда?

– Напротив, Серёжа. До свидания!...

– Странно, но у больного вообще никаких осложнений не наблюдалось, – отчитывался лечащий врач Ваганова перед академиком, возглавлявшим врачебный обход, пока тот внимательно осматривал больного. – Мы намерены выписать его на амбулаторный режим.

– Когда?

– На следующей неделе, Игорь Ибрагимович.

– По-моему, его уже нечего здесь задерживать. Готовьте к выписке. А вас, я поздравляю с успешным предприятием, Сергей Леонидович, – похлопал по плечу хирург Ваганов. – Теперь вам щадящий режим не пару-тройку месяцев и вы сможете потихоньку подумывать о работе. Вы геолог, кажется?

– Да!

– Но напрягаться слишком вам уже противопоказано. Берегите себя. Ваша жизнь теперь вдвое дороже...

– Профессор, а как дела у Людмилы Михайловны?

Профессор посмотрел вначале на главного, потом на лечащего врача.

– Вам, конечно, ничего не говорили об её состоянии?

– Нет.

– Ну и к лучшему... Она ушла от нас, Сергей Леонидович. Ценой своей жизни она спасла вас, дорогой наш человек. Так-то вот... В себе вы теперь будете нести частицу этой великой женщины. Не посрамите имя её, пожалуйста. Кстати, завтра сорок дней, как её уже нет среди нас... Вы бы её дочери позвонили. Телефон вам дадут. И сказали бы какие-то слова утешения. Только вы помните, что тайна донорства остается тайной. Особенно для Леночки.

«Вот оно преступление, которого я не совершал, но явился причиной его. Какая же мне нужна кара, чтобы я мог принять её на себя, уверовав в том, что расплатился сполна за смерть любимой, образ который так долго хранил, но не мог уберечь от жалкого желания разобраться в себе со своим откровением. Зачем это нужно было мне? Зачем я нашёл её?», – стегал мысленно себя Ваганов, упав навзничь на диван, отдававший пылью, давно не видевшей влажной уборки своей квартиры.

«...А-а! тебе захотелось нечто большего, что лежало за гранью возможности взаимности, которую ты хотел обрести перед своим концом. Твой эгоизм погубил вначале её, а тебя заставил метаться, как горлицу в клетке, которую обманули, спасая от голода, но взамен отлучили от свободы. Ты обыкновенный подлец, Серёжа, жаждущий больше, чем тебе было отведено в этой жизни. Ты захотел большего, а потерял всё! Ты теперь противен даже самому себе».

Ваганов поднялся, открыл балкон. Свежий ветерок отогнал от него духоту заброшенного жилья. Слегка тронутые желтизной листья, не вовремя пришедшей осени, угнетали неотвратимым концом лета, в котором недавно было всё для него, но ничего не осталось. Глянул вниз. Около клумбы играла девочка.

«Сейчас рядом с ней раздастся глухой звук о землю, и всё будет кончено... Я устал от жизни и ожидания смерти. Я устал от всего, что

окружает меня, что не принесло мне удовлетворения тем, что жил на этой земле...».

– Лена! Выйди из клумбы! Пойди в песочницу играть! А то ведёрко твое и лопаточку возьмёт кто-нибудь, – раздался голос женщины из нижнего этажа.

«Лена, Леночка... Как же я смогу утешить тебя чем-нибудь!? Да и чем, милое моё дитя?», – пришёл в себя Ваганов.

Эпизод с ребёнком из нижнего этажа вернул его к ощущению жизни.

Ваганов вернулся к столику, где стоял телефон. Набрал номер. Голос Леночки был спокоен. Она благодарила за соболезнование и неожиданно предложила встретиться.

– Мне Вам кое-что надо передать. Мама сказала, что это очень важно для Вас.

– Где мы встретимся? – чуть не задохнулся Ваганов.

– Я сама к Вам приеду. Вам нельзя сейчас сильно напрягаться. Расскажите, как к Вам добраться?

Вечером в дверь Ваганову позвонили. Когда он открыл, на пороге стояла... Людмила... Так была Леночка похожа на свою мать. Впечатление было настолько сильным, что Ваганов отшатнулся.

– Вам плохо, Сергей Леонидович?

– Простите... Вы так похожи на свою маму в детстве... Проходите, пожалуйста!

Лена прошла в зал. Села на край кресла у журнального столика, вынула из сумочки конверт и передала его Ваганову.

– Это письмо от мамы. Она просила передать его перед смертью... Знаете? Она рассказала мне всё о вас. Что вы оба в детстве любили друг друга, но жизнь разлучила вас. И когда вы, в конце концов, встретились, у мамы обострилась какая-то прошлая болезнь. Мама умерла скоропостижно после двух сложных операций. Она очень меня просила не встречаться с Вами до Вашего выздоровления. Боялась, что Вы можете не пережить её уход...

В глазах Леночки появились слезы. Ваганов тихо опустил на колени и поцеловал её руки.

– Простите меня, Лена!

– За что, скажите?

– За то, что я не смог уберечь нашу маму... Я вчера только узнал о её смерти.

– Вы сказали нашу маму?

– Да, Леночка, да!

– Спасибо Вам, Сергей Леонидович. У меня теперь никого нет, кроме Вас и старенькой бабушки, но она далеко отсюда, под Саратовым. Ваганов целовал руки Лены, пока она мягко не отстранила его.

– Что Вы, полно Вам, Сергей Леонидович, довольно!

Ваганов поднялся, сел напротив Лены и взял в руки конверт.

– Я лучше уйду, Сергей Леонидович, а Вы распечатаете конверт наедине и прочтёте... Я думаю, что Вам нелегко будет.

– Погодите, Леночка, я всё-таки прочту его при Вас. Я не знаю, что она мне написала, но прежде я хочу сказать Вам, не откажите мне, пожалуйста, в том, что бы я мог принять хоть какое-нибудь участие в Вашей судьбе.

Леночка опустила голову.

– Я с благодарностью приму Ваше предложение. Поскольку понимала, как любила Вас моя мама. Я бы так, наверно, не смогла полюбить... Всю жизнь она ждала того часа, пока случайно Вы не встретились... Я думала так не бывает в жизни.

Ваганов вскрыл конверт. Врачебная необходимость много и быстро писать, видимо, не повлияла на ровный почерк любимой женщины. К тому же он никогда не видел раньше, как она писала.

«Мой хороший, здравствуй и прощай! Я так тебя долго ждала, милый мой, и когда ты появился, мне показалось, что я только тогда по-настоящему начала ощущать окружающий меня мир. А теперь я от тебя ещё дальше. Спасибо, что тыл был в моей жизни. Радуйся ей за нас двоих и никогда, даже во сне не обижай горлицу свою. Пусть это буду я в остатке твоей жизни. А я перед последними моими Вратами теперь спокойна, что смогла продлить тебя в мире, в котором так мало любимых, так краток этот миг откровения перед любящими людьми. Пожалуйста, сохрани любовь ко мне и если сможешь, постарайся Леночке заметить меня. Прощай, любимый!»

Ваганов встал и протянул письмо Леночке.

– Кажется, мама наша адресует это нам обоим.

Когда Лена прочла письмо, расплакалась, а, успокоившись, спросила:

– А о какой горлице идет речь в письме, Сергей Леонидович?

– Я когда-нибудь тебе расскажу об этом, Леночка. Непременно расскажу.

Он обнял за плечи девушку и ощущение того, что рядом вновь оказался птенец его горлицы из далёкого детства, уже не покидало его.

ОЗЕРО

Кремовый оттенок неба отразился в чернеющей чаше озера. Его почти стеклянная гладь, похожая на застывшую от первого мороза воду, в отраженном свете июльского утра возвращала изящество гармонии оттенков тонов и полутонов в атмосферу тишины и лени.

Ни звука, ни дуновения ветерка. Откуда-то сверху раскатисто прошла барабанная дробь дятла, и тут же оборвалась у обрывистого берега, на котором в частоколе чахлых лиственниц скрывалось зимовье.

На пороге открытой двери зимовья сидящая фигура старика казалась неподвижной, как сам воздух, как розоватое небо и черная гладь озера.

Старик смотрел на озеро и не видел его. А зрел розоватое утреннее небо в нём, по опыту предвещавшее близкую непогоду, которую скрывали на горизонте отроги горной цепи, едва просматривающиеся сквозь пелену дымки – признак далёкого таёжного пожара.

Тайга горела давно. Иногда дым заполнял всю широченную долину Сунтара. И терпкий запах горелого торфа вызывал у старика приступы астматического кашля. Покрасневшие глаза всматривались в пелену неба неразличимых времён суток и не замечали перемен, которые бы давал надежду на то, что всё это когда-то кончится. В груди наступит облегчение у старика, и он займётся обыденными делами таёжника.

Старик неожиданно встал. Из-под навеса, где в три ряда были сложены чурки заготовленных дров, вышла собака. Потянулась. Зевнула громко, подошла к старику, лизнула руку. Старик потрепал загривок пса, снял под стрехой с торчавшего комеля бревна торбу, перекинул через плечо её ремень и направился к озеру. Тропа скользнула вниз и вывела к почерневшей от времени деревянной лодке из дранья плотно подогнанных досок.

Собака посмотрела в глаза хозяину. Тот махнул рукой и пёс, взвизгнув от удовольствия, что получил разрешение на свободное обследование окрестностей озера, скрылся в прибрежной осоке.

Старик бросил торбу в лодку, оттолкнул веслом утлоё судёнышко и поплыл вдоль озера. Его водную гладь всколыхнуло лёгкое волнение. От него в отражающейся воде розоватое небо пришло в движение. Покачивалось вместе с лодкой, рыбаком, подступившей к самому озеру тайгой.

Впереди лодки берёзовые поплавки сети пришли в движение, задергались и потонули, когда лодка подошла вплотную к сетке. Старик осторожно положил весло, дотянулся до шнура и потянул его, нанизывая на поплавки из берёзовой коры части сетки. В изрядно изорванной снасти торчало несколько крупных рыб. Старик освобождал

запутавшихся сивов осторожно, боясь повредить и без того потрепанную сеть. Бросал рыбин на дно лодки. Добрав до конца небольшой кусок сети, старик несколькими ударами вёсел направил лодку дальше от берега, снимая по ходу с поплавков куски снасти. Наконец, немного натянув её, встряхнул и отпустил сеть.

Лодка едва покачивалась на чёрной глади озера. Фигура старика и лодки, словно застывшее на полотне художника изображение, слились с тёмной гладью воды и были похожи на призрак нелепости, мозолившей на застывшей её глади, вобравшей в себя сразу и розоватость неба, и черноту бездны озера, и расплывшуюся в дымке салатную зелень тайги. Старик то ли задумался, то ли задремал. Столь неподвижен был его сгорбленный силуэт, похожий на давно застывшую мумию.

Наконец само расплывшееся в пелене дымки солнце выглянуло из-за ближайшей сопки красноватым пятном. На небе яснее обозначились взмученные струи тонко переплетающихся облаков, словно где-то высоко-высоко стеной из-за хребта разворачивался вихрь. И сразу же всё преобразилось. Подул слабый, еле ощутимый ветерок. Всколыхнул рябь озера, и оно, вместо чёрного, стало пепельно-серым. Исчезла розоватость неба, превратившись в плесень, подёрнутую клочковатой поверхностью пришедших в движение облаков, потухла глубина озера.

Старик словно очнулся. Поднял голову. Смуглое от солнца небритое лицо оживилось едва заметной улыбкой, будто бы что-то ему удалось прочесть в небе, адресованное только ему. Медленно приподнялся и встал на дно лодки. Сухая, точно бы высушенная на ветру рыбина линия фигуры старика на горизонте совпала с красноватым расплывшимся пятном солнца. Точно бы размытый нимб осиял его голову. Это длилось мгновение. И то ли старик потерял равновесие, то ли поднявшееся волнение было тому виной, но неожиданно старик взмахнул руками, лодка перевернулась, и он исчез в воде. Словно растворился в волнах озера. Перевернутая лодка медленно уходила к противоположному берегу, пока не прибилась к нему.

Неожиданно где-то зарокотал гром. Мелкий дождь испещрил волнующуюся поверхность озера. Капли солдатиками выскакивали из воды, словно бы выглядывая, дабы разобратся в происходящем. Но дождь усилился и уже стеной и с ветром погнался за уплывающими вниз по долине реки клочьями не то тумана, не то приглушённой гари.

Лил долго. Но прекратился так же неожиданно, как и начался. Волнение озера улеглось. Чернь его зеркала оттенялась с новой силой на фоне просветлённого неба. Тлевшие где-то далеко за хребтами пожары, видимо, погасли. Умытая и сочная зелень тайги отдыхала. И на фоне умиротворенности стихии природы пространство разорвал жуткий и пронзительный одинокий вой собаки. Он взлетал к небу, эхом отдавался вдали и возвращался.

Потом собака бегала вкруговую озера долго в надежде отыскать след хозяина. Но следа, выходящего из озера, не было.

Обессиленное животное вернулось к зимовью, положило морду на порог пристанища исчезнувшего хозяина, задремало. Оживившийся комар после дождя облепил морду собаки, её брови, лапы. Но она, видимо, ничего не чувствовала. То ли заснула, то ли уже догоняла своего хозяина.

ИРГИ

Эту часть написанного курсивом рассказа пронизательный читатель может опустить, поскольку нет такого человека в России, который бы не знал, что представляют собой дороги в нашей Богом, хотя ещё совсем и не забытой, но и не обласканной Им стране. И по этому поводу иногда в устах русского человека проблема отсутствия дорог или недостатка даже плохих в нужном месте, выглядит не то, чтобы злопыхательством, но скорее откровением, за которым находится грань понимания происходящего в России любым, обладающим здравым смыслом иностранцем, посещающим безмерные наши веси. Например, чужеземец, не способен взять в толк, почему же тема необходимости иметь хорошие дороги может существовать у нас вечно, если люди хотели бы непременно передвигаться и быть счастливыми от наслаждения движением и бытием ...

В том-то и заключается сущность подобного недомогания иноземцев, не способных понять всей прелести и романтизма борьбы за существование в условиях бездорожья. Им, с хорошими дорогами, жизнь может показаться наскучившей и даже утомительно пресной, поскольку на любом отрезке её не возникает никакой новизны. Ни тебе ухабин, ни зияющих дырами мостов. Одни знаки впереди, вещающие: кемпинг, закусочная, заправка, гостиница.... Пожалуй, кроме указателя отхожего места, кое непременно предусмотрено в любом случае, где дорожный знак предполагает хотя бы минутную остановку путешественнику. Но не у нас. Сморд, истекающий из «скворечников» с надписями «М» и «Ж» означает не возможность облегчиться, а неистребимое желание проследовать как можно дальше и быстрее, дабы испытать это наслаждение где-нибудь под берёзой или ёлочкой, но непременно на лоне... Пока всё придорожное лоно не превратится в отхожее место...

Наше же счастье и удобства езды по дорогам, гарантирующим только (и то не всегда!) направление передвижения, находятся в каком-то другом измерении, а каком, мы и сами не ведаем. А один мой знакомый предприниматель даже вынашивал идею привлечения иностранных туристов в Россию, чтобы те, заплатив деньги, ощутили прелесть бездорожья и состояние души человека, которому необходимо вернуться в родные пенаты, когда поджидает время или возникают иные обстоятельства, но отсутствуют дороги. Подобный адреналин вряд ли они найдут в своей собственной стране, пронизанной паутиной дорог, за проезд по которым надо

платить. А здесь – не надо на это раскошелиться, поскольку платить-то не за что. Так что неизвестно, что выгоднее... Хорошие дороги или отсутствие оных.

Страшнее всё же, когда в бездорожной России бросают эти самые дороги, вместе с посёлками и людьми. И нет тому объяснения, кроме одного – стремления к непостоянству, заложенному в душе русского человека, не желающего знать, что он хочет, но желающего найти ту национальную идею, которой он будет сыт по горло без дорог и весей, с ощущением обрётённой им самости.

Как выглядят наши дороги, так стороннему наблюдателю представляется и жизнь вокруг неё и тех окраин, которые дороги соединяют. Поскольку в России дороги всегда представляли собой неразрешимую проблему для тех, кто управлял страной и кто жил с ней и в ней, то и жизнь в отечестве представляла собой неразрешимую задачу, о которой знали, говорили, но свыклись с её неразрешимостью. Временки, коих в России меньше, чем деревень, сел и городов, поскольку одна дорога могла быть единственной связующей нитью для нескольких из них, становились мерилom, образом и смыслом существования всех и всего. Представлялось, что сама жизнь людей в бескрайних российских весях казалась временным явлением для тех, кто отваживался селиться в Богом забытых углах. Такие временки (лежнёвки в лесах и просёлочные дороги в пустоши, след от машин, тракторов или просто колея) становились постоянной болью для живущих вблизи этих дорог. Болью, схожей с зубной, кто не мог решиться идти на прием к стоматологу, а для других, не ведавших, как по бездорожью добраться до зубных дел мастера.

Временность в России всегда была показателем постоянства, висевшей над нами во все исторические времена. Ибо временность власти не позволяла ей печься о своих вотчинах. *Временное* же народом воспринималось как *постоянство временности*, олицетворявших единство противоположностей, принимаемых чужаками за национальную идею вольницы российской, простирающейся так далеко, что некоторые люди, прожившие всю свою сознательную жизнь в своих углах, так ни разу и не видели тех окраин, кои простирались за ними... Потому и участь окраин и судьбы столиц были своими противоположностями, отчего в России во все исторические времена никогда не проявлялось единство в понимании смысла своего существования, кроме тех годин, когда нужно было не жалея живота своего защищать бескрайнее отечество от перманентных посягательств на то, что не могло объединить людей в мирные времена.

Развилка двух дорог, открывшийся в нагорье перед Сениным, ехавшим с водителем в Оймьякон, выглядел тоже как две судьбы.

Одна дорога накатанная и ухоженная – символ благополучия и перспективы существования всего того, что она связывала, другая представляла собой полузаросшую тальником, да полярной берёзкой колею, обходящую давно разрушенный деревянный мост возле последнего языка наледи. Он, построенный ещё ГУЛАГовцами, рухнул давно и лежал посреди долины, как разорванная на три части змея. Водители или просто рыбаки, случайно забредшие на эту дорогу, уже начали пилить его на дрова. А поскольку он был длинным, то, вероятно, долго еще не придётся случайным людям ухать топором по окрестностям чахлой тайги. Высохшие брёвна – чем не топливо. Вот и послужит ещё мост, но уже только телом своим. Не сгорел и не сгнил сам, сожгут те, кто не строил его.

Ухоженная же часть дороги, помеченная многочисленными знаками, предупреждающими, что ожидает водителя за ближайшим поворотом, звала в перспективу низкогорья с корытообразными заболоченными долинами и представляла собой новую часть легендарной трассы Северо-Востока. На обочине её стояла заправка, представляющая собой подрезанный домик-цистерну с дверью и окошком, да двором, открытым всем ветрам, где расположились несколько цистерн с дизельным топливом и бензином.

Вначале за стеклом небольшого окошка перед водителем неожиданно являлось небритое, выглядевшее заспанным и безразличным ко всему происходящему вне домика-цистерны, лицо заправщика. Появившись, оно исчезало. После какого-то шороха, шарканья за окном маленькая дверца окна, наконец, открывалась, и в ней показывались, вот как сейчас перед Сениным, две волосатые руки. Они взяли деньги, бросили их в рядом стоявшую коробку из-под обуви с невероятными вензелями иностранной фирмы. Лицо заправщика, не глядя на водителя, кивнуло в сторону стойки с дизельным топливом и также внезапно, как и появилось, снова исчезло за выгоревшей на солнце шторой с мелкими цветочками неясного цвета. Бочка-дом снова, кажется, умер до следующего, желающего пополнить порожний автомобильный бак шофёра.

– Эй, служивый, где лучше проехать через речку, здесь или за мостом? – крикнул водитель бочке-цистерне.

– Здесь лучше..., – глухо донеслось из бочки. – Под наледью за мостом объезжают уазики, идущие на Оймякон. Но там можно утонуть в ригелях, – дежурно раздался голос заправщика, и всё снова стихло.

– Пойдём в обход! – махнул рукой водитель и развернулся к развилке старой дороги.

Это была не дорога, скорее, след, которым пытали судьбу небольшие автомашины, чтобы перебраться на ту сторону Кубумы. След петлял между протоками замысловатыми виражами, обходя глубокие места и зыбуны выше порушенного деревянного моста, где за небольшим тальниковым пролеском неожиданно появлялись серые,

местами уже ободренные дома – посёлок дорожников с одноименным названием.

Посёлок как посёлок, каких немало было разбросано по трассе, воплощая освоенность территории, на квадратный километр которой не приходилось и одного жителя.

В «застойные времена умирающего социализма» здесь было всё: шоферская со всеми мыслимыми северными удобствами; приличная столовая, работавшая круглосуточно; двухэтажная каменная типовая гостиница, магазин, заправка, ремонтные цеха с дорожниками. Все дома дорожников были подключены к центральному отоплению. Проезжавшие на Магадан или Хандыгу водители, обязательно затоваривались ароматным хлебом, булочками, пирожками, пончиками и в качестве презента привозили их близким или друзьям. Как подарок от зайчика таёжного. Уж больно они напоминали традиционно домашнюю вкусность с каким-то особым способом приготовленную изящность. Оторванность от материка люди не ощущали. Радио и цветное телевидение было в каждом доме. Было и удовлетворение тем, что они делали нужное дело.

Другое сейчас. Поросшие бурьяном и иван-чаем полуразрушенные дома, с коих смотрели чёрными глазницами оконные проёмы, сорванные и болтающиеся, скрипящие проржавевшими петлями двери под напором едва поднявшегося со стороны наледи ветра, вещали уныние разорения, словно по посёлку прошла какая буря, или он был объектом испепеляющего нашествия, целью которого было только одно – разор. Но ни того, ни другого не случилось. Нашествие исходило от представления тех, кто сверху управлял жизнью этих людей, признавших посёлок, с таким трудом отстроенный, в которого вдохнули когда-то жизнь, от которого зависела судьба трассы и обжитых посёлков возле неё, да и самих людей, «бесперспективными». И потому что осталось здесь (детские кровати, коляски, холодильники, телевизоры, столы, стулья, омытые дождями и побитые морозами шкафы, брошенные теплицы, превратившиеся уже в рухлядь), сдавалось, что жители дома покидали в спешке. Поскольку нажитые и с таким трудом и доставленные сюда пожитки увозить было накладно. Потому и побросали скарб.

И в одночасье рухнуло всё: и посёлок, и судьбы людей, связавшие свою жизнь с Севером, и мосты старой дороги. Её, извивающееся между пологими склонами нагорья тело, точно бы оборванная нить с высоты современных спутниковых систем, пунктиром огибало сопки, ныряло в ручьи и тянулось к другим, также доживавшим свой век посёлкам оленеводов, дорожников, словно вопрошало к небу, мол, что вы сделали, люди с тем, что создавали сами с таким трудом?! Вы, надеждами и чаяниями, а где и костями по злой воле или иронии судьбы колесованной страны, когда-то засыпавшие болота и прорезавшие овраги ради того, чтобы оживить это вечное безмолвие, проложили дорогу во времена не самые лучшие для отечества, поставили посёлки.

Но, так и не обжив их по-настоящему, бросили, чтобы потом, словно опомнившись от зелёного похмелья, станете поднимать всё заново, но уже с большими тратами, призывая народ к новой волне заселения Севера, коих было уже итак немало, но все они так и заканчивались ничем.

Житие в условиях постоянных перемен – крест, которым осенён русский человек, не ведавший никогда постоянства наслаждения своим делом. Оттого всякий раз передавал своим отпрыскам необходимость, а то и неизбежность новых перемен. Может, по этому наши веси и дороги всегда выглядят не обустроенными, потому как зачем тщиться на это, коли, за этим последует организованное кем-то новое разорение.

Ирги была последней из тех, кто покидал посёлок и дом. Ещё крепкий, срубленный одним из первых поселенцев, коего она помнила добрым и тороватым, дом с плотно прилегающими и лишь от времени потемневшими брёвнами от венца к венцу, сейчас вырастал из буйного разнотравья и вездесущего иван-чая среди нелепости разорения, а потому выглядел такой же нелепостью. Только она (нелепость), в отличие от пустоши и разора, была нелепостью обитаемого острова среди безлюдного нагорья, над которым поднимался дымок, свидетельствующий о том, что не всё ещё вокруг вымерло. И это «не всё» диссонировало с безмолвием гольцов, у подножий покрытых чахлой лиственницей, кедровым стлаником. И со стороны «не всё» выглядело такой же напраслиной сопротивлению обступившего со всех сторон тишью опустошения.

Женщина закрыла дверцу проржавевшей железной печи во дворе, поставила на неё чайник. По привычке, было, потянулась к боковому карману выгоревшей на солнце стёганой куртки, но, вспомнив, что последнюю сигарету она выкурила ещё вчера, махнула рукой. Наклонилась к кукану с рыбой, и начала её чистить. Чистила здесь же, у печки на пне. Внутренности подбирала кошка. Проглатывала их жадно и смотрела в глаза хозяйки всякий раз, когда та не успевала достать потроха.

Хозяйка тоже была голодна. Хариуса под наледью было мало. И ей пришлось полдня бродить с удочкой по ямам далеко от поселка, чтобы наловить рыбы к ужину. Вышло впрок. Потому всю рыбу разделила на две кучки. Одна – поменьше – к ухе, вторая – к засолке.

Ирги не хотела готовить дома. Там, в наступающих чуть приглушённых полярным днём сумерках августовской ночи, было не уютно, хотя комнаты и кухню она поддерживала в чистоте и том неброском убранстве, какое обычно встречалось в оторванных от цивилизации заброшенных таёжных весях. Здесь, во дворе, взгляду женщины открывался простор нагорья, чахлая тайга на склонах, в расцветке тронутая едва заметными изменениями ещё не приближающейся осени. А небо в заходящих лучах солнца блистало

феерическим нимбом святости уходящего за горную цепь, уже бегущего навстречу ночи дня.

Усталость взяла своё. Ирги склонила на грудь голову и задремала в потёртом кресле, притащенном ею из разорённого холла бывшей шоферской гостиницы. И это кресло, железная, давно прогоревшая печь с большой жестяной трубой, и женщина, среди утонувших в зарослях иван-чая развалин, выглядели какой-то иронией естественной дикости нагорья и искусственного разорения, исходящего от человека.

– Давай, Савелич, свернём вон к тому дому, – бросил Сенин водителю. – Дымок там виднеется. Зачаюем. Что шарашиться по пустоши брошенного посёлка и место искать.

– Там старуха живёт. Ирги. Живая последняя душа на триста вёрст вокруг. В бедности. Говорят, голодает.

– Поделится, чем Бог послал. Больно не хочется останавливаться, где попало. Не люблю брошенное жильё. От него смертью веет.

– А кто его любит, брошенное-то.

«Урал» остановился прямо во дворе. У топившейся печи стояла женщина, прикрывая почерневшей от солнца ладонью слезящиеся глаза.

– Здорово, хозяйка! Чайком угостишь? – доброжелательно обратился к ней водитель, шумно захлопывая кабину машины.

– Воды много, не жалко. А куда путь держите?

– В Оймякон.

– А обратно, когда?

– Обратно зимой. К старателям железки всякие везём.

– Железки... Кому они нужны, железки теперь, когда посёлки бросают. А я думала, что скоро и обратно пойдёте. Глядишь, старухи что-нибудь привезли бы. Кроме соли и спичек ничего больше нет... Закурить есть?

Савелич достал из грудного кармана начатую пачку сигарет и протянул женщине.

– Оставь себе, у меня ещё есть, – отвёл руку старухи, протянувшей ему обратно сигареты, водитель.

Женщина сделала подряд несколько затяжек. Удовлетворённо вздохнула.

– Без хлеба можно ещё. Без курева не могу... А кто это с тобой?

– Геолог со старательского полигона.

– А-а... Работает ещё народ. Не всё золотишко выгребли, значит. Выгребут всё, оставят и Север. К чему тогда здесь прислоняться. Не к чему.

– Здравствуйте, мамаша! – поздоровался Сенин и поставил большую сумку около кресла.

– Здравствуй, однако. Садись, уха, кажется готова. Пока похлебаете, чай заварится. Заварка есть?

– Есть.

Геолог начал, было, рыться в сумке, потом неожиданно высыпал её содержимое прямо на притоптанную и высохшую траву. Достал пачку чая и протянул женщине. Та внимательно осмотрела большую упаковку.

– Хороший видно. Пахнет хорошо. Я тоже засушила травяного. Каменушка, кислица, почки берёзовые, душица, иван-чай. Сбор хороший. Потом угощу. Первяк заварю вашим. Долго стоять будете?

– Нет, отобедаем и... «по коням!», ответил Савелич.

Старуха докурила сигарету. Осторожно притушила окурок и положила его на обветшалую от дождей, солнца и ветра тумбочку. Приоткрыла дверцу. Достала две чистые тарелки – из бывшего общепита шоферской столовой.

– Наливайте ушицы. А я потом. Некуда мне торопиться.

– Да садись ты, мать! Откушаем вместе и по пол кружечке выпьем, – бодро предложил Савелич, вытаскивая из сумки бутылку водки, снесь всякую.

При виде бутылки, глаза старухи засветились.

Ты погоди, милоч, я сейчас сервис устрою. – И женщина скрылась за дверью дома.

Через минуту-другую она вышла с потёртым цветным подносом, на котором стояли три высоких стеклянных, испещрённых какими-то красными вензелями стакана из тонкого стекла.

– Из былой роскоши осталось. В холе гостиницы когда-то красовались. Бывало, наше дорожное начальство жаловало приезжих. Теперь вот подобрала. Правда, нечего в них наливать...

Савелич откупорил бутылку, налил в два стакана, а себе плеснул в кружку.

– А ты что сервис не поддерживаешь? – сказала старуха.

– Ну, его, сервис твой. Стакан больно высокий и голову запрокидывать надо. А из кружки нос поглубже... и – нету-ти радёмой. Поехали!

Старуха попыталась выпить в один глоток из стакана. Не получилось. Вылила остаток водки в кружку. Допила. Итожила:

– ...действительно не удобно... Для чего тогда хренотень такую держали в буфетах...

Сенин не последовал примеру. Пригубил стакан и аккуратно поставил его обратно на поднос.

– Что, не идёт, радёмая? – заметила женщина.

– Не идёт, мать, – ответил геолог.

– И то хорошо. Зачем привыкать в таком возрасте. Я, правда, в семь лет, тогда ещё на восьмом прорабстве, спросонья выпила пол стакана водки залпом. Думала вода в стакане была. А это, мужики не допили с вечера, и в стакане водка-то и осталась. Сразу не почувствовала. А когда вдохнуть хотела, закашлялась, воздух хватать

ртом начала. Мать проснулась и давай трясти меня. Еле отошла я. Потом очень плохо было. Думала, помру. Но отлежалась, однако...

Старуха потянулась за ломтиком колбасы, бросила его в беззубый рот и, причмокивая, продолжала. Кошка потёрлась о ноги хозяйки. Старуха достала из кастрюли голову хариуса и положила перед ней на траву. Та понюхала и не притронулась.

– Ишь ты, колбасу учуяла. А хариус уже не мясо ей, окаянной. Животина и та разнообразию хочет. – И снова продолжила рассказ о своём.

– Матери моей, царствие ей небесное, – не перекрестилась, – вольницу дали при женском лагере, что на сто двадцать пятом был в своё время. Кашеварила там. А меня ей, до суда, заделал какой-то партиец из-под Вологды. Оно и к лучшему. Так как беременной женщине какая никакая привилегия была при лагере. Потому, может, и выжила. А когда через три года после смерти Сталина лагерь наш ликвидировали, пошла мать таскаться по дороге от барака к бараку, покуда не достроили трассу. В пятьдесят старухой совсем стала. Померла, не мучаясь, в зимовье на Прижиме. Сразу. Похватила воздух, как я после того, как водку за воду приняла, и всё. Кончилась. Зима была. Мало машин ходило тогда. На пятый день только помогли мне похоронить мать проезжие шофера. Они знали её. Помянули мать, а меня забрали сюда.

Старуха потянулась к хлебу. Понюхала его. Положила обратно. Вздохнула.

– Посёлок тогда только начал строится. Как и у матери, у меня не было никакой специальности. В школе не училась. Но читала и писала хорошо. Зэки научили в прорабстве. Убирала в шоферской, истопником была. Кочегарила в котельной... А когда прикрыли посёлок, и все разбежались, кто куда, стала мытарить одиночество. Да не оно страшно...

– А что ты не подалась куда-нибудь? – спросил Савелич, наливая женщине в кружку водки, не плеснув ни Сенину, ни себе.

Женщина потянулась к кружке.

– А ты что себе не налил?

– За рулём, мать. Мне довольно. А тебе всё равно, когда сны видеть.

– И то, правда.

Женщина выпила, не морщась, будто пила давно знакомый сладкий напиток или морс какой. Потянулась за колечком свежего огурца, горкой нарезанного Савеличем. Продолжала.

– А куда мне было податься? Последняя я, как бескрылая птаха, не способная улететь за своей стаей. Ни кем не брошенная на произвол судьбы, поскольку некому было меня бросать, но оставшаяся здесь. Даже почему я осталась здесь, не знаю. И мне кажется, что я вообще последняя из живущих на Земле людей. И после меня наступит конец всему, и некому будет сторожить безлюдную трассу, где нет-нет, да и

появляются люди. Как вы, например. А я – вот она. Здесь, живая. А потому, покуда здесь люди есть, надежда остаётся, что вернутся сюда и другие, кончится эта напраслина. Не дело дома бросать, которые с таким трудом строились вместе с дорогой виноватыми ли невиновными. Кто их теперь рассудит: зэков ли, завербовавшихся когда-то людей на заработки, или по своей воле оказавшихся здесь строителей и дорожников.

Старуха присела на почерневший от времени пенёк. Положила на колени руки-плети. Морщинистое и тёмное её лицо, кажется, стало ещё чернее. Плечи выпинались из-под стёганки, подчёркивая её худобу. Руки на её коленях выглядели выгоревшими от северного солнца. Были похожи на мумифицированные останки только что вскрытой гробницы. Настолько они выглядели иссохшими. Немного помолчав, заговорила опять, будто бы исповедовалась.

– Никого из родственников у меня не было. Мать рассказывала, её из-под Вологды этапом доставили сюда. А за что ей срок дали, право и не припомнится. Всё поминала, что её молодую силком взял кто-то из партийных в селе, а чтобы она не стала жалиться, оговорили, будто против партии пошла в шестнадцать-то лет. И скопом с какими-то мужиками в лагерь определили.

Помолчала. Налила ухи. Но не притронулась.

– Пенсию маленькую мне дали. Но и её надо получать у дорожников. Я-то при них служила. Но не наездишься туда на перекладных. Вот и беду здесь. Пока ноги держат.

– А кто тебе имя такое дал, Ирги? – спросил Савелич.

– Меня Ирой мать нарекла. Но однажды к ней из Томтора пастух эвен прилип. Хороший мужик был. Правда, плохо говорил по-русски. Меня всё звал Ирги, да Ирги... И я привыкла к этому имени. Когда умерла мать, хотел забрать к себе. Но я не захотела в стойбище идти к нему. Мне хотелось в платице ходить по посёлку. К тому же меня любил один бульдозерист. Шальной такой. Роста небольшого, да и не красавец совсем был. Но, бывало, посадит к себе в кабину, увезёт на трассу, и мы там днями дорогу ровняли. Хорошее это время было. Ребёночка мне заделал. Только выкидыш был. А после у меня ничего уже не случилось. Либо мужики у меня такие были, либо во мне что-то не так от матери моей досталось...

Однажды с метеостанции парень ко мне подвязался, когда молодость свою я уже по трассе растеряла. Увезти хотел. Да не увёз. Сам уехал... Да что это я вам исповедуюсь. Захмелела старуха. А одной и поговорить не с кем... Тебя-то как звать, парниша, – обратилась женщина к геологу.

– Марат.

– Татарин что ли?

– Вроде того.

– А чем промышляешь?

– Геологом у старателей.
– Значит, золото копают ещё?
– Копают..., куда ему деваться.
– А почему тогда дорогу эту бросили, коли копают?
– Другую ветку построили, вот и объезжают теперь... Короче та стала. Да и мост поставили через Брюнгаде.
– А вы зачем по этой дороге поехали?
– В Оймьякон надо, по делам...
– Ну, с вами не разговоришься... Может отночуете здесь?
– Нет, мать, поедем. Чайку попьем и поедем,– за Марата ответил Савелич и начал выкладывать из своей сумки продукты прямо на пол. – Это тебе, мать. Обратном после сезона этой же дорогой пойдём. Глядишь, что-нибудь прихватим с собой...

Когда машина вывернула на брошенную дорогу от дома Ирги, в боковое зеркало Марат увидел худую одинокую фигурку женщины, молча провожавшую их. У ног её сидела серая кошка, словно тень всегда сопровождавшая хозяйку. Ирги стояла и смотрела вслед им до тех пор, пока машина не завернула за брошенный остов почерневшей от угля и от времени котельной.

Когда гости уехали, Ирги праздновала. Еды ей оставили много. Да ещё оставалось две пачки сигарет и недопитая бутылка водки. Всё это она собрала и снесла в дом.

Осень незаметно охладил лето и за два-три дня желтизна лиственниц уже осыпалась на намертво лёгший до весны снег. Ирги успела сделать загородку на протоке и вдоволь наловить хариуса. Изредка проходившие по умирающей трассе машины не волновали её. Кто хотел и знал её, тот заворачивал на огонёк. Она потчевала проезжих рыбой, зайчатиной. Её угощали кто, чем мог. Рассказывали, что творится за пределами заснеженных гольцов. Она слушала, и всё спрашивала, вернутся ли сюда люди. Но они знали столько же, сколько и она. Даже говорили о какой-то бесперспективности Севера. Она удивлялась тому, поскольку не понимала, как может быть бесперспективной обжитая когда-то земля, где есть хоть одна, но дорога, соединяющая другие посёлки, где остались люди.

Иногда просила, чтобы передали туда, на какой-то верх, что нельзя так, мол, обходиться с землёй. Люди улыбались и удивлялись детской наивности женщины, у которой были такие же младенческие представления о том, что в действительности происходит там, на материке. В стране, где перемены были нормой, а постоянством были перемены.

Однажды, выйдя из дома, чтобы проверить петли на зайцев, она издали увидела над своим поселком дым. Тот столбом поднимался

почти вертикально вверх и где-то высоко над землёй стелился вдоль долины реки.

– Мать честная! Горю...

И с этими словами она бросилась к своему дому. Когда она прибежала к нему, всё уже было кончено. Кострише догорало...

Она долго ходила вокруг пепелища. Не плакала, не причитала. Она ходила как во сне. Пока к ночи не стала замерзать. Откуда-то ей послышался нарастающий шум машины. Она встрепенулась и побежала к дороге, в надежде успеть перехватить её.

Но стояла долго, а машины всё не было. Ей явственно чудился гул машины, и она ждала, что вот-вот вынырнет та из-за поворота. И тогда, как и все когда-то, она навсегда покинет это место, забытое всеми и выглядевшее уже страшным в белом безмолвии, на которое из и иссиня чёрного неба падал едва заметный свет холодных звёзд. Не заметила, как села на бревно и задремала...

Из Оймьякона на Хандыгу Марат возвращался с Савеличем, когда морозы уже доходили до минус сорока. Перед тем, как выехать на трассу, почему-то вспомнил старуху из Кубумы. Она чем-то напоминала ему его мать, когда он уходил молодым специалистом на заработки на Север. Также провожала его за околицу, когда Марат выезжал на попутке, также как Ирги не махала рукой, а так и стояла неподвижная, опустив одну руку, как плеть, а другой краем платка вытирала набежавшую, видимо, слезу.

В Томторе Марат попросил Савелича перекусить, а сам на всё, что у него оставалось из наличности, купил продуктов, сигарет. Прихватил две бутылки водки и какого-то красного вина. Савелич на это заметил:

– Старухе из Кубумы, что ли, презент? Здесь на трассе пьют водку, Марат, не вино.

– Глядишь, в Новый год разговееется и наполнит разрисованный стеклянный стакан. Помнишь, как ей хотелось, чтобы мы водку красиво выпили.

– Помню... И поднос помню... Надо же! действительно, для неё был тот день праздником. Только я не оценили это. Кружкой размазал её гостеприимство.

– Ладно, поехали! Я с базы кожушек почти новый захватил у оставшихся на базе сторожей. Подарок, вроде...

Подъезжали к Кубуме к вечеру. Короткий декабрьский день умирал быстро. Границы сопки выступали резче и лишь на нескольких из них розоватые блики указывали на то, что солнце ещё не покинуло стылый край с заснеженной дорогой, на которой не было видно ни одного следа от машин. Только редкие цепочки следов от живности пересекали

тело дороги, словно не были заинтересованы в ней, будто бы избегали дорогу, как нечто не естественное среди этой дикости природы.

Посёлок еле выделялся серостью небытия в белом безмолвии снега и холода.

– Ни дымка, ни жизни... – обронил Савелич.

– Может, уехала Ирги? – предположил Марат.

– Такие не уезжают. Здесь она. Может просто уже отдыхает. Небось у неё ни свеч, ни фонаря нет. Не спапалились с тобой в суматохе сборов.

– А это что там, застыло около дороги? – показал рукой Марат.

– Где?

– Около старой заправки.

Посмотрим...

Машина остановилась около того, на что указывал геолог. Савелич и Марат вышли из «Урала» и остолбенели. На бревне сидела Ирги, покрытая белым снежным саваном, уронив голову на колени. Это была действительно замерзшая мумия. Женщина, наверное, застыла давно, потому, что возле неё уже виднелись следы горносталя...

Вдвоём под застывшие скрюченные руки её приподняли легко, словно это было не тело женщины, а нечто, напоминавшее невесомый гипсовый слепок. Решили отнести тело в дом. Но когда в сумерках уже подошли к нему, перед ними из-под снега выросли присыпанные снегом обуглившиеся брёвна сгоревшего дома... Истошно мяукая, вынырнула откуда-то из чудом сохранившегося рядом сарая, кошка.

Похоронили в старом желобе отопительной системы, вкинув из него какие-то тряпки, опилки и стружки. Завалили досками и полусгнившими брёвнами, чтобы зверь не достал. А когда покидали место, Савелич клаксоном дал протяжный сигнал. Он слабым эхом, как стоном старухи, отозвала у наледи и затих.

Содержание

СТИХИ

Предисловие

1. Человек и Природа

Поэт и редактор.....	
Человек.....	
Время и пространство растворились.....	
Ценнее человека есть природа.....	
Все понимают то, что бессловесно.....	
Предел разума.....	
Я мыслю мир.....	
Г. Перельману	
Бог думает о нас.....	
Мне хочется пройти по небу.....	
Если Бог не смог.....	
Все мы смертны.....	
Всё в прах уйдёт.....	

2. Женщины как переменные звёзды. Они меняют свой блеск в зависимости от возраста, окружающей среды и партнёра...

Ты не пришла.....	
Живём, как в параллельном мире.....	
Стихи – от слова стихия.....	
И в сорок пять любовь достанет.....	
А ты никогда не любила.....	
Милая, а что написано там.....	
Ах ты, куколка моя.....	
Когда-то муж сказал своей жене.....	
Что хочет женщина.....	
Ты в меру цинична.....	
Мужчина коварной женщине.....	
О вы, надеждой побеждённые.....	
Меня не трогает взаимность.....	
Спасибо за звонок.....	
Тревожить вас звонками я не стану.....	
Заспанные глаза.....	
Я тебе поклонюсь.....	
Я не хотел бы вспоминать.....	
Покинул я не ласковую гавань.....	
Мы не претендуем на взаимность.....	
И я сказал: «Люблю тебя!».....	

А здесь такая канитель.....
А что тебе до моих нужд.....
Мужчины по поводу женщин.....
Ты уходил.....
Ты по ошибке позвонила.....
Не исчезай.....
О, это чудо.....
Переболело на душе.....
Увы! Как странно мы с тобой живём.....
О, женщины! Источник благ и бед.....
Горькая полынь.....

3. ... и каждый раз друг друга вспоминаем.....

Не забудьте поздравить близких.....
В блокнот другу.....
Новогоднее.....
В День Святого Валентина.....
В день Прощённого Воскресенья.....
Поздравление женщин с 8-м Марта.....
НТ. С рождением тебя.....
Засохли ромашки в вазоне.....
А. Кабо. Крепитесь, друг.....
ГК. Что я? Волк, потерявший стаю.....
СЕ. Чтобы жила.....
С Наступающим!.....
С Новым!.....
НТ. Живи и радуйся тому, что ты живешь.....
НТА. И что находишь среди книг.....
ШГЕ. Прощай!.....
Другу.....
При встрече ты тогда сказала.....
Мы в жизни любим только раз.....
Отвези меня. Брось на дороге.....
Ты опять подпустила к себе.....

4. Лабиринт — запутанный ход с единственным выходом. Чтобы выйти из него надо всё время держаться одной стороны...

Лабиринт.....
Мы все обманом торим тропы.....
А что такое жизнь?.....
Встречайтесь.....

Я больше не пишу стихов.....
Я счастлив тем, что я живу.....
Как хорошо, что есть на свете город.....
Спасибо, что ты есть.....
Зябко мне.....
Abstract.....
Прогнозы опасная шутка.....
Снег в окно.....
Сорвал последний лист порывом ветер.....
Поэт во власти.....
Засохли ромашки в вазоне.....
Мистика.....
Боль и соль.....
О, кто же мы в стране изгоев.....
В. Аксенову.....
Свечой оплавленной сгорю.....
А за стеной
С поэтами Вам лучше не общаться.....
И вот во сне, наконец, мы встретились.....
Желаю Вам.....
Вот и всё.....
И в бетховенском Allegro Con Brio.....
О, жизнь, подательница бед.....
Купола, купола.....
Из ничего не делайте врагов.....
Русь не зовите к топору.....
О нас Отечество печётся.....
Зачем ходил я по земле.....
Ворона и бегемот.....
Козёл и просвещение.....
Признание истории.....
Всё бросаем мы в прошлое.....
Мешало дерево.....
Терновый остров.....
Святая ложь.....
В борьбе за выживание живём.....
Мы сами пишем.....
Чистый лист искреннее.....
Мы живём, словно вечность отпущена нам.....
Я живу, словно я не живу.....
Девочка и Солнце.....
Остров под названием Возраст.....
Тень моя Макс.....
Одних при жизни вознесут.....

Хватаемся за прошлое.....
Жизнь надо проживать сейчас.....
Не ценим временных страстей.....
Поэма о кресле.....
Куда идём.....
Меня не будет.....
За всё несовершенное.....
Сильна лишь правда.....
Обыватель – поэту.....
Кто мы.....
Афоризмы.....

РАССКАЗЫ

Ничья. Мистика. Любовь.....
Болото и лотос.....
Погасшая свеча.....
Горлица.....
Озеро.....
Ирги.....